

ОТ ОПЫТА БОРЬБЫ С ИНВЕСТИЦИОННЫМ МОШЕННИЧЕСТВОМ К ПОСТРОЕНИЮ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН FROM THE EXPERIENCE OF COMBATING INVESTMENT FRAUD TO THE DEVELOPMENT OF A UNIVERSAL FORENSIC METHODOLOGY FOR ITS INVESTIGATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

АНДРЕЕВ Александр Сергеевич,

Профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, профессор, доктор юридических наук.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

E-mail: Modusoperandi@ya.ru;

РАХИМОВ Фаридун Давлаталиевич,

Сотрудник УМВД по городу Душанбе, Республика Таджикистан, капитан милиции.

Республика Таджикистан, г. Душанбе.

E-mail: Rakhimovf97@yandex.ru;

ANDREEV Alexander Sergeevich,

Professor of the Department of Criminalistics,

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor, Doctor of Law.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

E-mail: Modusoperandi@ya.ru;

RAKHIMOV Faridun Davlataliyevich,

Officer of the Department of Internal Affairs of the City of Dushanbe, Police Captain.

Republic of Tajikistan, Dushanbe.

E-mail: Rakhimovf97@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются тенденции развития инвестиционного мошенничества в Российской Федерации и Республике Таджикистан на фоне роста транснациональной преступности. На основе статистических данных, судебно-следственной практики и опроса сотрудников правоохранительных органов обосновывается необходимость разработки универсальной межгосударственной частной криминалистической методики расследования мошенничества в сфере инвестиций. Раскрываются объект, предмет, структура и критерии формирования методики, а также системообразующая роль криминалистической характеристики преступления. Предлагается авторский криминалистический метод, направленный на повышение эффективности раскрытия, расследования и предупреждения инвестиционного мошенничества в РФ и РТ.

Abstract: The article examines trends in the development of investment fraud in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in the context of the growth of transnational crime. Based on statistical data, judicial and investigative practice, and a survey of law enforcement officers, the study substantiates the need to develop a universal interstate specialized forensic methodology for investigating investment fraud. The object, subject, structure, and criteria for forming this methodology are identified, as well as the system-forming role of the forensic characteristics of the crime. An author-developed forensic method aimed at improving the effectiveness of detection, investigation, and prevention of investment fraud in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan is proposed.

Ключевые слова: инвестиционное мошенничество; криминалистическая методика; межгосударственное взаимодействие; Российская Федерация; Республика Таджикистан.

Keywords: investment fraud; forensic methodology; interstate cooperation; Russian Federation; Republic of Tajikistan.

Для цитирования: Андреев А.С., Рахимов Ф.Д. От опыта борьбы с инвестиционным мошенничеством к построению универсальной криминалистической методики их расследования в Российской Федерации и Республике Таджикистан // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 553-556. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_553.

For citation: Andreev A.S., Rakhimov F.D. From the experience of combating investment fraud to the development of a universal forensic methodology for its investigation in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 553-556. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_553.

Статья поступила в редакцию: 24.12.2025

Преступность на территории стран постсоветского пространства и в мире в целом демонстрирует тенденцию к устойчивому росту экономических преступлений, среди которых особую опасность представляет инвестиционное мошенничество. Инвестиционные мошеннические схемы напрямую связаны с процессами цифровизации и глобализации, приобретают трансграничный характер и характеризуются высокой латентностью. Мошенничество в сфере инвестиций наносит колоссальный материальный ущерб, подрывает доверие граждан к финансовым институтам и дестабилизирует экономическую безопасность государств [1, с. 83]. Традиционные методы предотвращения, выявления, раскрытия и расследования зачастую неэффективны против динамичных, технологично-ориентированных интернациональных преступных групп. Это порождает потребность в разработке новых криминалистических подходов.

В Российской Федерации и Республике Таджикистан (РФ и РТ, далее для краткости, соответственно), проблема стоит особенно остро. Несмотря на некоторые позитивные тенденции 2023 года в РТ, статистические данные последних лет о состоянии преступности Российской Федерации и Республики Таджикистан демонстрирует лавинообразный рост числа зарегистрированных мошенничеств, значительную долю которых составляют преступления в инвестиционной сфере. В РФ в 2022 году было зарегистрировано 343,1 тыс. случаев мошенничества, в 2023 году –

уже 433,7 тыс., а в 2024 году показатель достиг 445,7 тыс. зарегистрированных мошенничеств. За январь-июль 2025 года зафиксировано 256,7 тыс. случаев мошенничества¹.

В Таджикистане ситуация вызывает большую тревогу. По данным МВД РТ, в 2022 году было зафиксировано 2,8 тыс. случаев мошенничества, в 2023 году показатель несколько снизился и составил 2,7 тыс. Однако в 2024 году наблюдается рост до 3,5 тыс. случаев. За январь-июнь 2025 года зафиксировано 2,4 тыс. преступлений указанной категории. Настораживает тот факт, что за январь-март 2025 года в РТ выросло почти на 40% количество зарегистрированных мошенничеств.

В структуре преступности РФ мошенничество составляет 23,3%, а в РТ 16,1%, занимая второе место по распространенности после краж.

Раскрываемость мошенничеств в 3 раза выше в Республике Таджикистан нежели в РФ: для РТ данный показатель по данным за 2022-2025 составляет 94,1%, для РФ – 26%.

Количество иностранных граждан, совершивших мошенничество на территории РФ, в том числе и граждан РТ, в 2024 году выросло почти на четверть и составило 24,5%. Каждое пятое преступление, совершенное на территории РФ иностранными гражданами, а именно 1405 из 7340 совершены гражданами Таджикистана. Каждое десятое преступление, совершенное на территории РФ и каждое 20 на территории РТ – это мошенничество. В 2022 и 2023 годах наблюдается рост мошенничеств, совершенных в отношении граждан РТ на территории РФ и составляет 37,1% и 30,5%, соответственно, на что отреагировали правоохранители в предупреждении пресечения мошенничества, в том числе инвестиционного характера, поскольку в 2024 году произошел существенный спад, а именно минус 24,7%. Ситуация с совершением мошенничества гражданами РФ на территории РТ диаметрально противоположна. Всего за последние 3 года привлечено к ответственности 3 человека и только в 2024 году. Также граждане РФ крайне редко становятся жертвами мошеннических действий на территории РТ. В среднем за последние 3 года один человек в год. За первые 9 месяцев 2024 года находились в (федеральном, международном, межгосударственном) розыске объявленные правоохранительными органами за совершение мошенничества, составили: в РФ 7085 человек; в РТ 744 человек.

Анализ официальных статистических данных и материалов уголовных дел позволил нам выявить интересную взаимосвязь: а) тиражирование способов инвестиционного мошенничества в РФ из-за рубежа; б) перенос инвестиционной мошеннической деятельности из РФ в другие страны ОДКБ, в том числе и в РТ, так и в ряда других стран СНГ, либо в обратной последовательности.

По результатам проведенного нами опроса в субъектах предварительного расследования и субъектов оперативно-розыскной деятельности РФ и РТ отметим, что инвестиционное мошенничество является одним из самых латентных видов мошенничества, а также порождающей серьезные трудности в раскрытии и расследовании преступлений, об этом указали 94 и 77 респондентов РФ и РТ соответственно.

Межгосударственное сотрудничество в области борьбы с преступностью в РФ и РТ носит достаточно продолжительный и устойчивый характер, однако с учетом геополитической обстановки, состояния преступности на внутригосударственном уровне РФ и РТ, имеющимися недостатками правоприменения в предупреждении, раскрытии, расследовании инвестиционных мошенничеств, требуется формирование новых криминалистических подходов, одним из которых нам видится создание универсальной системы криминалистических знаний по расследованию мошенничеств в инвестиционной сфере. Анализ опыта борьбы с мошенничеством в целом и инвестиционным в частности, диктует необходимость создания универсальной межгосударственной криминалистической методики расследования (далее - УМКМ), что, собственно, и выступило целью настоящей работы, согласно которой выделим следующие задачи:

- рассмотреть состояние научной разработанности проблематики методического обеспечения противодействия инвестиционному мошенничеству;
- создать аналитические основы УМКМ мошенничества в сфере инвестиций;
- выделить криминалистические значимые императивы и признаки для такой составляющей разрабатываемой методики, как криминалистическая характеристика преступления;
- уточнить объект и предмет исследования применительно к УМКМ инвестиционных мошенничеств.

Анализ существующей научной литературы позволяет констатировать, что проблематика методического обеспечения противодействия инвестиционному мошенничеству находится в поле зрения исследователей, однако ее разработанность носит фрагментарный и недостаточно системный характер [2,3,4,5]. Из последних диссертационных работ можно выделить исследование А.Л. Пермякова (2016), посвященное методике расследования мошенничества, связанного с инвестиционными проектами на предприятиях железнодорожного транспорта [2], однако ее отраслевая ограниченность не позволяет экстраполировать выводы на весь комплекс инвестиционных мошеннических схем. Среди более ранних работ можно отметить диссертацию В.А. Казакова (1999) [5], которая отличается тщательной проработкой криминалистической характеристики, следственных ситуаций и тактики действий при расследовании мошенничеств, совершенных группами лиц в сфере частного инвестирования, однако с учетом даты издания, она не отражает современные проблемы, обусловленные цифровизацией мошеннической деятельности. Таким образом, целостное межгосударственное методическое обеспечение, адаптированное к потребностям современной практики, пока находится в

¹ Официальные данные ГИАЦ МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

зачаточном состоянии.

Представляется, что разработка частной межгосударственной методики расследования мошенничеств в сфере инвестиций выступит своевременным ответом на запрос правоохранительных органов вышеуказанных стран, а ее внедрение позволит повысить эффективность как на внутригосударственном уровне, так и на межгосударственных уровнях. Критерием создания частной методики расследования мошенничеств в сфере инвестиций выступает:

- 1) уголовно-правовой критерий;
- 2) сфера инвестиций;
- 3) анализ судебной практики по делам о мошенничестве.

Указанная методика нацелена на создание межгосударственных, межведомственных методических рекомендаций, указаний для следователей РФ и РТ, как и других стран ОДКБ.

Отметим, что по уголовно-правовому критерию в РФ за мошенничество, то есть «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана и злоупотребления доверием», предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 159 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹. Уголовно-правовое законодательство Таджикистана, относящейся к романо-германской правовой системе, (с учетом национальных особенностей присущих всем государствам бывшего СССР), в ст. 247 Уголовного кодекса РТ (далее УК РТ) содержит идентичное российскому уголовному законодательству описание деяния в виде мошенничества (тот же родовый и видовой объект, диспозиция, основные квалифицирующие признаки, схожая санкция основного состава статьи, примечание, содержащее определение хищения)².

Из отличий можем указать только на разные квалифицирующие признаки и санкции статей. Так, именно уголовно-правовой критерий, а также состояние сферы инвестиций в РТ и РФ является основанием формирования и развития соответствующей частной методики расследования.

Объектом методики расследования мошенничеств в сфере инвестиций выступает преступная инвестиционная мошенническая деятельность, связанная с ней посткриминальная деятельность, а также криминалистическая деятельность по их раскрытию, расследованию и предупреждению в РФ и РТ.

Предметом выступают: а) закономерности, характеризующие подготовку, совершение и сокрытие инвестиционных мошенничеств. б) закономерности соответствующих механизмов отражения преступной деятельности в социально-правовой действительности, в) закономерности раскрытия, расследования и предупреждения, основанные на научно-обоснованных и апробированных практикой рекомендаций для первоначального и последующего этапов расследования. Таким образом, предмет УМКМ — это неразрывное единство объективных закономерностей инвестиционного мошенничества как социально-правового явления и трансформация этого знания в универсальный криминалистический инструментарий для осуществления практической деятельности правоохранительных органов РФ и РТ.

Межгосударственная частная криминалистическая методика является универсальной, поскольку может применяться как для расследования на территории РФ и РТ, так и совместно сотрудниками правоохранительных систем обеих стран при их взаимодействии, в том числе с использованием совместных следственно-оперативных групп.

С точки зрения формы изложения данная методика должна обладать определенной структурой. В структуру методики входит: криминалистическая характеристика мошенничества в сфере инвестиций; следственные ситуации первоначального и последующего этапов расследования мошенничества в сфере инвестиций; первоначальный и последующий этапы расследования мошенничества в сфере инвестиций; а также особенности межгосударственного взаимодействия при расследовании мошенничества в сфере инвестиций.

В процессе проведения нашего исследования мы пришли к выводу, что системообразующим элементом криминалистической характеристики мошенничества в сфере инвестиций выступает обстановка мошенничества в сфере инвестиций, которую формируют периоды экономической и инвестиционной нестабильности; высокий уровень цифровизации финансовых услуг; слабая осведомленность населения о механизме инвестиций; наличие сильных миграционных потоков между РФ и РТ; деятельность под прикрытием легальных юридических лиц или брокерских компаний. Обстановка детерминирует причины совершения инвестиционных мошенничеств, обуславливают как мотивы поведения жертвы, так и способы совершения хищения путем обмана или злоупотребления, способы сокрытия инвестиционного мошенничества, в том числе противодействие расследованию в целом (подкуп, уговоры, шантаж свидетелей, очевидцев или жертв).

Элементами криминалистической характеристики инвестиционных мошенничеств так же способы подготовки, совершения и сокрытия, данные, характеризующие личность инвестиционного мошенника (их группы), данные о личности жертвы и ее взаимоотношениях с инвестиционным мошенником.

Для терминологии системы частной универсальной методики расследования в мошеннической сфере инвестиций наиболее важным и необходимым является формулирование понятия «инвестиций», используемых в практике судов РФ и РТ.

Отметим, что предпринятая попытка выявления сущности термина «инвестиции» применительно к вопросам криминалистического

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=179;-53#pos=179;-53

обеспечения расследования и раскрытия инвестиционных мошенничеств путем изучения концепций, теорий, учений, устоявшихся в экономических науках как РФ, так и РТ не дала каких-либо видимых результатов в разработке данной методики. В связи с чем, нами разработан собственный криминалистический метод познания мошенничества в сфере инвестиций, связанный с эмпирическим анализом признаков мошенничества в сфере инвестиций в судебной и следственной практике.

Для этого нами проанализированы обвинительные приговоры с их верификацией в соответствии с законодательными нормами РФ и РТ, а также результаты анализа уголовных дел о мошенничестве в сфере инвестиций. Такой криминалистический метод позволил не только установить определенную структуру криминалистической характеристики мошенничества в сфере инвестиций, но и систематизировать криминалистические версии, типизировать ситуации расследования и оптимизировать тактику отдельных следственных действий. Отличительные особенности метода: эмпирическая основа (предполагается анализ фактического материала: материалов уголовных дел, обвинительных приговоров), критериальная верификация (отбор и проверка информации по строгим криминалистически значимым критериям, т.е. на первый план выходит не экономическая сущность «инвестиции», а ее криминалистическая характеристика), пространственно-временная конкретизация: (привязка к конкретным условиям места и времени, обстановке, что позволяет учитывать региональную специфику), системообразующая роль обстановки (которая детерминирует выбор способа, формирует личность преступника и жертвы, обуславливает специфику следовой картины).

То есть, в процессе исследования сформирован авторский метод познания элементов криминалистической характеристики, который может быть использован для создания криминалистической характеристики преступлений, совершенных в определенной сфере в условиях пространственно-временных рамок для критериальной верификации криминалистически значимой информации и построения методики расследования отдельных видов преступлений, а поскольку раздел «Криминалистическая методика», так или иначе, предопределяет знания из частных теорий, учений, общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики, то ее применение возможно согласно стоящим задачам и объектно-предметной организации исследования в рамках любого раздела науки криминалистики.

Частная межгосударственная криминалистическая методика расследования мошенничества, совершенного в сфере инвестиций – это методико-криминалистический комплекс, включающий методические рекомендации по ситуативно рациональной деятельности следователя (дознателя) в предупреждении, раскрытии и расследовании мошенничеств в сфере инвестиций, обоснованные криминалистической характеристикой и включенными в нее взаимосвязей. Основанием создания межгосударственной методики выступает уголовно-правовой критерий (ст. 159 УК РФ и сопутствующие составы преступлений, ст. 247 УК РТ), а также криминалистически значимые признаки, отражающие закономерности преступной деятельности, связанной с мошенничеством в сфере инвестиций, а также предупреждения и расследования данных преступных посягательств на национальном и межгосударственном уровнях.

Список литературы:

1. Данилова Е. П. Финансовое мошенничество в современном мире / Е. П. Данилова, Е. М. Портняга // *Siberian Socium*. 2023. Том 7. № 2 (24). С. 67-97.
2. Пермяков А.Л. Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Иркутск, 2016. 197 с.
3. Попова Е.В., Сычев П.Г. Механизм преступления, совершенного в инвестиционной сфере // *Право и управление*. 2024. №5. С. 328-333.
4. Яковлев А. В. О криминалистической характеристике мошенничеств, совершаемых по принципу «Финансовых пирамид» // *Вестник Московского университета*. Серия 11. Право. 2014. №4. С. 98-102
5. Казаков В.А. Первоначальный этап расследования мошенничеств, совершенных группами лиц в сфере частного инвестирования: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Санкт-Петербург, 1999. 227 с.

References:

1. Danilova, E. P. Financial Fraud in the Modern World / E. P. Danilova, E. M. Portnyaga // *Siberian Socium*. 2023. Vol. 7, No. 2 (24). pp. 67–97.
2. Permyakov, A. L. Methodology for Investigating Fraud Related to the Implementation of Investment Projects at Railway Transport Enterprises: PhD thesis (Candidate of Legal Sciences): 12.00.12. Irkutsk, 2016. 197 p.
3. Popova, E. V., Sychev, P. G. The Mechanism of Crime Committed in the Investment Sphere // *Law and Governance*. 2024. No. 5. pp. 328–333.
4. Yakovlev, A. V. On the Forensic Characteristics of Fraud Committed According to the "Financial Pyramid" Principle // *Bulletin of Moscow University*. Series 11: Law. 2014. No. 4. pp. 98–102.
5. Kazakov, V. A. The Initial Stage of Investigating Fraud Committed by Groups of Persons in the Sphere of Private Investment: PhD thesis (Candidate of Legal Sciences): 12.00.09. Saint Petersburg, 1999. 227 p.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗОЙ И МОНИТОРИНГОМ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ IMPROVING PROSECUTORIAL SUPERVISION OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE AND MONITORING IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES

ГАЙДАЕНКО Юлия Александровна,

Магистрант Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

350000, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.

E-mail: shcheblykina.01@mail.ru;

ПЕТРИКИНА Анна Александровна,

Доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

350000, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.

E-mail: annapetrikina@yandex.ru;

GAIDAENKO Julia Alexandrovna,

Master's student of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice.

350000, Krasnodar, Krasnykh Partizan str., 234.

E-mail: shcheblykina.01@mail.ru;

PETRIKINA Anna Alexandrovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics

of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

350000, Krasnodar, Krasnykh Partizan str., 234.

E-mail: annapetrikina@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье проводится комплексный анализ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также антикоррупционного мониторинга как ключевых профилактических механизмов в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Исследование базируется на изучении федерального и регионального законодательства, ведомственных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, данных эмпирических исследований и судебной практики. Выявляются системные противоречия и пробелы, снижающие эффективность прокурорского надзора в данной сфере. Автором предлагается комплекс мер организационного, правового и технического характера, направленных на оптимизацию прокурорской деятельности в сфере противодействия коррупции, включая законодательное закрепление статуса внешних специалистов, создание единого реестра экспертов, внедрение технологий искусственного интеллекта и унификацию антикоррупционного мониторинга.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects, as well as anti-corruption monitoring, as key preventive mechanisms in the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The study is based on the analysis of federal and regional legislation, departmental acts of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, empirical research data, and judicial practice. The article identifies systemic contradictions and gaps that reduce the effectiveness of prosecutorial supervision in this area. The author proposes a set of organizational, legal, and technical measures aimed at optimizing prosecutorial activities in the field of anti-corruption, including the legislative consolidation of the status of external specialists, the creation of a unified register of experts, the introduction of artificial intelligence technologies, and the unification of anti-corruption monitoring.

Ключевые слова: противодействие коррупции, прокурорский надзор, антикоррупционная экспертиза, антикоррупционный мониторинг, коррупциогенные факторы, искусственный интеллект.

Keywords: anti-corruption, prosecutorial supervision, anti-corruption expertise, anti-corruption monitoring, corruption-inducing factors, and artificial intelligence.

Для цитирования: Гайдаенко Ю.А., Петрикина А.А. Совершенствование прокурорского надзора за антикоррупционной экспертизой и мониторингом в контексте уголовно-процессуальной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 557-559. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_557.

For citation: Gaidayenko Yu.A., Petrikina A.A. Improvement of Prosecutor's Supervision over Anti-Corruption Expertise and Monitoring in the Context of Criminal Procedure Activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 557-559. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_557.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2025

Актуальность темы исследования обусловлена устойчивой тенденцией к усилению роли органов прокуратуры Российской Федерации в системе превентивных антикоррупционных мер. Как отмечает Ю.И. Воронина: «Ценность института антикоррупционной экспертизы велика. Именно благодаря данной профилактической мере воздействия можно исключить злоупотребление правом, произвол со стороны должностных лиц, не допуская нарушения прав и законных интересов различных субъектов» [5, с.78]. В свою очередь, по выражению Л.Р. Сосновской: «Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации является централизованной системой сбора информации о состоянии коррупции и эффективности противодействия ей, имеющей административно-правовой характер» [12, с.41]. Несмотря на признаваемую значимость этих инструментов, их практическая реализация сталкивается с комплексом нерешенных теоретических и прикладных проблем, требующих глубокого научного осмысления. Последние изменения законодательства, такие как принятие Федерального закона от 13.06.2023 № 258-ФЗ [1], а также данные эмпирических исследований, отражающие восприятие уровня коррупции населения, подтверждают необходимость анализа и совершенствования прокурорского надзора в данной сфере.

Правовой основой проведения антикоррупционной экспертизы прокуратурой служит Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [3]. Согласно статье 3 данного закона, прокуратура РФ обязана проводить такую экспертизу в отношении нормативных правовых актов, принятых поднадзорными ей органами. Основным отличием экспертизы, проводимой прокуратурой, является ее независимость, обеспечивающая объективность выводов, а также наличие у прокурорских работников уникальных полномочий по применению мер реагирования, включая оспаривание действий в судебном порядке. Эффективность данного направления подтверждается масштабами работы: ежегодно прокурорами проверяется до двух миллионов нормативных

актов и их проектов. Например, по результатам проведения в 2022 году антикоррупционной экспертизы в Краснодарском крае из 2,5 тысячи рассмотренных документов мерами прокурорского реагирования было исключено свыше 2,1 тысячи коррупционных факторов [13].

Одной из центральных теоретических проблем остается определение объекта и предмета антикоррупционной экспертизы. В науке существуют различные подходы. Так, А. В. Кудашкин считает, что объектом антикоррупционной экспертизы выступают социальные связи, урегулированные действующим законодательством, а предметом являются нормативные правовые акты и их проекты [9, с.100]. В противовес этой точке зрения, Е.В. Платов обоснованно утверждает, что объектом антикоррупционной экспертизы могут быть только нормативные правовые акты и их проекты, а в качестве предмета следует понимать установление связи положений нормативного правового акта с коррупционными проявлениями [11, с.113]. Представляется, что вторая позиция в большей степени соответствует законодательству, однако ее ограниченность становится очевидной при анализе правоприменительной практики, когда коррупционные факторы могут выявляться в сложных системах общественных отношений.

Важным является разграничение антикоррупционной экспертизы и оценки регулирующего воздействия. Хотя обе процедуры направлены на улучшение качества правовых актов, их цели и задачи различны. Если оценка регулирующего воздействия фокусируется на оценке экономических и социальных последствий принятия акта, то антикоррупционная экспертиза имеет узконаправленный характер – выявление в тексте норм коррупционных факторов. Как отмечает И.А. Коннов, проведение антикоррупционной экспертизы и оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов следует рассматривать как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие процедуры [8, с.175].

Особого внимания заслуживает вопрос о месте антикоррупционной экспертизы в системе функций прокуратуры. Анализ ст.ст. 9.1 и 23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2], регламентирующих порядок принесения протеста, позволяет согласиться с выводом Р.К. Мелекаева о тождественном их содержании [10, с.158].

Следовательно, проведение антикоррупционной экспертизы правомерно рассматривать не как самостоятельную функцию, а в качестве неотъемлемой составляющей надзорной деятельности прокуратуры, ее специализированного инструмента. Это подтверждается и ведомственным подходом, отраженным в Приказе Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581, который включает вопросы антикоррупционной экспертизы в общий контекст прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции [4].

Если антикоррупционная экспертиза сосредоточена на качестве правовых норм, то антикоррупционный мониторинг направлен на оценку состояния коррупции и эффективности мер противодействия ей в реальной практике. Как отмечает Л.Р. Сосновская, в федеральном законодательстве мониторинговые меры отображены лишь фрагментарно, а их нормативные основы сконцентрированы преимущественно в региональном законодательстве, что порождает дуалистический образ организационно-методических признаков [12, с.40]. Это приводит к значительным различиям в правовом регулировании мониторинга на региональном уровне.

Проблема фрагментарности мониторинга находит подтверждение в региональной практике. Так, в Докладе о восприятии уровня коррупции в Краснодарском крае отмечает, что мониторинг проводится выборочно, а его результаты демонстрируют разрыв в оценках динамики коррупции на федеральном и местном уровнях [6]. Это свидетельствует об отсутствии единого методического подхода и снижает сопоставимость данных. Еще одной значимой проблемой является совпадение в одном лице субъекта и объекта противодействия коррупции на уровне исполнительной власти, когда высший орган власти субъекта инициирует и контролирует измерение коррупции в отношении входящих в его систему звеньев [12, с.41]. Это ставит под сомнение объективность получаемых результатов.

Выявление коррупционных факторов в ходе антикоррупционной экспертизы и данных о распространенности коррупционных практик в рамках мониторинга имеет непосредственное значение для уголовного преследования. Материалы, полученные в результате этих процедур могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ). Однако для этого необходима их надлежащая процессуальная фиксация и оценка. Заключение по результатам антикоррупционной экспертизы, проведенной прокурором, само по себе не является доказательством по уголовному делу, но оно порождает обязанность прокурора принять меры прокурорского реагирования. В случае установления в ходе дальнейшей проверки признаков состава преступления, эти материалы могут быть приобщены к материалам проверки сообщения о преступлении в качестве иных документов (ст. 84 УПК РФ).

Данные антикоррупционного мониторинга, особенно результаты социологических опросов о наиболее коррупционнoемких сферах (например, здравоохранение, судебная система, автоинспекция, по данным доклада по Краснодарскому краю) [6], указывают на системные проблемы в определенных отраслях, что может служить основанием для организации целенаправленных прокурорских проверок и комплексных мероприятий по выявлению преступлений. Несмотря на имеющуюся правовую базу, эффективность антикоррупционной экспертизы и мониторинга снижается из-за ряда системных проблем организационного, правового и технического характера. К организационным проблемам относится колоссальный массив нормативных правовых актов, который физически не могут охватить сотрудники ограниченной по численности прокуратуры. Правовая проблема заключается в неопределенности статуса и требований к специалистам и экспертам, привлекаемым прокуратурой для проведения экспертиз. В действующем законодательстве слабо проработан вопрос о формах их взаимодействия с органами прокуратуры, что создает правовые пробелы и затрудняет эффективное привлечение внешних специалистов.

Для преодоления выявленных проблем и повышения эффективности прокурорского надзора за антикоррупционной экспертизой и мониторингом представляется целесообразным проведение комплекса мер.

Перспективным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта для автоматизации первичного анализа текстов нормативно-правовых актов. Использование алгоритмов обработки языка позволяет проводить семантический и синтаксический разбор, идентифицируя ключевые юридические конструкции, термины, субъектов правоотношений, их полномочия и ограничения. Методы машинного

обучения способны выявлять шаблоны и аномалии, характерные для коррупционных норм, такие как чрезмерно широкие дискретные полномочия, размытые критерии принятия решений, отсутствие прозрачных механизмов контроля. С технической стороны использование искусственного интеллекта создает предпосылки для значительного ускорения экспертизы, повышения ее объективности за счет стандартизированного анализа и оптимизации ресурсов прокуратуры путем автоматизации рутинных операций.

Целесообразно законодательное закрепление статуса внешних специалистов. Необходимо внести изменения в Федеральный закон № 172-ФЗ, четко определив порядок привлечения специалистов и экспертов, их права и обязанности, а также формы взаимодействия с органами прокуратуры. Это позволит формализовать процедуру и повысить качество экспертных заключений. В связи с этим, разумным шагом стало бы создание официального реестра лиц, обладающих специальными знаниями в отдельных отраслях и привлекаемых для проведения экспертиз. Это повысило бы прозрачность отбора экспертов и специалистов, а также качество их работы.

Для устранения системного дефекта в сфере антикоррупционного мониторинга необходима разработка и принятие единых методических рекомендаций и стандартов для его проведения на региональном уровне, а также расширения числа субъектов РФ, имеющих соответствующую нормативную базу. Это позволит обеспечить всеобъемлющий и системный характер мониторинга на всей территории РФ, что станет надежной основой для выработки эффективных управленческих решений. Развитие партнерских отношений с академическими и общественными институтами будет способствовать разработке новых методик выявления коррупционных факторов и повышению квалификации прокурорских работников. Теоретической основой для преодоления проблем мониторинга могла бы быть концепция общественного мониторинга, предложенная П.А. Кабановым [7, с. 35]. Вовлечение институтов гражданского общества в процессы мониторинга способно повысить его прозрачность и достоверность.

В заключение проведенного исследования можно констатировать, что антикоррупционная экспертиза и антикоррупционный мониторинг являются взаимосвязанными элементами системы прокурорского надзора за соблюдением антикоррупционного законодательства. Их значение выходит за рамки профилактики, оказывая непосредственное влияние на уголовно-процессуальную деятельность, обеспечивая качественную последовательную проверку и укрепляя доказательную базу по уголовным делам коррупционной направленности. Реализация предложенных мер – законодательное закрепление статуса внешних специалистов, создание единого реестра экспертов, внедрение ИИ-технологий и унификация антикоррупционного мониторинга – будет способствовать оптимизации деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции, укреплению законности и, как следствие, повышению уровня доверия граждан к государственным институтам.

Список литературы:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.2023 № 258-ФЗ – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 25. - Ст. 4447.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 47. - Ст. 4472.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 29. - Ст. 3609.
4. Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581// Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-10102022-n-581-ob-osushchestvlenii-nii/?ysclid=meu7dmcxx3703140306> (дата обращения 01.10.2025).
5. Воронина Ю. И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как средство противодействия коррупции в современной России: теоретико-правовой аспект // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 74-79.
6. Доклад о восприятии уровня коррупции в Краснодарском крае в 2024 году. – URL: https://admkrasnodar.ru/files/antikorrupcion/DOKLAD%20po%20656_itogi%202024.docx (дата обращения: 14.10.2025).
7. Кабанов П.А. Мониторинг состояния вовлеченности институтов гражданского общества в деятельность комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2022. № 2(43). С. 33-45.
8. Коннов И.А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов и оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов // История, теория, практика российского права: сб. науч. работ. Курск: Курский государственный университет, 2020. С. 170-176.
9. Кудашкин В.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Норма, 2012. 366 с.
10. Мелекаев Р.К. Антикоррупционная экспертиза законодательства органами прокуратуры как средство повышения законности и правопорядка в современной России // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 156-161.
11. Платов Е.В. Антикоррупционная экспертиза как вид деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 111-120.
12. Сосновская Л.Р. Трансформация методов антикоррупционного мониторинга в законодательстве субъектов Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2022. № 3. С. 38-43.
13. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

References:

1. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ dated June 13, 2023 – Text: direct // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2023. - No. 25. - Art. 4447.
2. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 dated January 17, 1992 – Text: direct// Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1995. - No. 47. - Art. 4472.
3. On anti-corruption expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts: Federal Law No. 172-FZ dated 17.07.2009 – Text: direct // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2009. - No. 29. - Art. 3609.
4. On the implementation of prosecutorial supervision and the exercise of other powers by prosecutors in the field of anti-corruption: Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 581 dated 10.10.2022// Laws, Codes, and Regulations of the Russian Federation. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-10102022-n-581-ob-osushchestvlenii-nii/?ysclid=meu7dmcxx3703140306> (accessed on 01.10.2025).
5. Voronina Yu. I. Anticorruption Expertise of Normative Legal Acts as a Means of Countering Corruption in Modern Russia: Theoretic-Legal Aspect // Bulletin of Tyumen State University. 2012. No. 3. Pp. 74-79.
6. Report on the Perception of the Level of Corruption in the Krasnodar Territory in 2024. - URL: https://admkrasnodar.ru/files/antikorrupcion/DOKLAD%20po%20656_itogi%202024.docx (дата обращения: 14.10.2025).
7. Kabanov P.A. Monitoring the State of Involvement of Civil Society Institutions in the Activities of the Anti-Corruption Coordination Commissions of the Subjects of the Russian Federation // Monitoring of Law Enforcement. 2022. No. 2(43). Pp. 33-45.
8. Konnov I.A. Anticorruption Expertise of Normative Legal Acts and Their Projects and Assessment of the Regulatory Impact of Projects of Normative Legal Acts // History, Theory, Practice of Russian Law: Collection of Scientific Papers. Kursk: Kursk State University, 2020. Pp. 170-176.
9. Kudashkin V.V. Anti-Corruption Expertise: Theory and Practice: Scientific and Practical Guide. Moscow: Norma, 2012. 366 p.
10. Melekaev R.K. Anti-Corruption Expertise of Legislation by Prosecutor's Offices as a Means of Improving Legality and Law and Order in Modern Russia // Humanitarian and Legal Research. 2018. No. 3. Pp. 156-161.
11. Platov E.V. Anticorruption Expertise as a Type of Activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in Countering Corruption // Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region. Obshchestvennyye Nauki. 2022. No. 4. Pp. 111-120.
12. Sosnovskaya L.R. Transformation of Methods of Anticorruption Monitoring in the Legislation of the Subjects of the Russian Federation // Voprosy Rossiyskogo i Mezhdunarodnogo Prava. 2022. No. 3. Pp. 38-43.
13. Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. - URL: <https://epp.genproc.gov.ru/> (accessed: 01.10.2025).

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТ- РЕННОГО СТАТЬЕЙ 232 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON CERTAIN ISSUES OF QUALIFYING OFFENSE UNDER ARTICLE 232 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ЕФИМОВ Иван Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры надзорной деятельности и права,
Уральский институт ГПС МЧС России.

620062, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, 22.

E-mail: e3efimov@yandex.ru;

EFIMOV Ivan Aleksandrovich,

candidate of juridical sciences, associate professor
Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia.

22 Mira Street, Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620062, Russia.

E-mail: e3efimov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены отдельные вопросы применения ст. 232 УК РФ, которая устанавливает ответственность за организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств. Проанализировано содержание категории «притон». Акцентируется внимание на вопросах квалификации указанного преступления по признакам объективной стороны.

Abstract: The article examines specific issues concerning the application of Article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for organizing or maintaining a den, or for the systematic provision of premises for the use of narcotic drugs. The content of the legal category of a «den» is analyzed. Particular attention is focused on the issues of qualifying this crime based on the elements of its objective side.

Ключевые слова: притон, организация притона, содержание притона, помещение для потребления наркотических средств.

Keywords: drug den, organizing a den, maintaining a den, premises for the use of narcotic drugs.

Для цитирования: Ефимов И.А. О некоторых вопросах квалификации преступления, предусмотренного статьей 232 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 560-562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_560.

For citation: Efimov I.A. On certain issues of qualifying offense under Article 232 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 560-562. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_560.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

По итогам 2024 года в 33 субъектах Российской Федерации наркоситуация оценивается как «напряженная». В 2024 году общее количество пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, составило 377,9 тыс. человек, в 2023 г. – 388,2 тыс., в 2022 г. – 391,7 тыс. [1]. Несмотря на незначительное снижение числа лиц, страдающих наркоманией и сопутствующими расстройствами, общий уровень немедицинского потребления наркотиков среди населения России остается на стабильно высоком уровне. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования имеющейся системы противодействия распространению наркотических средств, неотъемлемой частью которой является уголовное законодательство, воплощенное в системе норм УК РФ. Особое место в структуре таких норм занимает состав преступления, предусматривающий ответственность за организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 232 УК РФ). Полагая, что общественная опасность указанного преступления имеет совокупный, комплексный и многоуровневый характер, так как в результате его совершения страдают различные правоохраняемые общественные отношения. Распространение и появление новых притонов и иных мест, в которых осуществляется потребление наркотических средств, является непосредственной причиной увеличения масштабов наркотизации населения, способствует росту сопутствующей преступности, дезорганизует общественный порядок и разрушает социально-нравственные устои, оказывает негативное воздействие на здоровье людей. Стоит отметить, что к настоящему моменту сформирован достаточный уровень правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности по ст. 232 УК РФ. Несмотря на это, суды и органы предварительного расследования, до сих пор, сталкиваются с определенными трудностями при применении указанной нормы. Эти сложности обусловлены, в том числе, недостатками конструирования уголовно – правового запрета, а также проблемами, возникающими при толковании и разграничении отдельных признаков состава преступления.

В контексте рассматриваемого состава преступления определенный интерес среди ученых и практиков вызывает термин «притон», содержание и значение которого необходимо раскрыть.

В уголовно-правовой доктрине принято определять как жилое или нежилое помещение (место), приспособленное и используемое с определенной периодичностью для потребления наркотических средств. Верховный Суд РФ в одном из своих обзоров судебной практики указал, что притоном может признаваться жилое или нежилое помещение, в котором осуществляется потребление, возможно, и изготовление для последующего потребления наркотических средств лицами, не являющимися владельцами, пользователями на договорных основаниях данного помещения, не проживающих в данном помещении на иных законных основаниях [2]. Учитывая позицию высшей судебной инстанции, нельзя считать притоном салон автомобиля либо иного транспортного средства, шалаш, палатку и иные сооружения, не являющиеся помещени-

ем. Однако мы разделяем позицию тех исследователей, кто считает, что подобный подход в понимании «притона» является чрезмерно ограничительным и не соответствует цели правовой нормы, нивелируя ее эффективность в борьбе с распространением наркомании среди населения [Ошибка! Источник ссылки не найден., с. 61].

Кроме того, правоприменительной практике известны случаи, когда одно и тоже помещение используется лицами как для потребления наркотических средств, так и по его прямому назначению (например, в таких помещениях осуществляется непосредственное проживание лиц, осуществляющих немедицинское потребление наркотических средств или организовано хранение каких-либо материальных ценностей и т.д.). Некоторые судебные органы акцентируют внимание на том, что притоны, организацию и содержание которых осуществляют виновные лица, должны быть функционально предназначены исключительно для потребления наркотических средств или психотропных веществ. В случае, если такие помещения сохраняют свое первоначальное прямое назначение, то притонами их признавать нельзя. Так, Г. содержал во дворе своего дома гараж, который использовался им по функциональному назначению, был оборудован необходимым инструментом и техникой. Однако в ходе предварительного расследования было установлено, что виновный приглашал в это помещение других лиц для употребления наркотических средств. Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что в действиях данного лица имеются признаки организации притона. Суд апелляционной инстанции, в свою очередь, с данным выводом не согласился, сделав акцент на том, что гараж сохранял свое функциональное назначение, а значит, об организации и содержании притона в этом случае говорить ошибочно [3].

Однако, по нашему мнению, такая правоприменительная позиция не соответствует смыслу закона. Стоит еще раз отметить, что притон является местом, специально приспособленным для потребления наркотических средств. Установив указанное функциональное предназначение помещения, уже можно говорить о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, характеризующих место преступления, вне зависимости от того использовалось ли оно в других целях или нет. Указанная позиция подтверждается отдельными решениями судебных органов. Так, осужденные осуществляли действия по поддержанию функционирования квартиры для потребления наркотических средств (привлекали лиц для посещения притона, предоставляли наркозависимым посуду и различные необходимые приспособления и т.д.). Несмотря на то, что указанная квартира использовалась виновными в том числе для постоянного проживания, суд квалифицировал их действия по ч. 2 ст. 232 УК РФ, как содержание притона [5].

Говоря об объективной стороне рассматриваемого преступления необходимо констатировать, что она характеризуется тремя альтернативными деяниями, выраженными в форме: организации притонов; содержании притонов; систематического предоставления помещений. Наличие в уголовно-правовой конструкции союзов «либо» и «или» говорит о самостоятельности этих действий. Указанная «альтернативность» диспозиции ст. 232 УК РФ предполагает необходимость установления и вменения в каждом случае признаков конкретного деяния, имевшего место в объективной действительности. Однако, органы предварительного расследования не всегда учитывают это требование. Например, согласно словесной квалификации, М. обвинялся в «организации и содержании притона и систематическом предоставлении помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». В ходе судебного следствия факт организации и содержания притона своего подтверждения не нашел, в связи с чем, суд, в указанной части, изменил квалификацию и исключил из объема обвинения излишне вмененные признаки, признав М. виновным только в систематическом предоставлении помещений для потребления наркотических средств [6].

Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 15.06.2006 № 14 разъяснил содержание признаков общественно опасных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 232 УК РФ. Несмотря на наличие соответствующих руководящих положений высшей судебной инстанции, в правоприменительной деятельности не редки случаи ошибочной квалификации действий виновных лиц по признакам объективной стороны.

Так, у правоприменителей возникают проблемы при разграничении деяний, связанных с организацией притонов и их содержанием. Например, приговором районного суда Ж. осужден по ч. 1 ст. 232 УК РФ за организацию и содержание притона для потребления наркотических средств. Суд кассационной инстанции изменил квалификацию содеянного и указал, что по обстоятельствам дела Ж. предоставлял свою квартиру наркозависимым для потребления наркотических средств, снабжал их посудой и другими приспособлениями, осуществлял уборку. Однако, доказательства, подтверждающих совершение осужденным действий, направленных на организацию притона не представлено, в связи с чем, обвинение по указанному признаку является излишним [7].

Очевидно, что организация и содержание притонов являются различными деяниями по своему содержанию и правовому значению.

Под организацией притона следует понимать подыскание, приобретение или наем жилого или нежилого помещения, финансирование, ремонт, обустройство помещения различными приспособлениями и иные действия, совершенные в целях последующего использования указанного помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несколькими лицами.

Под содержанием притона следует понимать умышленные действия лица по использованию помещения, отведенного и (или) приспособленного для потребления наркотических средств или психотропных веществ, по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения. Для установления признаков рассматриваемого деяния необходимо учитывать и оценивать все обстоятельства, характеризующие поведение виновного лица. Так, о содержании притона могут свидетельствовать действия, связанные с внесением арендной платы за использование помещения, его уборка, проветривание, регулирование посещаемости, обеспечение конспирации, оплата коммунальных платежей, создание комфортных условий для потребления наркотических средств и т.д. При этом, зачастую осуществление виновным единичных действий, направленных на поддержание порядка в таком помещении, не признаются правоприменительными органами в качестве содержания притона.

Так, суд апелляционной инстанции, проверяя законность обвинительного приговора, вынесенного в отношении М. и Ж., не усмотрел в их поведении признаков анализируемого деяния, указав, что осужденные каких-либо конкретных действий, направленных на содержание помещения в качестве притона не совершали, а сама по себе уборка квартиры, в которой они проживали, не может расцениваться в качестве такового [8].

Уголовно-правовое содержание деяния, связанного с систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, отражено в примечании к ст. 232 УК РФ, в котором говорится лишь о периодичности этих действий (более двух раз), что не позволяет в полной мере определить его специфику и разграничить от других деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена этой же нормой уголовного закона.

Так, Московский городской суд переквалифицировал поведение З. в рамках ст. 232 УК РФ с «содержания притона» на «систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств», указав, что осужденная каких-либо конкретных действий, направленных на содержание помещения для потребления наркотических средств не совершала, а само по себе запираание квартиры и предоставление наркозависимым лицам предметов, необходимых для приготовления и потребления наркотического средства, не может расцениваться как содержание притона [9].

Мы считаем, что разграничение указанных деяний следует проводить прежде всего по признакам, характеризующим место совершения преступления. В этом контексте стоит признать справедливым мнение М.Л. Прохоровой и В.В. Полтавец, которые указывают, что притон, в отличие от помещения, по своему качеству и предназначению имеет сугубо антисоциальную направленность, что выражено в его функциональном признаке, который предполагает приспособленность к потреблению в нем запрещенных веществ. Кроме того, как отмечают авторы, об указанной приспособленности притона можно говорить только исходя из оценки всей совокупности обстоятельств дела, указывающих на наличии признаков содержания притона [10, с. 195].

Таким образом несмотря на то, что норма об ответственности за организацию и содержание притонов существует в структуре российского уголовного закона достаточно давно, в правоприменительной деятельности до сих пор не сложилось единых подходов относительно отдельных вопросов толкования признаков и квалификации этого преступления. Представляется, что причина указанных проблем кроится в отсутствии однозначных и развернутых разъяснений Верховного суда РФ по вопросам применения судами ст. 232 УК РФ.

Список литературы:

1. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2022, 2023, 2024 годах (выдержки) // Государственный антинаркотический комитет URL: gak.mvd.rf (дата обращения: 01.11.2025).
2. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 10.
3. Берсанов А.С. Уголовная ответственность за организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2018. - 197 с.
4. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 12.08.2019 по делу № 22-1173/2019 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.11.2025).
5. Постановление Президиума Московского городского суда от 12.02.2016 по делу № 44у-379/2015 URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 03.11.2025).
6. Приговор Сестрорецкого районного суда г. Санкт-Петербурга от 09.07.2020 по делу № 1-119/2019 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.11.2025).
7. Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 17.01.2018 по делу № 44у-65/2018 URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.11.2025).
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 08.02.2016 по делу № 10-0738 URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 03.11.2025).
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.06.2016 по делу № 10-7534/2016 URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 03.11.2025).
10. Прохорова, М. Л. О некоторых проблемах квалификации притоносодержательства (в ракурсе ст. 232 УК РФ) / М. Л. Прохорова, В. В. Полтавец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 11. – С. 192-198.

References:

1. Report on the drug situation in the Russian Federation in 2022, 2023, 2024 (excerpts) // State Anti-Drug Committee URL: gak.mvd.rf (date of reference: 11/01/2025).
2. Review of judicial practice in criminal cases related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 27, 2012 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2012. – № 10.
3. Bersanov A.S. Criminal liability for the organization or maintenance of brothels or the systematic provision of premises for the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08. Moscow, 2018. - 197 p.
4. Appeal decision of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Republic of Tyva dated 08/12/2019 in case No. 22-1173/2019 URL: <https://sudact.ru/> / (date of access: 11/01/2025).
5. Resolution of the Presidium of the Moscow City Court dated 12.02.2016 in case No. 44u-379/2015 URL: <https://mos-gorsud.ru/> / (date of appeal: 03.11.2025).
6. Verdict of the Sestroretsky District Court of St. Petersburg dated 09.07.2020 in case No. 1-119/2019 URL: <https://sudact.ru/> / (date of application: 03.11.2025).
7. Resolution The Presidium of the Krasnodar Regional Court dated 17.01.2018 in case No. 44u-65/2018 URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru/> / (date of notification: 03.11.2025).
8. The appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Moscow City Court dated 08.02.2016 in case No. 10-0738 URL: <https://mos-gorsud.ru/> / (date of appeal: 11/03/2025).
9. Moscow City Court ruling of Appeal dated 06/08/2016 in case No. 10-7534/2016 URL: <https://mos-gorsud.ru/> / (date of birth: 03.11.2025).
10. Prokhorova 232 of the Criminal Code of the Russian Federation) / M. L. Prokhorova, V. V. Poltavets // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2023. – No. 11. – pp. 192-198.

КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОНИМАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА? WHAT SHOULD BE THE UNDERSTANDING OF CRIMINAL PROCEDURE LAW?

БИЛЯЕВ Владимир Александрович,

профессор кафедры уголовно-процессуального права, доктор юридических наук, доцент
Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
295051, Россия, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко 5.
E-mail: i.shadrin1@mail.ru;

ШАДРИН Иван Александрович,

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации советник юстиции.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9.
E-mail: i.shadrin1@mail.ru;

BILYAEV Vladimir Aleksandrovich,

is a professor at the Department of Criminal Procedure Law. Doctor of Law, Associate Professor,
Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice.
Pavlenko str., 5, Simferopol, Republic of Crimea, 295051, Southern Federal District.
E-mail: i.shadrin1@mail.ru;

SHADRIN Ivan Aleksandrovich,

Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in Civil, Arbitration
and Administrative Proceedings of the Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
295011, Republic of Crimea, Simferopol, Gogol str., 9.
E-mail: i.shadrin1@mail.ru.

Краткая аннотация. В статье исследуются общетеоретические представления о типах правовопонимания, в частности, фундаментальные положения концепция интегративного правовопонимания. Право рассматривается в неразрывной взаимосвязи отраслевого содержания правореализационного компонента, а также источников или форм права, которые специфичны для каждой отдельной отрасли права. Авторы приходят к общему заключению о том, что с точки зрения формы, уголовно-процессуальное право необходимо преимущественно отождествлять с Уголовно-процессуальным законом, принципиально исключая из числа источников уголовно-процессуального права правовые акты, не соответствующие в иерархической системе источников права уровню федерального закона.

Abstract. The article explores general theoretical ideas about the types of legal understanding, in particular, the fundamental provisions of the concept of integrative legal understanding. The law is considered in the inseparable relationship of the sectoral substantive legal component, as well as the sources or forms of law that are specific to each individual branch of law. The authors come to the general conclusion that, from the point of view of form, criminal procedure law should be primarily identified with the Criminal Procedure Law, fundamentally excluding legal acts from the sources of criminal procedure law that do not correspond to the level of federal law in the hierarchical system of sources of law.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, правовая система, система форм права, закон, отрасль права, форма и содержание права.

Keywords: criminal procedure law, legal system, system of forms of law, law, branch of law, form and content of law.

Для цитирования: Билыев В.А., Шадрин И.А. Каким должно быть понимание уголовно-процессуального права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 563-565. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_563.

For citation: Bilyaev V.A., Shadrin I.A. What should be the understanding of criminal procedure law? // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 563-565. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_563.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

Представления об уголовно-процессуальном праве имеют в своей основе две фундаментальные составляющие. Они, прежде всего, естественно основываются на методологии общетеоретических представлений о типах правовопонимания, но, вместе с тем, данную отрасль нельзя не рассматривать и в более узком, практическом и правоприменительном значении, отражающем непосредственную связь между сферой (областью) уголовно-процессуальных правоотношений и строго определенной системой законодательных источников, которыми данные правоотношения регулируются. Современное понимание уголовно-процессуального права, как системы норм, выраженных в законе, требует также нового осмысления с учетом концепции интегративного правовопонимания [1; 2], в которой отражен достаточно широкий взгляд на право, признаки норм прав и формы (источники) права, исследуемые с позиции их единой целостной системы.

Современные типы правовопонимания отражают динамические представления о праве, которые в процессе эволюции обществ не могли иметь постоянного характера. Закономерно, подвержена постоянному эволюционированию и развитию также научная концептуальная основа для таких представлений. Так, по мнению М. В. Немытиной: «... концепции, родившиеся в рамках одного типа понимания права, должны воспринимать идеи, разработанные в рамках других, и, в свою очередь, обогатить своими идеями иные типы правовопонимания» [3].

Правовая наука изобилует различными подходами при определении видов (типов) правовопонимания. Так по мнению О.В. Мартышина, следует выделять юридический и классический позитивизм, а также философскую и естественную концепции понимания права [4]. О.Э. Лейст, в свою очередь, сводит все типы правовопонимания в три основные концепции – позитивно-нормативную, естественно-правовую и социологическую [5]. Аналогичное видение в вопросе определения типов правовопонимания представлено, в частности, П.А. Олем [6]. Однако, как верно отмечает В.А. Рудковский: «... по своим исходным гносеологическим установкам выделяемые в науке правовопонимания представляют в конечном счете лишь особые модификации позитивизма и естественного права (философии права) и поэтому могут быть «идентифицированы» преимущественно либо как позитивистские, либо естественно-правовые (философские) [7]. Обращает внимание на отмеченное выше разграничение также

Е.А. Ершова, рассматривающая все современные концепции правопонимания с позиции принадлежности их к одной из двух основных групп, относя к первой из них типы правопонимания, содержащие в своей основе разграничение права и закона (естественно правовую, психологическую и другие), и ко второй – собственно, юридический позитивизм, или концепции отождествляющие эти две категории (закон и право) [8].

По нашему мнению, научное диалектическое понимание права обусловлено возможностью предметного представления о правовой системе, к элементам которой С.С. Алексеев относил правоотношения, нормативные и индивидуальные акты и предписания, правотворческую деятельность, правоприменение и юридическую практику, а также правовую идеологию. Другие исследователи, наряду с правовыми нормами, включали в перечень элементов правовой системы также: правовые институты и принципы, правотворчество и правореализацию, правопорядок, правосознание и правовую культуру [10]. В.В. Ершов, обосновывая позицию об отнесении к праву принципов и норм только права [11, с. 58], предлагает введение в научный оборот понятия системы форм права, которая «состоит из двух подсистем – национального и международного права ...» [11, с. 25-25], но которую, с позиции системного подхода, все же, необходимо рассматривать в качестве элемента или подсистемы правовой системы.

Как видим, правовая система не является однородной «субстанцией» и представляет собой систему разнородных по своим сущностным характеристикам составляющих ее элементов, отражающих сложные социально-правовые, идейные и иные необходимые связи между ними, объединенных системообразующим назначением – регулированием общественных отношений.

Представления о праве через призму представлений о правовой системе и ее элементах, в свою очередь, позволяет представить новый взгляд на «проблему противопоставления» основных идейных концепций, а именно – юридического позитивизма, с одной стороны, и теорий, обосновывающих разграничения между правом и законом, с другой. Так, например, в основе социологической и психологической концепций о природе права лежат представления о фактическом (правовом) взаимодействии между людьми-участниками правоотношений, что, условно, охватывает такие элементы правовой системы как правоотношения, правореализацию, правосознание, правовую культуру. В свою очередь, позитивистское понимание права «сосредоточено» на таком формальном и, одновременно, необходимом элементе как закон, являющийся в правовом государстве ключевым элементом правовой системы. Вместе с тем, в координатах представлений о правовой системе и ее назначении, реализуемом ее взаимосвязанными элементами, следует говорить не о противоречивости, а, как раз, наоборот, о синергии этих концепций, которые в своем «системном единстве» способствуют обогащению представлений о праве и правовой системе.

В.В. Ершов, применяя научную методологию интегративного правопонимания, отмечает дискуссионность тезиса о сведении права исключительно к национальным правовым актам, обосновывая, при этом, необходимость исследования «всего» права, реализующегося «в рамках единой развивающейся многоуровневой системы форм права, состоящей из подсистем национального и международного права, образованных составляющими их элементами – формами соответственно национального и международного права» [11, с. 26]. В данную систему интегрированы «основополагающие (общие) принципы российского права, национальные правовые акты, правовые договоры, обычаи российского права, основополагающие (общие) принципы международного права, международные договоры и обычаи международного права» [11, с. 27].

Сопоставляя, с позиции системного подхода, такие ранее рассмотренные нами понятия как правовая система (С.С. Алексеев и др.) и система форм права (В.В. Ершов), нетрудно отметить их соотношение как общего и частного. Рассматривая, при этом, систему форм права в качестве элемента (подсистемы) правовой системы необходимо отметить также и то, что такой «классический» элемент правовой системы как нормативные правовые акты, который, с позиции позитивизма, принято считать единственным источником или формой права, естественно поглощается в недрах более сложной системной конструкции – системы форм права. Вместе с тем, в обозначенных выше концептуальных представлениях о системе форм права, «оперирующих», по сути, категорией формы или источника права (нормативные акты, национальные правовые акты, правовые договоры и т.д.), но не правом, минимально, выражен содержательный отраслевой элемент права, исследование которого, все же необходимо, учитывая индивидуальную специфику каждой отдельной отрасли права.

Право образует систему отраслей права, которые определяют его содержательную сторону, так как право реализуется в определенных (однородных) сферах общественных отношений. Поэтому, следует полагать, что для системного понимания права, как цельного предмета исследования, его необходимо рассматривать в неразрывной взаимосвязи содержательного компонента, представляющего право, исходя из его отраслевой принадлежности и в процессе его индивидуально-отраслевой реализации, а также источников или форм права, которые специфичны для каждой отдельной отрасли права. Именно такой подход позволяет развить применение научной методологии интегративного правопонимания, основной постулат которой о единой многоуровневой системе форм права, все же, не может быть «шаблонно» наложен на все право, учитывая, что оно реализуется в отдельных его отраслях, которые имеют свою специфику в части форм или источников права.

Поэтому элементы, образующие формы национального и международного права, составляющие, в свою очередь, теоретически отвлеченную подсистему правовой метасистемы, нельзя рассматривать в качестве универсальной формы (или единой совокупности источников права) для различных отраслей права – элементов или подсистем иного, уже, содержательно-формального порядка, учитывая при этом их особенности. Если же говорить об уголовно-процессуальном праве, то органическая взаимосвязь между обозначенной сферой (областью) правоотношений и системой источников (форм) их регулирующих, может быть рассмотрена исключительно через призму юридического позитивизма или отождествления права с законом. Так к числу источников уголовно-процессуального права не могут быть отнесены правовой обычай и правовой договор. Недопустимо рассматривать в качестве такого источника и законодательство в его расширенном понимании, включая подзаконные нормативные правовые акты.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ основным источником (формой) уголовно-процессуального права является Уголовно-процессуальный закон. Уголовно-процессуальные нормы содержатся также в Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, и международных договорах РФ, федеральных конституционных и федеральных законах. Именно в таком предметно-отраслевом

контексте, учитывая, что нормы уголовно-процессуального права могут содержаться в нормативных актах, соответствующих в иерархической системе источников права уровню не ниже федерального закона, возможно понимание уголовно-процессуального права, которое, как следует из вышеизложенного, может быть исключительно позитивистским.

Р. Давид, отмечая основную особенность романо-германской правовой метасистемы, указывает на закон, как первостепенный и единственный источник права [12]. Данное утверждение не применимо в целом к праву, которое реализуется в Российской Федерации, однако оно применимо к его уголовно-процессуальной отрасли, учитывая специфику уголовно-процессуальных правоотношений, регулирование которых, как отмечалось ранее, осуществляется нормативными актами, которые соответствуют уровню федерального закона в выше. Но в чем же состоит исключительная ценность и незаменимость закона в качестве такого источника правового регулирования?

Важной особенностью уголовного процесса является разрешительный метод правового регулирования, согласно которому «допустимы только те действия и решения, которые разрешены в законе и в том порядке, который установлен законом» [13]. Такой подход оправдан потребностью гарантирования и практического обеспечения законности в уголовном судопроизводстве, представляющей сферу необходимого, в рамках, установленных законом, ограничения конституционных прав личности. Содержанием уголовно-процессуальной деятельности является доказывание. В соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, которые были получены с нарушением федерального закона. Статья 75 УПК РФ в качестве критерия законности (допустимости) судебных доказательств закрепляет необходимость соблюдения порядка, установленного Уголовно-процессуальным законом.

Таким образом, именно федеральный закон (УПК РФ), являясь специально систематизированным, открытым и единым в Российской Федерации источником уголовно-процессуального права, выступает нормативным регулятором одноименной сферы общественных отношений, исходя из основополагающих конституционных требований.

Исходя из вышеизложенного можно заключить также следующее:

Право образует систему отраслей права, которые выражают его содержательную сторону, так как право реализуется в определенных (однородных) сферах общественных отношений. Его необходимо рассматривать в неразрывной взаимосвязи содержательного правореализационного компонента в соответствии с его отраслевой направленностью, а также источников или форм права, которые специфичны для каждой отдельной отрасли права. Теоретически отвлеченная система форм национального и международного права не может выступать универсальной формой (или единой номинальной совокупностью источников права) для различных отраслей права, учитывая их особенности.

Уголовно-процессуальное право необходимо рассматривать с точки зрения единства содержания, выраженного в его специфической отраслевой правореализации и определенной системы форм (источников), в которых закреплены соответствующие правила. Являясь, в своем отраслевом содержательном выражении сферой практических правоотношений, правоприменения и юридической практики, оно закреплено в иерархической системе источников (форм) уголовно-процессуального права, включая Конституцию РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, которые содержат отдельные уголовно-процессуальные нормы. С точки зрения формы, уголовно-процессуальное право необходимо преимущественно отождествлять с Уголовно-процессуальным законом (УПК РФ), являющимся его основным источником, содержащим применяемые в ходе реализации уголовно-процессуальных правоотношений систематизированные уголовно-процессуальные нормы.

Список литературы:

1. Ершов В.В. Международное и внутригосударственное право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 8. С. 5-26.
2. Ершов В.В. Российское право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 10. С. 2-22.
3. Немцына М.В. Проблемы современного правового понимания // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 116.
4. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 13.
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 265.
6. Оль П.А. Правовое понимание: от плюрализма к двуединству. СПб., 2005. С. 55.
7. Рудковский В.А. Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правового понимания / Рудковский В.А. // №5 – Пермь : Издательство Философия права, 2008. С. 10.
8. Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации. Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 28.
9. Алексеев С.С. Право и правовая система. С. 31.
10. Правовая система социализма. М., 1986. Кн. 1. С. 38-44.
11. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. – М.: РГУП, 2018.
12. Давид Р., Жофре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1993. С.74.
13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации [Текст]: учебник / отв. ред.: П. А. Лупинская. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 1088 с. С. 54.

References:

1. Yershov V.V. International and domestic law from the perspective of legalism and integrative understanding of law // Russian justice. 2011. No. 8. pp. 5-26.
2. Yershov V.V. Russian law from the standpoint of legalism and integrative understanding of law // Russian justice. 2011. No. 10. pp. 2-22.
3. Nemytina M.V. Problems of modern legal understanding // Modern research methods in law / Edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Saratov, 2007. p. 116.
4. Martyshev O.V. Are the main types of understanding of law compatible? // State and law. 2003. No. 6. p. 13.
5. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and Philosophy of Law. Moscow, 2002. p. 265.
6. Ol P.A. Legal understanding: from pluralism to duality. St. Petersburg, 2005, p. 55.
7. Rudkovsky V.A. Positivism and natural law (philosophy of law) in the context of modern legal understanding / Rudkovsky V.A. // No. 5 – Perm : Filosofiya Prava Publishing House, 2008. pp. 10.
8. Yershova E.A. Sources and forms of labor law in the Russian Federation. Diss. ...Dr. Jurid. Sciences. Moscow, 2008. pp. 28.
9. Alekseev S.S. Law and the legal system. pp. 31.
10. The legal system of socialism. Moscow, 1986. Book 1. pp. 38-44.
11. Yershov V.V. Legal and individual regulation of public relations: A monograph. Moscow: RGUP, 2018.
12. David R., Jofre-Spinozi K. Basic legal systems of modernity. Moscow, 1993. p.74.
13. Criminal procedural law of the Russian Federation [Text]: textbook / ed. by P. A. Lupinskaya. 2nd ed., revised and additional M.: Norma, 2010. 1088 p. p. 54.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_566

УДК 343.13

К ВОПРОСУ ОБ ИТОГОВЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЯХ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ON THE QUESTION OF FINAL PROCEDURAL DECISIONS OF THE COURT WITH THE PARTICIPATION OF A JURY

ПОПОВА Ирина Павловна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: irinabaikal@mail.ru

POPOVA Irina Pavlovna

Candidate of Law Sciences Associate Professor, Professor Department of Criminal Procedure
East Siberian Institute of the MIA of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074
E-mail: irinabaikal@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проанализированы результаты рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. Рассматриваются вопросы оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности суда с участием присяжных заседателей. Обосновывается взаимосвязь вердикта, и приговора, как итогового процессуального решения, принятых по итогам судебного разбирательства в усложненной форме. Сформулирован вывод о том, что вердикт является квази-решением.

Abstract: This article analyzes the results of criminal cases conducted by jurors. It examines the effectiveness of criminal procedural activities conducted by jurors. It substantiates the relationship between the verdict and the sentence, the final procedural decision made following a complex trial. It concludes that the verdict is a quasi-decision.

Ключевые слова: итоговые процессуальные решения, суд присяжных, присяжные заседатели, справедливость, правосудие, вердикт, приговор, коллегиальное рассмотрение уголовных дел, решение.

Keywords: final procedural decisions, jury trial, jurors, justice, justice, verdict, sentence, collegial consideration of criminal cases, decision.

Для цитирования: Попова И.П. К вопросу об итоговых процессуальных решениях суда с участием присяжных заседателей // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 566-570. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_566.

For citation: Popova I.P. On the issue of final procedural decisions of the court with the participation of jurors // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 566-570. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_566.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

К числу наиболее острых тем в уголовном правосудии традиционно относятся вопросы назначения смертной казни и суда с участием присяжных заседателей [1, 2, 3, 4]. Первый вопрос актуализируется с совершением тяжких и особо тяжких преступлений, вызвавших широкий общественный резонанс, второй – всякий раз, когда вердикт присяжных заседателей либо находит поддержку, либо, напротив, непонимание (при этом речь идет не только о мнении общественности, но и профессионального сообщества).

В 1999 г. Конституционный Суд РФ [5] сформулировал правовую позицию о моратории на назначение смертной казни до введения на всей территории страны суда присяжных. Высказавшись о нарушении конституционного принципа равенства всех перед законом, Конституционный Суд РФ постановил, что до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Позже Конституционный Суд РФ констатировал, что сложилось действующее правовое регулирование, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. При этом подчеркивается, что введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе, по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей [6].

В свою очередь, интерес к проблемам суда присяжных и внимание к ним научного сообщества обратно пропорциональны числу дел, рассмотренных коллегиальным составом суда с участием народного элемента. Реформирование института суда с участием присяжных заседателей, в результате чего впервые суд присяжных осуществляет свою деятельность в военных судах и в районных судах, изменение подсудности не привели к резкому росту числа дел, рассматриваемых по усложненной процедуре с участием представителей народа.

Так, начиная с 2021 г. с участием присяжных заседателей было рассмотрено в среднем 0,14% от общего числа окончанных производством уголовных дел в судах общей юрисдикции по первой инстанции [7].

год	Общее количество уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции по первой инстанции	Из них – количество дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей
2021	769 948	958 (0,12%)
2022	771 107	1 092 (0,14%)
2023	727 169	1 080 (0,15%)
2024	659 878	941 (0,14%)
2025 (1-я половина года)	282 065	357 (0,13%)

Рис. 1. Количество дел, рассмотренных судами общей юрисдикции и судами с участием присяжных заседателей

Из числа всех приговоров в судах первой инстанции постановлено в среднем 0,3 % оправдательных приговоров, тогда как с участием присяжных оправдано в среднем 35%.

год	Количество осужденных		Количество оправданных	
	осуждено	оправдано	осуждено	оправдано
2021	601 148 (99,6%)	2190 (0,4%)	776 (53%)	363 (47%)
2022	614 904 (99,7%)	2 063 (0,3%)	1 005 (73%)	378 (27%)
2023	589 011 (99,7%)	1 874 (0,3%)	945 (72%)	360 (28%)
2024	534 644 (99,7%)	1798 (0,3%)	819 (74%)	290 (26%)
2025 (первая половина года)	227 296 (99,6%)	804 (0,4%)	300 (52%)	144 (48%)

Рис. 2. Количество оправдательных и обвинительных приговоров (по лицам)

Проблемы формирования коллегиального судебного состава с участием присяжных заседателей, в отдельных случаях занимающих годы, отмены приговоров, постановленных на основании вердиктов присяжных заседателей – в центре научных дискуссий с диаметрально противоположными оценками. Указанные и другие проблемы эффективности института суда с участием присяжных заседателей ставят на повестку дня вопрос о возможности при таком порядке рассмотрения уголовного дела вынесения справедливого итогового процессуального решения и достижения назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Высокий процент оправдательных приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, отдельными исследователями оценивается как реализация подлинной состязательности, и как независимая, отличающаяся от обвинительного уклона правоприменителей, справедливая оценка доказательств присяжными заседателями. Другие авторы, напротив, полагают, что оценка доказательств «судьями факта», не имеющими юридического образования, когда судья не вправе влиять на вердикт и не вправе его переоценивать, может приводить к судебным ошибкам, в результате чего виновные избегают уголовной ответственности.

Следует подчеркнуть, что значительное число отмен итоговых процессуальных решений на основе вердикта присяжных заседателей в определенной мере оказывает влияние и на активность явки кандидатов в присяжные заседатели на новое судебное разбирательство, и не может быть бесследной и высказанная позиция вышестоящего суда для принятия нового решения.

Интерес присяжных заседателей к результатам предыдущих судебных разбирательств вполне может быть удовлетворен не только из социальных сетей и средств массовой информации, но из официальных источников: на сайтах судов можно прочесть не только причины, по которым отменялись приговоры с другим составом судей, но и даже сами отмененные решения. Указания вышестоящей инстанции при проверке законности итогового процессуального решения обязательны для учета при новом судебном разбирательстве. Важно, что высказанная позиция не вправе предрешать рассмотрение вновь главных вопросов уголовного дела. Профессиональный судья, безусловно, изучает материалы уголовного дела, стремится избежать ранее допущенных в другом составе суда нарушений, чтобы вынесенное вновь решение было правосудным. Думается, что присяжные заседатели, которым на протяжении всего процесса напоминают, что «на сказанное в нарушение закона не стоит обращать внимание», именно на это и будут обращать внимание.

Так, в качестве яркого примера судебной практики с многочисленными нарушениями, допущенными при производстве с участием присяжных заседателей, демонстрирующими сложную процедуру принятия итоговых процессуальных решений, уместно привести сущность решений апелляции и кассации. Вердиктом коллегии присяжных заседателей было признано доказанным деяние (событие преступления) в виде причинения Ж. 1 телесных повреждений, повлекших ее смерть. В то же время, вердиктом коллегии присяжных заседателей признано, что не доказано, что данные действия (деяние) совершил Ж., в связи с чем, подсудимый Ж. в силу п. 2 ст. 350, п. 2, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, был оправдан по ч. 4 ст. 111 УК РФ за непричастностью к совершению преступления [8].

Судебная коллегия по уголовным делам Иркутского областного суда 11.11.2019 г. отменила приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона. На нескольких страницах судебная коллегия подробно изложила не только доводы сторон, но и свои выводы, в чем были выражены нарушения уголовно-процессуального закона, регламентирующие особенности производства с участием присяжных заседателей, в числе которых:

- инициирование председательствующим процессуальных вопросов в присутствии присяжных заседателей,
- демонстрация защитником доказательств в судебных прениях, чем подменялась стадия судебного следствия;

- изложение сторонами в прениях сведений, которые не были предметом исследования на стадии судебного следствия;
- сообщение участниками процесса сведений, которые не могли быть исследованы в присутствии присяжных заседателей, что не было пресечено председательствующим в нарушение требований ст. ст. 243 и 258 УПК РФ;

- потерпевшая П. 2 подвергла критике показания потерпевшего П. 1, фактически ставя под сомнение их допустимость; указывала на недостатки предварительного следствия, «сообщала о ее жизненной трагедии, связанной с потерей матери и нахождении на скамье подсудимых отца, о невозможности в связи с этим жить спокойно, допустила рыдания, что, несмотря на действия председательствующего, остановившего потерпевшую и объявившего перерыв, а также объявившего потерпевшей замечание после перерыва и обратившегося к присяжным заседателям с требованием не учитывать это при вынесении вердикта, не могло не оказать незаконного воздействия на объективность и беспристрастность присяжных заседателей при вынесении ими вердикта»;

- старшиной присяжных заседателей при провозглашении вердикта в нарушение требований ч. 3 ст. 345 УПК РФ не зачитывались по вопросному листу поставленные судом вопросы, зачитывались только ответы присяжных заседателей на них, чем существенно нарушены права и законные интересы стороны обвинения и потерпевшего, которые не имели возможности знать, что именно признано доказанным, а что нет.

Судебная коллегия пришла к выводу, что, несмотря на многократные нарушения участниками судопроизводства требований уголовно-процессуального закона, в частности, ст. ст. 335 и 336 УПК РФ, определяющего особенности производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, председательствующий не принял необходимых и действенных мер по фактам таких нарушений, то есть не обеспечил объективность судебного разбирательства, а потому судебная коллегия сочла, что указанные нарушения уголовно-процессуального закона могли повлиять на содержание ответов присяжных заседателей на поставленные перед ними вопросы.

Перечисленные системные нарушения требований уголовно-процессуального закона были признаны судебной коллегией существенными, ограничивающими право прокурора, потерпевшего П. 1 на представление доказательств, а также влияющими на содержание постановленного присяжными заседателями вердикта, что в соответствии со ст. 389.25 УПК РФ повлекло отмену приговора с направлением уголовного дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе суда [9]. Н.Г. Волков называет подобное злоупотребление правами в суде присяжных как «процессуальное хулиганство» стороны [10, С. 28].

Рассматривая в кассационной инстанции доводы стороны защиты, просившей оставить приговор первой инстанции без изменения, суд указал, о систематических нарушениях процедуры стороной защиты требований ст. ст. 252, 335, 336 УПК РФ, на что председательствующий не всегда реагировал. До сведения присяжных заседателей стороной защиты доводилась информация, не относящаяся к обстоятельствам дела и не подлежащая исследованию с участием присяжных заседателей. С учетом характера допущенных нарушений и обстоятельств, при которых это имело место, кассационная инстанция признала, что участниками процесса сознательно, целенаправленно и акцентированно доводилась до сведения присяжных заседателей информация, направленная на подрыв законности по существу доказательственной базы по делу и формирование вследствие этого неправильного восприятия присяжными сути происходящего.

Вышестоящий суд пришел к выводу, что председательствующий судья не во всех случаях должным образом реагировал на допущенные нарушения сторонами, не разъяснял присяжным заседателям, что они не должны принимать сказанное во внимание. Принимаемые им в ряде таких случаев меры заключались в основном в прерывании выступления того или иного участника и были явно недостаточными и недейственными для ограждения коллегии присяжных заседателей от незаконного воздействия. Указанные систематические, множественные и существенные нарушения уголовно-процессуального закона повлияли на беспристрастность коллегии присяжных заседателей и отразились на содержании ответов на поставленные вопросы при вынесении вердикта. При таких обстоятельствах ни сам вердикт, ни постановленный на его основе приговор не могли быть признаны отвечающими требованиям законности. Поэтому в соответствии с ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ приговор был отменен в полном объеме, а уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе [11].

Весьма сомнительно, что эта информация, подробно приведенная в судебных решениях, доступная к изучению неограниченного круга лиц, не оказала никакого влияния на внутреннее убеждение присяжных заседателей в новом составе, постановивших также оправдательный приговор, который, в свою очередь был отменен.

Можно неоднократно проводить опросы общественного мнения об отношении к суду с участием присяжных заседателей, восторженно отмечая, что «каждый второй гражданин страны готов быть присяжным» (при опросе 1483 человек из 80 регионов многомиллионной страны)» [12]. В то же время, констатируя, что из 30 тысяч вызванных кандидатов в присяжные заседатели в суд явился один, с сожалением резюмировать, что «многие россияне не спешат в суд, получив повестку о привлечении в качестве присяжного» [13].

По сути, вызванные тысячи граждан России, даже если исключить данные погрешностей о неполучении судебных извещений, уже «проголосовали» против суда с участием присяжных заседателей, проигнорировав вызов в суд в качестве кандидата в присяжные заседатели. Думается, что можно долго рассуждать о том, каким образом повысить престиж участия в отправлении правосудия для судей из народа, каково должно быть их вознаграждение, ответственность и гарантии, но становится очевидным, что ситуация с участием граждан в отправлении правосудия уже стала критической и требует реформирования.

Казалось бы, вопрос организационного характера – проблема формирования коллегии присяжных заседателей, порождает угрозу нарушения доступа к правосудию и соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Более того, нарушения, допущенные при формировании коллегии, признаются существенными и влекут отмену приговора, как итогового акта правосудия, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей. Неоднократные отмены приговоров, постановленных на основе вердикта, не только делают реальной угрозу нарушения

разумного срока уголовного судопроизводства, но и подрывают авторитет органов уголовного правосудия и веру в «суд правый» и «суд скорый».

Усложненной является не только порядок уголовного судопроизводства, предусмотренный разделом XII «Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей», но и коллегиальное принятие итогового процессуального решения. Впрочем, уместно обратиться и к статусу присяжного заседателя. Законодатель определил, что присяжный заседатель – лицо, привлеченное в установленном УПК РФ порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта (п. 30 ст. 5 УПК РФ).

Примечательно, что формулировка «с участием», использованная законодателем, по сути, аналогична тому, как отмечена роль других участников уголовного судопроизводства, которые не выполняют функции правосудия. Уголовное судопроизводство осуществляется с участием специалиста (ч. 5 ст. 185 УПК РФ) / переводчика / сурдопереводчика (ст. 59 УПК РФ) / законных представителей, (ч. 4 ст. 280 УПК РФ) эксперта/специалиста (ст. ст. 57, 58 УПК РФ). Вопросы подсудности, к примеру, рассматриваются «с участием прокурора, обвиняемого, защитника» (ч. 5 ст. 35 УПК РФ), что вовсе не равно тому, как отражен коллегиальный состав суда. А если приговор постановляется «судом в составе: председательствующего судьи и коллегии присяжных заседателей», но тогда почему он подписывается только судьей? К моменту вынесения приговора профессиональным судьей коллегия присяжных уже распущена, а их участие в принятии приговора отражается во вводной части приговора как участие в коллегиальном составе суда.

Осуществление правосудия только судом закреплено в качестве принципа и в Конституции РФ, и в УПК РФ, равно, как и принцип презумпции невиновности, основным постулатом которого выступает исключительная компетенция суда признать лицо виновным в итоговом процессуальном решении – приговоре. Однако в приговоре, постановленном судьей именем государства, нет письменного решения суда о виновности, но указывается коллегиальный состав суда и ссылка на вердикт о виновности.

Впрочем, не ясна и позиция законодателя о правовой природе вердикта, взаимосвязанного в дальнейшем с приговором, в большей части определяющего сам вид приговора. Нет ответа и на риторический вопрос: является ли вердикт, не оформленный в виде отдельного процессуального решения – итоговым процессуальным решением? Законодатель трактует вердикт как «решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей» (п. 5 ст. 5 УПК РФ). Однако, уже далее из норм, посвященных вынесению и провозглашению вердикта (ст. ст. 343–345 УПК РФ), очевидно, что вердикт – это не решение, а вывод, сформированный на основе ответов, изложенных в вопросном листе. М.М. Долгиева также отмечает о соответствии требованиям уголовно-процессуального закона «вопросного листа, именуемого вердиктом присяжных заседателей» [14, С. 43].

Приговор тоже содержит ответы на вопросы, которые разрешаются в совещательной комнате судом (ст. 299 УПК РФ), но излагается он в установленной законом форме в виде самостоятельного правового акта, являющегося итоговым процессуальным решением. С учетом требований закона – вердикт – это квази-процессуальное решение, ответы на вопросы, записанные в вопросном листе, тогда как в силу требования принципа законности – решения должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Верно отмечается авторами, что вердикт должен быть также логичным и справедливым [15]. Предлагаются и взвешенные изменения в уголовно-процессуальный закон, чтобы была эффективна модель, при которой председательствующий судья участвует в обсуждении вердикта и его мотивировке [16].

Законность вердикта, а на это влияет и процедура, предшествующая его постановлению, включая формирование коллегии присяжных заседателей, предопределяет законность приговора, как итогового процессуального решения. Принятие вердикта порождает определенные правовые последствия еще до вынесения приговора. Например, оправдательный вердикт предопределяет освобождение из-под стражи подсудимого, а позиция коллегии присяжных заседателей о снисхождении подлежит учету в приговоре судьей.

Резюмируя, следует сделать вывод, что вердикт, как квази-решение, не является самостоятельным итоговым процессуальным решением, но непосредственно взаимосвязан с приговором, также обладающим определенными особенностями с учетом рассмотрения уголовного дела в усложненной форме уголовного судопроизводства. Проблемы формирования коллегии присяжных заседателей, большое число отмен приговоров, постановленных на основе вердиктов, отсутствие ясного понимания процессуального статуса присяжных заседателей и правовой природы вынесенного ими вердикта в форме ответов в вопросном листе актуализируют потребность анализа современного правового регулирования коллегиального состава суда при разрешении уголовных дел.

Список литературы:

1. Тарусина, Н. Н. Формально-юридические предположения о преодолении моратория на смертную казнь / Н. Н. Тарусина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1 (73). – С. 56-65.
2. Абесалашвили, М. З. Применение смертной казни в современной России: уголовная практика и общественное мнение / М. З. Абесалашвили, Е. М. Курбанова, С. К. Цеева // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 8-1. – С. 127-134.
3. Агеев, А. Н. Неудачный правовой эксперимент введения суда с участием присяжных заседателей и механизм оценки его последствий / А. Н. Агеев, С. Г. Пишина // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 543-546.
4. Цоколова, О. И. Уголовно-правовые и процессуальные вопросы смертной казни / О. И. Цоколова // Российский следователь. – 2025. – № 7. – С. 45-49.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно- процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан»: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 6. – Ст. 867.
6. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-П // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 48. – Ст. 5867.
7. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021-2025 г. г.: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 01.09.2025 г.).

8. Приговор Ангарского городского суда от 09.07.2019 г. по уголовному делу № 1-676/2019 // официальный сайт Ангарского городского суда https://angarsky-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=2&name_op=doc&number=237220238&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (доступ 01.11.2025 г.).
9. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 11.11.2019 г. по уголовному делу № 22-3255/2019 // официальный сайт Иркутского областного суда https://oblsud-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=case&case_id=72760389&case_uid=583092b8-bc25-49a1-b0c6-27da5e79866f&result=1&delo_id=4&new=4 (доступ 02.11.2025 г.).
10. Волков, Н.Г. Суд присяжных: типичные ошибки правоприменения // Судебный вестник Нижегородской области. – 2023. – № 4 (74). – С. 28–31.
11. Определение суда кассационной инстанции по делу № 77-299/2020 от 17.03.2020 г. // https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=4039852&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1.
12. Исследование: половина россиян готовы стать присяжными // РИА Новости. 13.05.2021. Режим доступа: <https://ria.ru/20210513/prisyazhnye-1732063346.html>. (дата обращения 29.09.2024).
13. Трифонова, Е. У россиян отбивают желание служить присяжными заседателями // Независимая газета. 30.11.2023. Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2023-11-30/1_3_8891_jury.html (дата обращения 29.11.2025).
14. Долгиева, М.М. Вопросы об умысле и о намерениях подсудимого в вердикте присяжных заседателей // Законность. – 2025. – № 10. – С. 43–46.
15. Грибунов, О. П. О некоторых ошибках при назначении наказания по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей // О. П. Грибунов, А. С. Агафонов, А. Г. Берестенников // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 2 (109). – С. 97–108.
16. Качалова, О. В. Вердикт присяжных заседателей и социальные запросы общества / О. В. Качалова, М. В. Беляев // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 416. – С. 176–180.

References:

1. Tarusina, N. N. Formal'no-yuridicheskie predpolozheniya o preodolenii moratoriya na smertnyuyu kazn' / N. N. Tarusina // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2023. – № 1 (73). – С. 56–65.
2. Abesalashvili, M. Z. Primenenie smertnoj kazni v sovremennoj Rossii: ugotovnaya praktika i obshchestvennoe mnenie / M. Z. Abesalashvili, E. M. Kurbanova, S. K. Ceeva // Voprosy' rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2024. – Т. 14, № 8-1. – С. 127–134.
3. Ageev, A. N. Neudachny'j pravovoj e kseriment vvedeniya suda s uchastiem prisjazhny'x zasedatelej i mexanizm ocenki ego posledstvij / A. N. Ageev, S. G. Pishina // Yuridicheskaya tekhnika. – 2025. – № 19. – С. 543–546.
4. Czokolova, O. I. Ugotovno-pravovy'e i processual'ny'e voprosy' smertnoj kazni / O. I. Czokolova // Rossijskij sledovatel'. – 2025. – № 7. – С. 45–49.
5. Po delu o provere konstitucionnosti polozhenij stat'i 41 i chasti tret'ej stat'i 42 UPK RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovleniya Verxovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 16 iyulya 1993 goda «O poryadke vvedeniya v dejstvie Zakona Rossijskoj Federacii «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon RSFSR «O sudoustrojstve RSFSR», Ugotovno-processual'ny'j kodeks RSFSR, Ugotovny'j kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativny'x pravonarusheniyax» v svyazi s zaprosom Moskovskogo gorodskogo suda i zhalobami ryada grazhdan»: Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.02.1999 № 3-P // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1999. – № 6. – Ст. 867.
6. O raz' yasnenii punkta 5 rezolyutivnoj chasti Postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 fevralya 1999 goda N 3-P po delu o provere konstitucionnosti polozhenij stat'i 41 i chasti tret'ej stat'i 42 Ugotovno-processual'nogo kodeksa RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovleniya Verxovnogo Soveta Rossijskoj Federacii ot 16 iyulya 1993 goda «O poryadke vvedeniya v dejstvie Zakona Rossijskoj Federacii «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon RSFSR «O sudoustrojstve RSFSR», Ugotovno-processual'ny'j kodeks RSFSR, Ugotovny'j kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativny'x pravonarusheniyax: Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.11.2009 № 1344-O-R // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2009. – № 48. – Ст. 5867.
7. Danny'e sudebnoj statistiki. Svodny'e statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'ny'x sudov obshhej yurisdikcii i mirovy'x sudej za 2021–2025 g. g.: <https://cdep.ru/?id=79> (data obrashheniya 01.09.2025 g.).
8. Приговор Ангарского городского суда от 09.07.2019 г. по уголовному делу № 1-676/2019 // официальный сайт Ангарского городского суда https://angarsky-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=2&name_op=doc&number=237220238&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (доступ 01.11.2025 г.).
9. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 11.11.2019 г. по уголовному делу № 22-3255/2019 // официальный сайт Иркутского областного суда https://oblsud-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=case&case_id=72760389&case_uid=583092b8-bc25-49a1-b0c6-27da5e79866f&result=1&delo_id=4&new=4 (доступ 02.11.2025 г.).
10. Volkov, N.G. Sud prisjazhny'x: tipichny'e oshibki pravoprimeniya // Sudebny'j vestnik Nizhegorodskoj oblasti. – 2023. – № 4 (74). – С. 28–31.
11. Opredelenie suda kassacionnoj instancii po delu № 77-299/2020 от 17.03.2020 г. // https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=4039852&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1.
12. Issledovanie: polovina rossijan gotovy' stat' prisjazhny'mi // RIA Novosti. 13.05.2021. Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20210513/prisyazhnye-1732063346.html>. (data obrashheniya 29.09.2024).
13. Trifonova, E. U rossijan otbivayut zhelanie sluzhit' prisjazhny'mi zasedatelyami // Nezavisimaya gazeta. 30.11.2023. Rezhim dostupa: https://www.ng.ru/politics/2023-11-30/1_3_8891_jury.html (data obrashheniya 29.11.2025).
14. Dolgieva, M.M. Voprosy' ob umy'sle i o namereniyax podsudimogo v verdikte prisjazhny'x zasedatelej // Zakonnost'. – 2025. – № 10. – С. 43–46.
15. Gribov, O. P. O nekotory'x oshibkax pri naznachenii nakazaniya po ugotovny'm delam, rassmotrenny'm s uchastiem prisjazhny'x zasedatelej / O. P. Gribov, A. S. Agafonov, A. G. Berestennikov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 2 (109). – С. 97–108.
16. Kachalova, O. V. Verdikt prisjazhny'x zasedatelej i social'ny'e zaprosy' obshchestva / O. V. Kachalova, M. V. Belyaev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 416. – С. 176–180.

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ INVESTIGATOR AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: HISTORY AND MODERNITY

ПОПОВА Ирина Павловна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: irinabaikal@mail.ru

ТАХАУДИНОВА Алина Андреевна

слушатель ФПСиСЭ Восточно-Сибирского института МВД России.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
Email: alina.takhaudinova@gmail.com

POPOVA Irina Pavlovna

Candidate of Law Sciences Associate Professor, Professor Department of Criminal Procedure
East Siberian Institute of the MIA of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074
E-mail: irinabaikal@mail.ru

TAKHAUDINOVA Alina Andreevna

5th-year student of the East Siberian Institute of the MIA of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074
Email: alina.takhaudinova@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматривается институт судебного следствия, введенного положениями Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Проанализирован процессуальный статус следователя, как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. В качестве основной проблемы выделяется противоречивое процессуальное положение следователя, невозможность его определения как участника со стороны обвинения. Сформулирован вывод, что в условиях складывающихся негативных тенденций отечественного уголовного судопроизводства, важно определить функцию, реализуемую следователем, для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Abstract: The article examines the institution of judicial investigation introduced by the provisions of the Statute of Criminal Procedure in 1864. The procedural status of the investigator as a participant in criminal proceedings on the part of the prosecution is analyzed. The main problem is the contradictory procedural position of the investigator, the impossibility of identifying him as a participant on the part of the prosecution. The conclusion is formulated that in the context of the emerging negative trends in domestic criminal proceedings, it is important to determine the function performed by the investigator in order to achieve the purpose of criminal proceedings.

Ключевые слова: судебный следователь, следователь, участники уголовного судопроизводства, обвинительный уклон, назначение уголовного судопроизводства, функция предварительного расследования.

Keywords: judicial investigator, investigator, participants in criminal proceedings, accusatory bias, purpose of criminal proceedings, and preliminary investigation function.

Для цитирования: Попова И.П., Тахаудинова А.А. Следователь как участник уголовного судопроизводства: история и современность // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 571-574. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_571.

For citation: Popova I.P., Takhaudinova A.A. The Investigator as a Participant in Criminal Proceedings: History and Modernity // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 571-574. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_571.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

Одной из ключевых задач каждого правового государства является обеспечение и защита прав, свобод и законных интересов граждан, гарантируемых верховенством закона. Российская Федерация, в свою очередь, входит в число правовых государств, что подтверждают многочисленные правовые положения действующего законодательства, главенствующим из которых выступает ст. 2 Конституции Российской Федерации. Основной закон страны гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — выступает обязанностью государства.

Реализация конституционных положений должна быть обеспечена механизмом правового регулирования, что особенно остро ощущается в уголовном судопроизводстве, когда, с одной стороны, уже нарушены преступлением права и законные интересы жертв преступления, общества и государства, с другой стороны, уже в досудебном производстве подвергаются воздействию права и законные интересы лиц, чья виновность может быть установлена только приговором суда.

На протяжении длительного времени, в целях достижения назначения уголовного судопроизводства отечественной правовой практикой (юриспруденцией) был выработан многосторонний правовой механизм, направленный на: 1) пресечение и предупреждение преступлений; 2) изобличение виновных и назначение им соразмерного наказания; 3) восстановление и защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов.

Уголовно-процессуальная деятельность проходит через несколько сменяющих друг друга стадий и осуществляется различными государственными органами. Вся уголовно-процессуальная деятельность государственных органов должна быть направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства, отразившего конституционные положения и закрепленного в ст. 6 УПК РФ. Специфика защиты прав и законных интересов именно в уголовном судопроизводстве обусловлена тем, что она осуществляется уже в связи совершенным преступлением. В хо-

де досудебного производства основными задачами являются раскрытие и расследование преступления, то есть установление картины событий совершенного преступления и лица его совершившего. Вектором судебного производства выступает разрешение вопроса о невиновности или виновности подсудимого, и связанных с этим вопросов реализации уголовной ответственности.

Основным органом, осуществляющим расследование, являются следственные подразделения, а лицом, его осуществляющим выступает следователь. Уголовно-процессуальный закон относит следователя к участникам со стороны обвинения. В соответствии с ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной уголовно-процессуальным законом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу». Таким образом, законодатель наделяет «фигуру» следователя полномочиями представлять интересы государства по охране и защите прав и свобод граждан в досудебном производстве.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ также устанавливает основные задачи следователя: уголовное преследование и расследование. Однако, помимо этого следователь обязан выполнять функции правозащиты, профилактики преступлений, и множества других.

По итогам предварительного расследования следователь принимает решение либо о направлении уголовного дела в суд, либо о прекращении уголовного дела. Отдельные ученые полагают, что возможность принимать итоговые процессуальные решения наделяет деятельность следственных подразделений схожими чертами с судебной деятельностью [1]. Так как, принимая решение, следователь, в большинстве своем, определяет дальнейшее развитие событий. Досудебное производство создает базис для принятия судебного решения: суд выносит решение, основываясь на доказательственной базе правоохранительных органов. В отдельных случаях суд принимает решения даже без исследования собранных доказательств – при рассмотрении уголовных дел по итогам согласительных процедур.

Обращаясь к современной статистике отечественного уголовного правосудия, отдельные исследователи полагают, что небольшое количество оправдательных приговоров свидетельствует о наличии обвинительного уклона в деятельности правоохранительных и судебных органов.

Законодатель предписывает и обязывает следователя принимать решения и осуществлять следственные мероприятия в пределах своей компетенции, направленные на установление факта совершения преступного деяния, виновности в его совершении, что прямо прослеживается в полномочиях следователя. Следовательно, обвинительный уклон уголовного судопроизводства возникает на стадии предварительного расследования.

Однако, отнесение следователя к одной из сторон уголовного судопроизводства создает предпосылки для обвинительного уклона, тогда как он должен быть независимым и объективным участником уголовного судопроизводства. В связи с противоречивостью обязанностей, складывается конфликт интересов процессуального положения следователя: законодатель предписывает ему задачи обвинения, но также обязывает быть активной стороной расследования. Таким образом, возникает серьезная проблема справедливого расследования и судопроизводства.

Думается, что решение выявленной проблемы было найдено еще во времена Российской империи. 20 ноября 1864 году императором Александром II была проведена одна из выдающихся правовых реформ – Судебная реформа, которая заложила фундамент и ориентиры развития современного отечественного уголовно-процессуального права. Основу Судебной реформы 1864 г. составляли четыре устава, одним из которых являлся Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее –УУС) [2]. Положениями данного Устава были утверждены многие коренные преобразования процессуального права, в том числе и те, которые коснулись следствия.

С принятием УУС в России произошло разделение судебного разбирательства на отдельные этапы, впервые был введен институт судебного следствия. Устав также закреплял правила, принципы и задачи судебного следствия. По замыслу реформы судебный следователь должен был осуществлять судебное следствие в качестве представителя судебной власти.

В процессе реформирования следственной системы, первоначально было принято отделение следственной части от полиции и переподчинение ее судебной системе – сформировался институт судебного следствия. Судебный следователь обладал независимым статусом и был способен производить расследование всесторонне, объективно и беспристрастно. Так как на решения и деятельность судебных органов запрещалось оказывать какое-либо влияние.

Как отмечает Л.Л. Соловьева, предварительное следствие осуществлялось на инквизиционных началах, в связи с чем деятельность судебного следователя выражалась в его тройственной роли: одновременно он выполнял противоположные по своей сущности функции судьи, обвинителя и защитника [3, с. 8]. Также, в целях объективного и справедливого судебного разбирательства, судебный следователь был уполномочен принимать все необходимые решения на стадии предварительного расследования, обладал правом определять ход и направление расследования, свободной оценки доказательств при принятии процессуальных решений. В статье 264 УУС устанавливалось: «Все необходимые по предварительному следствию действия и меры судебный следователь предпринимает собственной властью».

Судебное следствие обладало правом собирать и представлять на решение суду все собранные доказательства независимо от того, подтверждали они виновность или невиновность подозреваемого. Представляемые на судебные разбирательства доказательства, подтверждающие факт совершения преступления, и свидетельствовали об обстоятельствах произошедшего. Благодаря чему суду представлялась возможность изучить всесторонние и полноценные обстоятельства совершенного преступления. При этом судебный следователь не выносил итоговое решение о виновности или невиновности подозреваемого по окончании предварительного расследования. Решение выносил только суд по итогам судебного разбирательства соответствующего уголовного дела.

Таким образом по Уставу уголовного судопроизводства происходило выделение функции предварительного расследования в самостоятельную задачу, не сопряженную с принятием решения о виновности или невиновности подозреваемого. Что позволяло следователю всесторонне и непредвзято осуществлять расследование, свидетельствовало о выделении судебного следователя как объективной стороны уголовного процесса. То есть результативность его деятельности не оценивалась с позиции обвинительных заключений.

Благодаря данной правовой установке в значительной степени уравнивались возможности сторон обвинения и защиты, обеспечивались гарантии объективного и справедливого уголовного правосудия. Что в свою очередь являлось необходимой составляющей, способствующей справедливому разрешению уголовного дела. Как отмечают ученые, «обособление в уголовно-процессуальном законе судебного следователя от обвинительной функции, отсутствие изначальной установки на доказательство виновности обвиняемого наряду с гарантиями процессуальной самостоятельности судебного следователя, установленными в Уставе уголовного судопроизводства, делали его процессуально независимым субъектом производства по делу и исключали возможность оценки его профессиональной деятельности на основе палочной системы, то есть обеспечивали достижение целей уголовного судопроизводства, нашедших свое прямое отражение в статье 6 действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ» [4, с. 42].

К сожалению, демократический институт, продуктивно зарекомендовавший себя в пореформенный период, был утрачен в ходе трансформаций уголовно-процессуальной системы в советское время. Законодатель по УПК РФ обязывает следователя принимать решения и осуществлять следственные мероприятия, направленные на установление факта совершения преступного деяния, поиск виновного лица и установление его вины. Таким образом, следователь на стадии предварительного расследования выступает с позиции обвинения, однако, обязан занимать объективное положение. В виду обвинительной направленности в следствии зачастую случаются ошибки, в том числе те, которые кардинально меняют ход дела.

Позиция следователя играет не маловажное значение, тем более если она выражается в процессуальных документах, среди которых формулирование обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, и в обвинительном заключении. Допущенные в ходе предварительного расследования ошибки, обусловленные обвинительным уклоном способны привести к использованию в доказывании недопустимых доказательств, вынесение необоснованных и незаконных процессуальных решений, и, как следствие, к нарушению прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ошибки серьезно влияют на принимаемое следователем решение [5]. Однако, если выделить функцию предварительно расследования как самостоятельную и исключить полномочие принимать решение о виновности или невиновности подозреваемого, то все собранные материалы, в том числе, полученные с ошибками будут переданы на рассмотрение судье. Благодаря чему судья не будет обременен заблуждением следователя и сможет принять наиболее объективное решение, не отягченное позицией следствия.

Отнесение фигуры следователя к стороне обвинения неизбежно приводит к формированию обвинительного уклона во всей его процессуальной деятельности. Поэтому основной процессуальной функцией органов следствия должна стать функция предварительного расследования, исключающая формулирование обвинения, с исключением из задач следователя изобличение виновного. Как единственной верную в процессуальной деятельности следователя функцию предварительного расследования определяют многие ученые [6, 7]. В целом функции следователя – составляют предмет актуальной научной дискуссии [8, 9, 10].

Выделение функции предварительного расследования в самостоятельную задачу следственных подразделений, не сопряженную с вынесением обвинительного заключения, представляется эффективным для совершенствования отечественного уголовного процесса.

При этом, если обращаться к этимологии термина «следствие», означающего «выяснение, расследование обстоятельств, собирание и проверка данных, связанных с преступлением», и слова «следить», которое означает «наблюдать, вникая в развитие чего-нибудь, действовать с целью собрать какие-либо сведения, разоблачить, поймать» [11, с. 728, 729];. «следить» – идти по следам, искать или преследовать [12, с. 369]. Представляется обоснованным, что следователь должен «идти по следам преступления» и устанавливать «картину» произошедшего события, вне обвинительного уклона, поскольку не знает, к каким выводам приведет предварительное расследование.

Достичь объективного и независимого положения следствия возможно посредством внесения изменений в ст. 38 УПК РФ, то есть выделить предварительное расследование как самостоятельную функцию следственных подразделений, а определение виновности лица, на стадии досудебного расследования, передать незаинтересованному в разрешении дела лицу. Думается, что это позволит следствию сосредоточиться на установлении объективной картины произошедшего преступного события, фиксировать и представлять на рассмотрение незаинтересованному лицу доказательства как виновности, так не виновности конкретного лица. В свою очередь, незаинтересованное лицо, уполномоченное принимать итоговые следственные решения, при их вынесении будет опираться не только на позицию стороны обвинения, а также будет учитывать доказательственную базу стороны защиты.

Следовательно, окончательное решение будет более справедливым и объективным, так как будут учитываться всесторонние обстоятельства, подтверждающие как виновность конкретного лица, так и его невиновность, известные по расследуемому делу. По мнению Н.Г. Муратовой таким независимым лицом, совмещающим функции посредника и единственного субъекта, уполномоченного выносить обвинительные заключения и иные решения по итогам предварительного расследования должен быть прокурор [13].

Представленная модель организации предварительного следствия имеет место быть не только в теории, но и используется на практике с 2021 г. на основании Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, по которому в соответствии со статьей 65 «Обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) прокурором составлен обвинительный акт; 2) прокурором утверждены постановления о применении приказного производства, протокол об уголовном проступке, протокол ускоренного досудебного расследования, протокол обвинения и принято решение о направлении дела в суд по соответствующей статье (статьям) уголовного закона» [14]. Благодаря этому следственные подразделения акцентируют внимание именно на расследовании преступления и сборе всевозможных, имеющих значение для расследования, данных и обстоятельств. Такой порядок расследования позволяет осуществлять более качественное и непредвзятое расследование [15]. Также происходит уравнивание возможностей сто-

роны обвинения и защиты, обеспечиваются гарантии объективного и справедливого уголовного судопроизводства.

Обоснованно высказываются сомнения в возрождении института следственных судей в прежнем виде, но в то же время [16], потребность реформирования досудебного производства давно назрела и не соответствует социальным отношениям.

В современном мире, где права и свободы человека играют важную роль, судебное следствие по-прежнему является востребованной частью обеспечения справедливости и законности. Следователь как главная фигура, руководящая всем ходом расследования преступления, не может относиться к той или иной стороне уголовного судопроизводства, так как в таком случае происходит конфликт относительно процессуального положения следователя и дисбаланс в пользу обвинения при разрешении уголовного судопроизводства. Обращение к национальному историческому опыту, с извлечением соответствующих уроков, позволит избежать негативных последствий и усовершенствовать существующее законодательство в целях достижения назначения уголовного судопроизводства. В этом аспекте представляется актуальной ревизия процессуальных функций, в числе которых функция предварительного расследования может стать эффективным для нивелирования обвинительного уклона досудебного производства.

Список литературы:

1. Назырова, Н. А. Реализация следователем функции разрешения дела при принятии правового решения о прекращении уголовного дела / Н. А. Назырова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 1(104). – С. 199-208.
2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т.8. Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 120–251.
3. Соловьева, Л. Л. Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Соловьева Лариса Леонидовна. – Владимир, 2007. – 21 с.
4. Тарасенко, И. В. Функция обвинения в контексте процессуальной независимости судебного следователя (по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.) / И. В. Тарасенко, А. Б. Сабурова // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2024. – № 2(40). – С. 38-44.
5. Пермяков, А. Л. Следственная ошибка: к вопросу об определении понятия / А. Л. Пермяков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 3(11). – С. 71-74.
6. Гришко, Л. Е. Парадигма функций следователя в уголовном судопроизводстве России / Л. Е. Гришко, В. В. Нечаев // Закон и право. – 2020. – № 9. – С. 99-101.
7. Попов, Д. П. Теоретико-прикладные аспекты содержания функции предварительного расследования / Д. П. Попов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2023. – № 2(40). – С. 73-79.
8. Шумилин, С. Ф. Уголовно-процессуальные функции следователя / С. Ф. Шумилин, Е. А. Новикова. – Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2023. – 83 с.
9. Тушев, А. А. Еще раз о функциях следователя и дознавателя / А. А. Тушев // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 1(201). – С. 125-130.
10. Шелегов, Ю. В. К вопросу о функциях, выполняемых следователем в отечественном уголовном судопроизводстве / Ю. В. Шелегов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 3(7). – С. 72-76.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. Т. 4. / В.И. Даль. – М.: ООО Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 1144 с.
13. Муратова, Н. Г. Проблемы участия в процессуальной модели обвинительного заключения (история и современность) / Н. Г. Муратова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 76-80.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // [электронный доступ]: Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан - ИПС «Эдilet» (дата обращения 14.08.2025 г.).
15. Журсимбаев, С. К. Досудебное производство Казахстана / С. К. Журсимбаев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 1(81). – С. 118-123.
16. Россинский, С. Б. Размышления о перспективах развития российского предварительного расследования: нужно ли возродить судебных следователей? / С. Б. Россинский // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 4. – С. 43-48.

References:

1. Nazyrova, N. A. Realizatsiya sledovatelem funktsii razresheniya dela pri prinyatii pravovogo resheniya o prekrashchenii ugolovno del / N. A. Nazyrova // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 1(104). – С. 199-208.
2. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. – T.8. Sudebnaya reforma / pod obshh. red. O.I. Chistyakova. – M.: Yurid. lit., 1991. – С. 120–251.
3. Solov'eva, L. L. Stanovlenie instituta sudebny'x sledovatelej v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka (na materialax Ryzanskoj, Orlovskoj, Voronezhskoj i Tambovskoj gubernij): 'special'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve»: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / Solov'eva Larisa Leonidovna. – Vladimir, 2007. – 21 s.
4. Tarasenko, I. V. Funktsiya obvineniya v kontekste processual'noj nezavisimosti sudebnogo sledovatelya (po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g.) / I. V. Tarasenko, A. B. Saburova // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. – 2024. – № 2(40). – С. 38-44.
5. Permyakov, A. L. Sledstvennaya oshibka: k voprosu ob opredelenii ponyatiya / A. L. Permyakov // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – 2019. – № 3(11). – С. 71-74.
6. Grishko, L. E. Paradigma funktsij sledovatelya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii / L. E. Grishko, V. V. Nechaev // Zakon i pravo. – 2020. – № 9. – С. 99-101.
7. Popov, D. P. Teoretiko-prikladny'e aspekty' soderzhaniya funktsii predvaritel'nogo rassledovaniya / D. P. Popov // Rassledovanie prestuplenij: problemy' i puti ix resheniya. – 2023. – № 2(40). – С. 73-79.
8. Shumilin, S. F. Ugolovno-processual'ny'e funktsii sledovatelya / S. F. Shumilin, E. A. Novikova. – Belgorod: Belgorodskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. I.D. Putilina, 2023. – 83 s.
9. Tushev, A. A. Eshhe raz o funkciyax sledovatelya i doznatelya / A. A. Tushev // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. – 2025. – № 1(201). – С. 125-130.
10. Shelegov, Yu. V. K voprosu o funkciyax, vy'polnyaemy'x sledovatelem v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve / Yu. V. Shelegov // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – 2018. – № 3(7). – С. 72-76.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: 80000 slov i frazeologicheskix vy'razhenij / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – RAN. In-t russkogo yazy'ka im. V.V. Vinogradova – M.: Azbukovnik, 1997. – 944 s.
12. Dal' V.I. Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: Sovremennoe napisanie: V 4 t. T. 4. / V.I. Dal'. – M.: OOO Izdatel'stvo AST»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2004. – 1144 s.
13. Muratova, N. G. Problemy' uchastiya v processual'noj modeli obvinitel'nogo zaklyucheniya (istoriya i sovremennost') / N. G. Muratova // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2010. – № 1. – С. 76-80.
14. Ugolovno-processual'ny'j kodeks Respubliki Kazaxstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V ZRK // [e'lektronny'j dostup]: Oficial'ny'j internet–portal pravovoj informacii. – URL: Ugolovno-processual'ny'j kodeks Respubliki Kazaxstan - IPS «Edilet» (data obrashheniya 14.08.2025 g.).
15. Zhursimbaev, S. K. Dosudebnoe proizvodstvo Kazaxstana / S. K. Zhursimbaev // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2021. – № 1(81). – С. 118-123.
16. Rossinskij, S. B. Razmy'shleniya o perspektivax razvitiya rossijskogo predvaritel'nogo rassledovaniya: nuzhno li vozrozhdat' sudebny'x sledovatelej? / S. B. Rossinskij // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2024. – № 4. – С. 43-48.

КИБЕРБУЛЛИНГ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ОТ НЕГО CYBERBULLYING AND CRIMINAL LAW PROTECTION MEASURES AGAINST IT

КОСТЫЛЕВА Наталья Ивановна,

Аспирант кафедры «Уголовного права и криминологии»,
Дальневосточного федерального университета.
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10.
E-mail: ekatmosc@icloud.com;

KOSTYLEVA Natalia Ivanovna,

postgraduate student Department of Criminal Law and Criminology,
Far Eastern Federal University.
690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian island, Ajax settlement, 10.
E-mail: ekatmosc@icloud.com

Краткая аннотация. В статье представлен комплексный анализ современных проблем уголовно-правового противодействия кибербуллингу в условиях распространения цифровизации общественных отношений. Рассматривается социальная опасность данного явления и особенности проявления в цифровом пространстве. Проанализированы существующие уголовно-правовые нормы, которые применяются к кибербуллингу в РФ. Особое внимание уделяется необходимости совершенствования уголовного законодательства и разработке специализированных составов преступлений.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the current problems of criminal law counteraction to cyberbullying in the conditions of the spread of digitalization of social relations. The social danger of this phenomenon and the features of manifestation in the digital space are considered. The existing criminal law norms that apply to cyberbullying in the Russian Federation have been analyzed. Special attention is paid to the need to improve criminal legislation and develop specialized criminal offenses.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, меры защиты, противодействие, вред, цифровое пространство, жертва, законодательство, цифровые технологии, онлайн-среда, уголовная ответственность.

Keywords: bullying, cyberbullying, protection measures, counteraction, harm, digital space, victim, legislation, digital technologies, online environment, criminal liability.

Для цитирования: Костылева Н.И. Кибербуллинг и уголовно-правовые меры защиты от него // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 575-577. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_575.

For citation: Kostyleva N.I. Cyberbullying and criminal law protection measures against it // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 575-577. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_575.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025

Цифровизация мирового сообщества и общественных отношений, активно развивающаяся в последнее время, открывает новые возможности и перспективы для развития коммуникации. С другой стороны, она привела к появлению новых форм девиантного поведения, среди которых можно выделить кибербуллинг [3]. Данное явление представляет собой серьезную угрозу для психологического состояния личности, особенно для детей и подростков.

В отличие от буллинга, которому подвергаются дети физически (с определенными особенностями внешности и т.д.) и/или психологически (застенчивые, закрытые и т.д.) отличающиеся от основной массы, жертвой кибербуллинга может стать любой.

Современные исследования показывают наличие как буллинга, так и кибербуллинга в образовательных организациях Российской Федерации. «Агентство социальной информации» приводит данные специализированного исследования, согласно которому 69 % учащихся школ приходилось сталкиваться с кибербуллингом [8, с.299-300].

В исследованиях В.Л. Назарова, Н.В. Авербуха, А.В. Буйначевой установлены наиболее распространенные формы обоих типов преследования (буллинга и кибербуллинга) и распределение по типам участия. Распределение в школьном буллинге: жертвы – 35,5 %, зачинщики – 15,7 %, рядовые участники – 11,5 %, свидетели – 42,0 %. В школьном кибербуллинге: жертвы – 20,4 %, агрессоры – 7,7 %, подстрекатели – 4,7 %, рядовые участники – 6,4 %, свидетели – 20,4 %. Трансформация буллинга в цифровом пространстве сохраняет структуру и типы участия, но адаптирует формы преследования и степень вовлеченности участников. Можно утверждать, что вовлеченность в кибербуллинг (во всех ролях) ниже вовлеченности в школьный буллинг [9, с.169].

В настоящее время явление кибербуллинга стало предметом изучения многих исследователей. Изучаются различные аспекты проявления кибербуллинга, его формы, инструменты, а также вред, который наносит данное явление. К числу таких исследований можно отнести труды следующих авторов: Л.В. Жихарева, И.С. Лучинкина, Н.И. Костылева, И.С. Стукало, В.Л. Назаров, Н.В. Авербух, А.В. Буйначева, Т.А. Газизьянов, З.Р. Манзунова и иных ученых.

Исторически, определение «кибербуллинг» произошло от слова буллинг, автором которого является норвежский ученый Д. Олвеус. Он определил, что «буллинг – агрессивное преследование одного из членов коллектива со стороны другого, но также часто группы лиц, не обязательно из одного формального или признаваемого другими коллектива» [10, с.218].

На основе вышеуказанного определения, в 1997 году Бил Белси сформулировал определение кибербуллинга, согласно которому «кибербуллинг – использование информационных и коммуникативных технологий, например, электронной почты, мобильного телефона, личных интернет-сайтов, для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей» [10, с.219].

Кибербуллинг, как социально-опасное явление, имеет определенные аспекты, среди которых можно выделить следующие:

- 1) наличие преследователя (лицо, которое наносит вред);
- 2) наличие жертвы (лицо, в чей адрес наносится вред);
- 3) умышленная травля в форме агрессивного поведения.

Кибербуллинг является продолжительным во времени и использует инструменты агрессии, среди которых принуждение, запугивание, вымогательство и иные.

В отличие от буллинга, при кибербуллинге используются средства массовой коммуникации: компьютеры, планшеты, мобильные телефоны и другие гаджеты с доступом в интернет.

Явление кибербуллинга сопровождается анонимностью, возможностью фальсификации, отличается наличием большой аудитории, быстротой распространения информации.

Т.А. Газизьянов, З.Р. Манзунова определили различные формы, кибербуллинга [1, с.89]:

1. Использование уничижительных или оскорбительных выражений на онлайн-форуме или в чате.
2. Киберпреследование - использование электронных средств связи для отслеживания или наблюдения за действиями человека в сети.
3. Публичное распространение личной информации или личных фотографий без согласия человека.
4. Намеренное исключение человека из онлайн-групп или социальных кругов.
5. Создание поддельных профилей или учетных записей с целью выдачи себя за другое лицо для обмана людей.

Таким образом, учитывая все аспекты изучаемого явления, можно сделать вывод, что кибербуллинг представляет собой вид травли, который подразумевает со стороны преследователя умышленное агрессивное, враждебное поведение, на протяжении продолжительного времени, проявляющееся в форме принуждения, запугивания, вымогательства, группой или индивидом, в сторону жертвы, лица, которое не способно себя защитить, используя современные информационные и коммуникативные технологии.

В современной науке распространены исследования о последствиях проявления кибербуллинга. Среди авторов, изучающих данный вопрос, можно выделить А.Х. Канкулова, Ю.Ю. Ногина, Э.Л. Сидоренко, А.В. Кудрявцева, Н.А. Симагину, Е.В. Бочкареву, Д.А. Стренина, Т.А. Заглюдину, Л.Э. Панкратову, М.В. Колодезникову, Е.В. Николаева.

Указанные авторы обращают внимание на отрицательное влияние на психологическое и физическое здоровье участников кибербуллинга. Подростки замыкаются, проявляется тревожность, головные боли, психосоматические проблемы, у них падает самооценка. Длительные проявления феномена могут вызывать суицидальные наклонности. Агрессор и жертва, при этом, испытывают высокую социальную тревожность. Свидетели кибербуллинга получают травмирующие последствия, находясь в конфликтной среде, испытывая давление со стороны агрессора [5].

Около 40% подростков, столкнувшихся с кибербуллингом, не обращаются за помощью в связи с отсутствием недоверия к правоохранительным органам, что свидетельствует о проблемах в системе противодействия, а также в эффективности превентивной работы и информирования о доступных каналах помощи [4, с.467].

В связи с данным обстоятельством, проблема уголовно-правового противодействия кибербуллингу приобретает особую актуальность в настоящее время. Уголовное законодательство Российской Федерации зачастую опирается на нормы, которые разработаны для офлайн-среды. Это создает правовые лакуны, затрудняющие привлечение виновных к ответственности и эффективную защиту прав жертв.

На данный момент существует необходимость эффективного правового регулирования защиты прав и законных интересов граждан в цифровом пространстве, а также обеспечение безопасности информационного общества в целом.

Существующие уголовно-правовые механизмы, разработанные для противодействия «офлайн» преступности, не всегда эффективно работают в условиях виртуальной среды. Данное обстоятельство вызывает необходимость переосмысления и адаптации уголовного законодательства к новым вызовам. При этом, для решения проблемы кибербуллинга необходим комплексный подход, который будет включать социальные, психологические и технологические меры профилактики.

В настоящее время в цифровом пространстве наблюдается использование цифровых технологий для причинения вреда личности, обществу и государству. Важное значение приобретает проблема регулирования новых технологий (например, deepfake, искусственный интеллект). Возрастает количество случаев использования нейросетей для создания клеветнических или порнографических материалов с целью травли и унижения жертв [4, с.468].

Указанные явления требуют немедленного реагирования со стороны уголовного права, а также пересмотра традиционных составов преступлений. Эффективные превентивные меры должны быть направлены на снижение анонимности в цифровом пространстве, если это не противоречит принципам свободы слова, а также на повышение ответственности интернет-платформ за контент, распространяемый на их ресурсах.

В настоящее время в уголовном законодательстве РФ отсутствует специальный состав преступления, направленный непосредственно на противодействие кибербуллингу. При этом, некоторые статьи УК РФ могут быть применены для уголовно-правовой оценки данного вида деяний: статья 128.1 УК РФ «Клевета», статья 130 УК РФ «Оскорбление», статья 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», статья 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», статья 242 УК РФ «Незаконный оборот порнографических материалов» [11].

Применение вышеперечисленных статей УК РФ к случаям кибербуллинга сталкивается с трудностями. Так, например, не всегда удается доказать наличие состава преступления, предусмотренного данными статьями, в каждом конкретном случае. Оскорбления или клеветы в интернете могут быть признаны малозначительными или не имеющими общественной опасности. Угрозы в цифровом пространстве могут носить

расплывчатый характер, что затрудняет применение ст. 119 УК РФ «Угроза убийством» и позволяет агрессорам избегать ответственности [2, с.74].

Имеющиеся составы преступлений не в достаточной степени учитывают специфику онлайн-среды и особенности проявления агрессии в цифровом пространстве.

Привлечение к уголовной ответственности за кибербуллинг требует проведения сложных следственных действий, связанных с установлением личности агрессора, сбором и фиксацией электронных доказательств [2, с.75].

Рассмотренные проблемы вызывают необходимость совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия кибербуллингу в РФ. Ряд ученых предлагают в качестве мер противодействия кибербуллингу разработку специализированных составов преступлений, которые направлены непосредственно на противодействие кибербуллингу. Предлагается ввести в УК РФ статью «Кибербуллинг», которая бы предусматривала уголовную ответственность за систематическое преследование, травлю и унижение достоинства личности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [2, с.76].

Необходимо также предусмотреть квалифицирующие признаки, усиливающие ответственность за кибербуллинг, совершенный в отношении несовершеннолетних, лиц, находящихся в беспомощном состоянии, или повлекший тяжкие последствия [7]. Некоторые исследователи указывают на необходимость введения «гибридных» составов преступлений, которые сочетают признаки психологического воздействия и технологических средств совершения деяния [2, с.76].

В уголовное законодательство РФ следует включать нормы, регулирующие ответственность интернет-платформ за распространение противоправного контента и обязывающие их принимать меры по предотвращению кибербуллинга.

Таким образом, уголовно-правовое противодействие кибербуллингу требует комплексного подхода, который сочетает репрессивные и превентивные меры, а также восстановительное правосудие. Эффективное противодействие в данном случае возможно при совершенствовании уголовного законодательства, правоприменительной практики, проведения профилактических и просветительских мероприятий, направленных на формирование культуры безопасного и ответственного поведения в цифровом пространстве.

Список литературы:

1. Газизьянов Т. А., Мансурова З. М. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С.89-92.
2. Глибина, А. С. Правовое регулирование квалификации преступлений, совершенных с использованием сети Интернет / А. С. Глибина // Молодой ученый. 2023. № 10 (457). С. 74-76. URL: <https://moluch.ru/archive/457/100589/> (дата обращения: 06.11.2025).
3. Жихарева Л.В., Лучинкина И.С. Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-kak-forma-deviantnogo-povedeniya-lichnosti-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Канкулов, А.Х. Уголовно-правовое противодействие кибербуллингу и другим формам онлайн-агрессии // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 467-470.
5. Колодезникова М.В., Николаев Е.В. Кибербуллинг и его психологические последствия // The Scientific Heritage. 2020. № 56-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-i-ego-psihologicheskie-posledstviya> (дата обращения: 05.11.2025).
6. Костылева Н.И. Проблема кибербуллинга как нового вида преступления в современном обществе // Актуальные проблемы юриспруденции. Сб. статей по материалам LXXVII международной научно-практической конференции. № 12 (76), 2023. Новосибирск, 2023. 136 с.
7. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». - М.: Городец, 2017.
8. Ларина Е.В. О современном состоянии проблемы кибербуллинга // Социология и право. 2022. Т. 14. № 3. С. 299-305.
9. Назаров В.Л., Авербух Н.В., Буйначева А.В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // Образование и наука. 2022. № 24(2). С. 169-205.
10. Стукало, И. С. Определение понятия кибербуллинга на основании исследований зарубежных и отечественных ученых / И. С. Стукало // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 218-220. URL: <https://moluch.ru/archive/292/66081> (дата обращения: 05.11.2025).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 06.11.2025).

References:

1. Gazizyanov T. A., Mansurova Z. M. Psychology of cyberbullying. Types and causes of cyberbullying // Society, law, statehood: perspective and perspective. 2023. No. 4 (16). pp.89-92.
2. Glibina, A. S. Legal regulation of the qualification of crimes committed using the Internet / A. S. Glibina // Young Scientist. 2023. No. 10 (457). pp. 74-76. URL: <https://moluch.ru/archive/457/100589/> (date of access: 11/06/2025).
3. Zhikhareva L.V., Luchinkina I.S. Cyberbullying as a form of deviant personality behavior in the Internet space // Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2022. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-kak-forma-deviantnogo-povedeniya-lichnosti-v-internet-prostranstve> (date of reference: 05.11.2025).
4. Kankulov, A.H. Criminal law counteraction to cyberbullying and other forms of online aggression // Agrarian and Land law. 2025. No. 2. pp. 467-470.
5. Kolodeznikova M.V., Nikolaev E.V. Cyberbullying and its psychological consequences // The Scientific Heritage. 2020. № 56-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-i-ego-psihologicheskie-posledstviya> (date of reference: 05.11.2025).
6. Kostyleva N.I. The problem of cyberbullying as a new type of crime in modern society // Actual problems of jurisprudence. Collection of articles based on the materials of the LXXVII international scientific and practical conference. № 12 (76), 2023. Novosibirsk, 2023. 136 p.
7. Kuznetsova, N.F. Problems of crime qualification: lectures on the special course "Fundamentals of crime qualification". Moscow: Gorodets, 2017.
8. Larina E.V. On the current state of the problem of cyberbullying // Sociology and Law. 2022. Vol. 14. No. 3. pp. 299-305.
9. Nazarov V.L., Averbukh N.V., Buinacheva A.B. Bullying and cyberbullying in modern schools // Education and Science. 2022. No. 24(2). pp. 169-205.
10. Stukalo, I. S. Definition of the concept of cyberbullying based on research by foreign and domestic scientists / I. S. Stukalo // Young Scientist. 2020. No. 2 (292). pp. 218-220. URL: <https://moluch.ru/archive/292/66081> (date of application: 05.11.2025).
11. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 21.04.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 05/02/2025). [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/document/> (date of access: 11/06/2025).

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ УПРАВЛЕНИИ СРЕДСТВАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ON SOME ISSUES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED UNDER MANAGEMENT MEANS OF INDIVIDUAL MOBILITY

МЕЩЕРЯКОВА Татьяна Анатольевна,

научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка,
Академия управления МВД России.

ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: tmeshcheriakova3@mvd.ru;

MESHCHERYAKOVA T.A.,

Researcher, Department for the Study of Social Processes and the Development of Complex Law Enforcement Problems,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125171, Russia.

E-mail: tmeshcheriakova3@mvd.ru

Краткая аннотация: в статье сформулированы тезисы, которые автор предлагает включить в состав криминалистической характеристики преступлений, совершаемых при управлении средствами индивидуальной мобильности. Приведена статистическая информация, практический материал из судебных органов.

Abstract: the article formulates the theses that the author proposes to include in the criminalistic characteristics of crimes committed while driving personal mobility equipment. Statistical information and practical material from judicial authorities are provided.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности, преступления, криминалистическая характеристика, цифровые следы, механизм совершения преступления.

Keywords: means of individual mobility, crimes, criminalistic characteristics, digital traces, mechanism of crime commission.

Для цитирования: Мещерякова Т.А. О некоторых вопросах криминалистической характеристики преступлений, совершаемых при управлении средствами индивидуальной мобильности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 578-581. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_578.

For citation: Meshcheryakova T.A. On some issues of criminalistic characteristics of crimes committed under management means of individual mobility // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 578-581. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_578.

Статья поступила в редакцию: 28.11.2025

Вопрос безопасной эксплуатации средств индивидуальной мобильности (далее - СИМ) в настоящее время является актуальным. Это связано с тем, что по мере развития мегаполисов возрастают потребности жителей в эффективной мобильности. При этом мегаполисы сталкиваются с рядом глобальных вызовов: загруженность улично-дорожной сети, высокая степень автомобилизации, загрязнение окружающей среды. Таким образом, создаются предпосылки новой парадигмы городского развития на основе комфортной и безопасной среды для обеспечения высокого качества жизни всех групп горожан. Развиваются новые виды транспортных услуг, меняется концепция городской мобильности и для создания и поддержания баланса в работе организаций, предоставляющих услуги городской мобильности, компетентные службы анализируют и управляют изменениями в транспортном поведении жителей.

С развитием цифровых технологий увеличились возможности мегаполисов в управлении транспортными системами. В режиме реального времени транспортные операторы и городские власти могут контролировать транспортный поток и работу каждого инфраструктурного объекта, отслеживать загрузку всех маршрутов общественного транспорта и дистанционно управлять движением транспортных средств через систему светофоров и интерактивных информационных панелей [6, с. 11].

Современные транспортные услуги в мегаполисе используют инновационные подходы и современные цифровые решения для повышения комфортности и безопасности пассажирских перевозок за счет интеграции интеллектуальных решений и эффективной работы с большими объемами данных [6, с. 3].

Пищиковой О.В. предложена классификация методов управления транспортным поведением:

1. Административные (ограничительные и запретительные меры).
2. Экономические (оплата транспортных услуг, налоги, пошлины, льготы, субсидии, управление качеством транспортных услуг).
3. Социально-психологические (информирование, коммуникация положительных примеров транспортного поведения, интеграция жителей в процессы управления, формирование трендов).
4. Технологические (использование цифровых технологий для персонализации транспортных услуг и повышения качества обслуживания) [6, с. 10].

В данной статье предлагается рассмотреть административные методы управления транспортным поведением.

Согласно данным судебной статистики за 12 месяцев 2024 года, размещенным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, количество осужденных по ч. 1 – ч. 6 ст. 264 УК РФ составило 8915 человек, по ч. 1 – ч. 3 ст. 268 УК РФ – 39 человек. Количество оправданных лиц по ч. 1 – ч. 6 ст. 264 УК РФ составило 16 человек, по ч. 1 – ч. 3 ст. 268 УК РФ оправданных не было; число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращены за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению по ч. 1 – ч. 6 ст. 264 УК РФ составило 3 человека, по ч. 1 – ч. 3 ст. 268 УК РФ – прекращенных дел по вышеуказанным основаниям не было; количество лиц в отношении которых уголовные

дела прекращены по иным основаниям ч. 1 – ч. 6 ст. 264 УК РФ составило 5424 человека, по ч. 1 – ч. 3 ст. 268 УК РФ – 33 человека.

По данным Научного центра БДД МВД России, в 2024 году зарегистрировано 4426 ДТП с участием СИМ, в результате которых погибли 54 человека, ранения получили 4591 человек. Из них 37,6% ДТП произошло на пешеходных дорожках, тротуарах, пешеходной зоне. Важно, что из общего количества ДТП с участием СИМ, 92,6% погибших и 70,5% раненых – лица, управлявшие СИМ, второе место по количеству пострадавших занимают пешеходы – 3,7% погибших и 22,3% раненых. Кроме того, в 2024 году сотрудниками Госавтоинспекции зарегистрировано 310 происшествий с пострадавшими, не включенных в официальную статистическую информацию, в которых участвовали СИМ. В этих происшествиях погибли 5 человек и 301 получил ранения [4]. Таким образом, несмотря на значительное количество ДТП, совершенных на пешеходных дорожках, тротуарах, пешеходной зоне, по ч. 1 – ч. 3 ст. 268 УК РФ осуждено 39 человек, оправдано 33 человека, т. е. привлечение к уголовной ответственности наступает только в каждом 42 случае. Одной из причин является то, что СИМ является относительно новым средством передвижения и криминалистических знаний о рассматриваемых преступлениях недостаточно.

В настоящее время нет ни одной частной теории, кроме криминалистической характеристики преступлений, которая с такой полнотой исследовала бы преступную деятельность и роль криминалистических знаний о ней в построении частных криминалистических методик [3].

На вопрос о понятии и содержании криминалистической характеристики преступлений не существует единой точки зрения [11, с. 137]. Криминалистическая характеристика не является статичной, она постоянно развивается и уточняется по мере накопления новых знаний о преступлениях.

Юсупканиева С.Н. отмечает, что криминалистическая характеристика – это совокупность информации, раскрывающая обстоятельства совершения определенного вида преступлений, она носит обобщенный характер. К числу обобщенных элементов криминалистической характеристики следует отнести: обстановку совершения преступления (место, время, следы и т. д.); объект и предмет преступного посягательства; условия охраны предмета посягательства; механизм совершения преступления; особенности процесса слеодообразования; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; личность преступника и личность потерпевшего, мотивы и цели преступления; данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению конкретного вида, рода преступления [11, с. 140].

Усова Ю.Э., Квасова А.В., обобщая различные подходы, отмечают, что под криминалистической характеристикой преступления предполагается понимать информационную модель, включающую различные криминалистические элементы:

- время, место и обстановку совершения преступления;
- характеристику субъекта преступления (мотивы, цели, личностные особенности, особенности поведения, наличие судимостей в прошлом);
- обзор деятельности преступника и способов сокрытия следов преступления;
- описание потерпевшего, его личностных особенностей и особенностей поведения;
- характеристику итогов преступления [10].

Изучение криминалистической характеристики преступлений позволяет более эффективно расследовать происшествия, выявлять причины и условия их возникновения, а также разрабатывать меры по их предотвращению.

В данной статье предложены для рассмотрения некоторые вопросы криминалистической характеристики преступлений, совершаемых при управлении СИМ. Управление СИМ значительным образом отличается от управления механическими транспортными средствами. Так, в решении Бабушкинского районного суда г. Москвы № 02-0144/2025 02-0144/2025(02-2476/2024)–М-7438/2023 02-2476/2024 2-144/2025 М-7438/2023 от 29 апреля 2025 г. по делу № 02-0144/2025 (гражданское дело о возмещении вреда здоровью) содержится следующая информация. «Дата» в «время» ФИО, управляя технически исправным средством индивидуальной мобильности, приводимым в движение двигателем - электровелосипедом (специальной моделью для курьерских служб), двигался на нем по пешеходной дорожке, нарушил п. 24.6 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Совета Министров – Правительством Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее – ПДД РФ) [1], а именно, осуществляя движение по пешеходной дорожке подверг опасности и создал помеху для движения пешехода, совершив наезд на пешехода ФИО 2.

Из объяснений ФИО 1 следует, что она с ребенком ФИО 2 находилась в парке, ФИО 2 двигался на безмоторном самокате в условиях начинающегося дождя. Навстречу на электровелосипеде осуществлял движение мужчина в дождевике, по внешнему виду похож на курьера. Данный мужчина допустил столкновение с самокатом ФИО 2, который находился в движении на безмоторном СИМ. В результате удара ФИО 2 упал на асфальт и потерял сознание. Участник ДТП ФИО, не оказав помощи пострадавшим и не оставив своих установочных данных, скрылся с места происшествия. Из объяснений ФИО следует, что он работает в должности доставщика, «дата» примерно в «время» он управлял технически исправным личным электровелосипедом, двигался по пешеходной дорожке в парке. Скорость движения составляла 15-20 км/ч. На улице шел сильный дождь, поэтому он опустил голову, а когда поднял ее, на расстоянии около метра увидел впереди себя стоящего ребенка. Предпринял торможение, но так как расстояние до ребенка было минимальным, избежать наезда не представилось возможным. После наезда ребенок упал на пешеходную дорожку, возле ребенка находилась его мама, которая говорила ему ничего не делать. Он подождал около 2-3 минут и уехал по адресу доставки. Скорую медицинскую помощь и сотрудников полиции не вызвал, так как испугался. «Дата» сотрудники полиции пришли к ФИО по месту работы [8].

Таким образом, особенностью преступлений, связанных с управлением СИМ, является то, что при низких скоростях движения транспортных средств (до 30 км/час) участники дорожного движения получают серьезные травмы, тяжкий вред здоровью. Механические транспортные средства при таком скоростном режиме в большинстве получают незначительные повреждения без причинения вреда здоровью водителям, пассажиров и нередко пешеходов.

В постановлении Ленинского районного суда г. Иваново № 1-433/2024 от 15 декабря 2024 г. по делу № 1-433/2024 (ч. 1 ст.268 УК РФ)

указано следующее [9].

«Дата» в период времени «примерное время», более точное время не установлено, ФИО 3 в нарушение п. 24.8 ПДД РФ [1], управляя технически исправным СИМ – электросамокатом, перевозил пассажира ФИО 1 – ребенка, не достигшего возраста 7 лет, при отсутствии специально оборудованного для него места, в нарушение п. 1.3, 1.5, 10.1, 24.6 ПДД РФ [1], действующих на момент дорожно-транспортного происшествия, а также требования горизонтальной дорожной разметки 1.13, не предвидя возможности наступления общественно-опасных последствий своих действий в виде причинения тяжкого вреда здоровью пассажиру ФИО 1, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, в нарушение п. 10.1 ПДД РФ [1] выбрал скорость движения около 20 км/ч, точная скорость движения не установлена, которая не обеспечила ему возможность постоянного контроля за движением СИМ для выполнения требований правил, не учел интенсивность движения, а именно наличие движущегося по проезжей части с прилегающей к дому улицы со скоростью около 27,2 км/ч, точная скорость движения не установлена, автомобиля под управлением водителя ФИО 2, в нарушение п. 24.6 ПДД РФ [1], дорожной разметки 1.13, выехал на проезжую часть, не уступил дорогу, создал помеху и опасность для движения автомобиля и совершил с ним столкновение, причинив своими действиями, в нарушение п. 1.5 ПДД РФ [1], пассажиру электросамоката ФИО 1 по неосторожности: черепно-мозговую травму в виде ушиба головного мозга легкой степени, линейный перелом лобной кости слева без смещения отломков, скопления воздуха в области перелома, рану в области левой брови, рану на подбородке, кровоизлияние в окружности левого глаза, ссадины в левой скуловой области. Согласно п. 6.1.2 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (приложение к приказу Минздрава России от 24 апреля 2008 года «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 № 12118)¹ [2] данная травма квалифицируется как тяжкий вред здоровью по признаку вреда опасного для жизни человека, создающего непосредственную угрозу для жизни.

Таким образом, приведя выше некоторые статистические данные, постановление и решение судов, предлагается криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых при управлении СИМ, с выделением наиболее значимых ее элементов для расследования:

- исходная информация о преступлении включает дату, время и место совершения, сведения об участниках (СИМ, лица, управляющие СИМ, пешеходы, водители механических транспортных средств, водители электротранспорта, пассажиры), свидетелей, причиненный ущерб. Эти сведения содержатся в протоколе, который составляется сотрудниками Госавтоинспекции, в протоколе осмотра места происшествия и на схеме ДТП, которые составляет следователь и могут быть получены от операторов кикшеринга (персональные и платежные данные передаются при использовании приложений проката), участников ДТП, свидетелей, из документов на транспортные средства и личных документов (паспорт, водительское или служебное удостоверение), из мобильных телефонов лиц, управляющих СИМ (приложений);
- обстановка совершения преступления (следы, дорожно-метеорологические условия, наличие стационарных и передвижных объектов). Отличительной чертой преступлений, совершаемых при управлении СИМ, являются цифровые следы, возникающие при разблокировке средства передвижения. Подобные следы сохраняются при аренде СИМ в службах кикшеринга, банках, мобильных телефонах (приложениях);
- информация о непосредственном объекте и предмете преступного посягательства. Объектом преступного посягательства при ДТП с участием СИМ является безопасность жизни и здоровья людей, а также установленный порядок управления и эксплуатации СИМ. Предмет преступления – СИМ, которым управляли с нарушением правил безопасности;
- механизм совершения преступлений, совершаемых при управлении СИМ, особенности процесса следообразования. Особенности являются относительно низкие скорости движения СИМ, низкий уровень защиты лица, управляющего СИМ (в сравнении с механическими транспортными средствами), часто - запрет на перевозку пассажиров и грузов (если конструктивно не предусмотрено иное), ограничения при эксплуатации в зимнее время (если конструкцией не предусмотрено иное), возможность использовать для движения тротуар (пешеходную дорожку) и обочину как для пешеходов, проезжую часть как для механических транспортных средств;
- способы совершения (столкновение, опрокидывание, наезд на препятствие, наезд на пешехода, иное) и сокрытия преступления (утаивание информации и / или ее носителей, маскировка, фальсификация, смешанные способы). В некоторых городах технически возможно арендовать СИМ только с использованием привязки к государственным аккаунтам. Несмотря на то, что использовать не свой аккаунт для аренды СИМ не рекомендуется и запрещено правилами сервисов, такое в некоторых случаях не исключено. Учитывая, что подобные действия наказываются штрафами, производится блокировка аккаунта, так как аренда привязана к персональным данным, существует высокая вероятность оперативного установления лица, фактически управляющего СИМ в момент ДТП, даже если участник скрылся;
- личность преступника и личность потерпевшего - криминалистические особенности, куда входят биологические и социальные признаки (пол, возраст, социальное положение), нравственные качества и психические свойства, а также наличие (отсутствие) признаков алкогольного и наркотического опьянения, образовательный уровень. Важно, что эксплуатация СИМ часто происходит не в развлекательных целях, а для поездок к месту работы, в частности, служб курьеров (в случае, если предусмотрено конструкцией СИМ), для сокращения времени движения к метро, остановкам общественного транспорта, крупным пересадочным узлам, иным пунктам назначения. По данным Научного центра БДД МВД России, в 2024 году наибольшее количество раненых в ДТП с участием СИМ находилось в возрасте 20 – 24 лет (15,4%), погибших – в возрастных группах 25-29 лет, 30 – 34 лет, 35 – 39 лет, 45 – 49 лет – по 9,8% от общего количества ДТП с участием СИМ в каждой указанной возрастной группе [4];
- мотивы и цели не направлены на достижение преступного результата. Нарушения ПДД РФ лицами, управляющими СИМ, нередко

¹ Документ утратил силу с 1 сентября 2025 года в связи с изданием Приказа Минздрава России от 08.04.2025 № 172н.

связаны с человеческим фактором, в частности, недостаточной подготовкой и знанием ПДД РФ, недостаточным объемом знаний в части, касающейся особенностей управления СИМ, т. к. не предусмотрена выдача каких-либо документов на прохождение обучения и получения права допуска к управлению СИМ;

- данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению ДТП с участие СИМ – неудовлетворительное состояние элементов улично-дорожной сети, техническая неисправность СИМ, факторы, связанные с нарушением ПДД пешеходами, внешние факторы, такие, как влияние погодных условий (отсутствие конструктивной защиты от дождя и ветра на СИМ не оставляет альтернативы для использования капюшонов, иных элементов одежды, ограничивающих видимость, теплой одежды, ограничивающей движения), отсутствие зеркал заднего вида увеличивает время реагирования на изменение дорожной обстановки, иная отвлекающая информация;

Криминалистическая характеристика ДТП с участием СИМ постоянно развивается, поскольку СИМ являются относительно новым средством передвижения. Автор выражает надежду на то, что названные элементы могут стать основой для информационной модели криминалистической характеристики преступлений, совершаемых при управлении СИМ, что позволит ускорить анализ исходной информации с места преступления для выдвижения версий и установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»). – URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 21.11.2025).
2. Приказ Минздрава России от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 № 12118). – URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2025). Документ утратил силу с 1 сентября 2025 года в связи с изданием Приказа Минздрава России от 08.04.2025 № 172н.
3. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. кандидата наук: 12.00.12 – Елиста, 2017. – 456 с.
4. Научный центр безопасности дорожного движения: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (дата обращения 01.10.2025).
5. Научный центр безопасности дорожного движения: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (дата обращения 01.10.2025).
6. Пищикова О.В. Формирование механизма управления транспортным поведением жителей мегаполиса: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 5.2.3 - Стремлянный пер., 2022. – 19 с.
7. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения 06.10.2025).
8. Судебные и нормативные акты РФ: https://sudact.ru/regular/doc/RI6iucZHNP5Z/?regular-txt=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D0%BC%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+268.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D1%85+%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%83%D1%8E+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%83+%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=&1759760283916&snippet_pos=3402#snippet (дата обращения 06.10.2025).
9. Судебные и нормативные акты РФ: https://sudact.ru/regular/doc/uA2aJH3fWLJ/?regular-txt=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D0%BC%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+268.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D1%85+%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%83%D1%8E+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%83+%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=&1759762960067&snippet_pos=464#snippet (дата обращения 06.10.2025).
10. Усова Ю.Э., Квасова А.В. Криминалистическая характеристика преступлений // Ежегодник науки. 2022. № 3 (63).
11. Юсупкидиева С.Н. Содержание и структура криминалистической характеристики преступлений // Вестник Дагестанского государственного университета. 2008. Вып. 2 – С. 137 – 142.

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 10.23.1993 № 1090 «On the Rules of the Road» (together with the «Basic provisions on the admission of vehicles to operation and duties of officials to ensure road safety»). – URL: <http://consultant.ru> (date of request: 11.21.2025).
2. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated 24.04.2008 No. 194n «On approval of Medical criteria for determining the severity of harm caused to human health» (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 13.08.2008 № 12118). – URL: <http://consultant.ru> (date of request: 09.10.2025). The document became invalid on September 1, 2025 due to the issuance of the Order of the Ministry of Health of Russia dated 04.08.2025 No. 172n.
3. Bessonov A.A. Private theory of criminalistic characteristics of crimes: dissertation of the Candidate of Sciences: 12.00.12 – Elista, 2017. – 456 p.
4. Scientific Center for Road Safety: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (accessed 01.10.2025).
5. Scientific Center for Road Safety: <https://media.mvd.ru/files/embed/11400230> (accessed 01.10.2025).
6. Pischikova O.V. Formation of a mechanism for managing the transport behavior of megalopolis residents: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 5.2.3 - Stremlyanny Lane, 2022. – 19 p.
7. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (accessed 06.10.2025).
8. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: https://sudact.ru/regular/doc/RI6iucZHNP5Z/?regular-txt=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D0%BC%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+268.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D1%85+%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%83%D1%8E+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%83+%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=&1759762960067&snippet_pos=464#snippet (date of access: 10.06.2025).
9. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: https://sudact.ru/regular/doc/uA2aJH3fWLJ/?regular-txt=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D0%BC%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+268.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D1%85+%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%83%D1%8E+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%83+%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=&1759762960067&snippet_pos=464#snippet (date of access: 10.06.2025).
10. Usova Yu.E., Kvasova A.V. Forensic characteristics of crimes // Science Diary. 2022. No. 3 (63).
11. Yusupkiadieva S.N. Content and structure of forensic characteristics of crimes // Bulletin of the Dagestan State University. 2008. Issue 2 – P. 137 – 142.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_582

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ПОЛУЧЕНИЯ КОПИИ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ФОРМЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА ON SOME PROBLEMATIC ISSUES OF OBTAINING A COPY OF THE INDICTMENT IN THE FORM OF AN ELECTRONIC DOCUMENT

ДАВЫДОВСКАЯ Марина Владимировна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

125993, Россия, г. Москва, улица Зои и Александра Космодемьянских, 8.

E-mail: marri@list.ru;

КЛИМОВА Оксана Михайловна,

кандидат философских наук, начальник кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова.

690087, Россия, г. Владивосток, ул. Котельникова д. 21.

E-mail: klimova.oksana.1973@mail.ru;

DAVYDOVSKAYA Marina Vladimirovna,

Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher at the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125993, Russia, Moscow, 8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh Street.

E-mail: marri@list.ru;

KLIMOVA Oksana Mikhailovna,

Candidate of Philosophy, Head of the Department of State and Civil Law Disciplines

at the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov. 690087, Russia, Vladivostok, Kotelnikova Street 21.

E-mail: klimova.oksana.1973@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются внесенные в уголовно-процессуальное законодательство изменения, предусматривающие возможность получения по ходатайству или с согласия обвиняемого, защитника или потерпевшего копии обвинительного заключения в форме электронного документа (ч. 3¹ ст. 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Авторами отмечается их несовершенство. Отмечается, что требование о наличии технической возможности у обвиняемого, защитника и потерпевшего не соответствует положению о равенстве всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)).

Abstract: The article discusses the amendments made to the criminal procedure legislation, which provide for the possibility of obtaining, upon request or with the consent of the accused, defense counsel, or victim, a copy of the indictment in the form of an electronic document (Part 31 of Article 222 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)). The authors note that these amendments are not perfect. They argue that the requirement for the accused, defense counsel, and victim to have the necessary technical capabilities does not comply with the principle of equality before the law and the court (article 19 of the Constitution of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitution of the Russian Federation)).

Ключевые слова: права участников уголовного судопроизводства, равенство всех перед законом и судом, принципы уголовного судопроизводства, копия обвинительного заключения, электронный документ.

Keywords: rights of participants in criminal proceedings, equality before the law and the court, principles of criminal proceedings, copy of the indictment, electronic document.

Для цитирования: Давыдовская М.В., Климова О.М. О некоторых проблемных вопросах получения копии обвинительного заключения в форме электронного документа // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 582-584. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_582.

For citation: Davydovskaya M.V., Klimova O.M. On some problematic issues of obtaining a copy of the indictment in the form of an electronic document // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 582-584. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_582.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

В современном мире, где цифровые технологии проникают во все сферы жизни, правовая система также стремится к модернизации. Не является исключением и уголовное судопроизводство, проблемы цифровизации которого в настоящее время представляют одну из наиболее обсуждаемых тем среди научного сообщества [1, С. 89-99; 7, С. 77-84; 9, С. 164-172 и др.]. Цифровизация затронула возможности производства следственных и иных судебных действий (ст. 189¹, 240 УПК РФ), участия осужденного в заседании суда в режиме видео-конференц-связи (ч. 2 ст. 399 УПК РФ), направления электронных документов в ходе досудебного производства и в суд в электронном виде (ст. 474¹- 474² УПК РФ).

Одни из последних изменений были внесены Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», и ст. 222 УПК РФ была дополнена ч. 3¹, предусматривающей процедуру получения обвиняемым, защитником или потерпевшим на основании заявленного ходатайства или с их согласия копии обвинительного заключения в форме электронного документа при наличии технической возможности.

В целом, внесенные в УПК РФ изменения ориентированы на случаи территориальной отдаленности обвиняемого, защитника, потерпевшего

от места производства предварительного расследования, а также на упрощение документооборота, ведь зачастую объем только обвинительного заключения составляет несколько томов уголовного дела.

Вместе с тем отмеченные нововведения позволили ученым занять различные позиции.

Так, Ю.Г. Овчинников, положительно оценивая внесенные в ст. 222 УПК РФ изменения, отмечает их значение в существенном увеличении оперативности расследования преступлений, совершенствовании взаимодействия не только внутри правоохранительных органов, но и между другими ведомствами [5, с. 276].

Иной позиции придерживается С.А. Рябчиков, который указывает на несовершенство ч.3¹ ст. 222 УПК РФ подчеркивая отсутствие выработанного практического механизма вручения обвинительного заключения в форме электронного документа. При этом автор обращает внимание и на необходимость правового регулирования «технической возможности» такого вручения [10, с. 435].

В свою очередь, А.Н. Савченко приходит к выводу о том, что в ст. 222 УПК РФ «принципиально новых изменений не произошло», поскольку законодателем предусмотрены всего лишь требования о вручении электронной копии обвинительного заключения, а не возможность его формирования в электронном виде [11, с. 220].

Не вступая в дискуссию с авторами указанных позиций отметим, что применение электронного документооборота в уголовном процессе действительно открывает новые возможности для всех участников уголовного судопроизводства, однако указанные изменения не должны выступать фактором ограничивающим в той или иной мере их права и законные интересы.

Е. В. Марковичева справедливо отмечает, что даже в условиях цифровой трансформации уголовное судопроизводство должно сохранить свое назначение и обеспечить гарантии прав всех участников процесса [4, с. 178].

Обратим внимание на то, что в положении ч. 3¹ ст. 222 УПК РФ предусмотрено право обвиняемого, защитника, потерпевшего на заявление ходатайства или дачу согласия на получение копии обвинительного заключения в форме электронного документа, однако в нормах УПК РФ не содержится отдельных требований для должностных лиц, предусматривающих разъяснение данных прав вышеотмеченным участникам уголовного судопроизводства.

Безусловно, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве строго закрепляет обязанность должностных лиц разъяснять всем без исключения участникам их права и обеспечивать возможность для их осуществления (ч. 1 ст. 11 УПК РФ), однако данное требование закона не всегда выполняется должностными лицами, а иногда и вовсе игнорируется.

В качестве одного из примеров можно выделить приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска, согласно которому представленные стороной обвинения протоколы следственных действий, объяснения, протоколы явки с повинной не приняты судом в качестве доказательства виновности Д., поскольку порядок их получения не соответствует требованиям УПК РФ, в том числе отсутствуют сведения о разъяснении участникам прав, предусмотренных ст. 46, 56 УПК, положений ст. 51 Конституции РФ [8].

В этой связи И.Н. Кондрат верно указывает на то, что весьма проблематично говорить об обеспечении прав участников, если они им не разъяснены, поскольку «без знания своих прав участники не в состоянии ими распорядиться» [3, с. 9]. При этом права участников необходимо не просто обозначить в законе, а разъяснить им их таким образом, чтобы была осознана вся их суть, значимость и возможность применения [2, с. 55].

Исходя из изложенного, полагаем, что в УПК следовало бы предусмотреть требования, регламентирующие обязанность следователя разъяснять участникам право ходатайствовать о получении копии обвинительного заключения в форме электронного документа. Отмеченные требования целесообразно закрепить в ст. 217 УПК РФ дополнив ч. 5 предложением следующего содержания: «4) о вручении копии обвинительного заключения с приложениями в форме электронного документа - в случаях, предусмотренных ч. 3¹ ст. 222 настоящего Кодекса».

В тоже время обратим внимание на то, что ч. 3¹ ст. 222 УПК РФ содержит и требование о наличии технической возможности у обвиняемого, защитника и потерпевшего для получения копии обвинительного заключения в форме электронного документа.

Во-первых, встает закономерный вопрос о том, каким образом следователь должен убедиться о наличии технической возможности у участников и каким образом должен отразить ее в материалах уголовного дела.

Во-вторых, не является ли указание о «технической возможности» некой привилегией для отдельных категорий участников, ставящей под сомнение конституционное положение о равенстве всех перед законом и судом.

При этом, почему-то, исключением в указанном требовании является обвиняемый содержащийся под стражей, которому, с учетом полного отсутствия технической возможности, указанные документы вручаются по поручению прокурора администрацией места содержания под стражей на предоставленном органом предварительного расследования техническом устройстве для чтения электронных книг, не имеющем функций аудио- и видеозаписи, видеовоспроизведения и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть "Интернет".

В ч. 2 ст. 19 Конституции РФ определено, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от ...имущественного положения ...а также других обстоятельств». И, несмотря на то, что «место равенства всех перед законом и судом в системе уголовно-процессуальных норм до настоящего времени даже в науке определено только приблизительно» [6, с. 119], представляется недопустимым ставить в неравное положение участников уголовного судопроизводства, указывая на требование о наличии технической возможности.

Выход из ситуации, полагаем, состоит в том, что требование ч. 3¹ ст. 222 УПК РФ о наличии «технической возможности» следует исключать. Представляется, что законодательство необходимо урегулировать и разработать механизмы, позволяющие всем участникам, круг которых строго определен, получить на основании заявленного ходатайства копию обвинительного заключения в форме электронного документа независимо от наличия технической возможности, при этом не создавая привилегий для отдельных категорий участников.

В заключение следует констатировать, что внедрение электронного документооборота в уголовное судопроизводство является прогрессивной тенденцией, соответствующей вызовам цифровой эпохи. Однако данный процесс должен реализовываться с соблюдением и обеспечением прав всех без исключения участников уголовного судопроизводства, независимо от их процессуального статуса, имущественного положения и т.д.

Список литературы:

1. Гаврилов, Б. Я. Уголовно-процессуальное обеспечение применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве / Б. Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 2(74). – С. 89-99
2. Иванов, Е.Е. Уведомление в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Иванов Евгений Евгеньевич. – М., 2020. – 281 с.
3. Кондрат, И. Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. – М.: Юстицинформ, 2015. – 176 с.
4. Марковичева, Е. В. Влияние информационных технологий на систему гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства / Е. В. Марковичева // Правосудие. – 2025. – Т. 7, № 3. – С. 162-178.
5. Овчинников, Ю. Г. Использование копии обвинительного заключения, изготовленного в форме электронного документа / Ю. Г. Овчинников // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: XXVII международная научно-практическая конференция: в 2-х частях, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. – С. 274-276.
6. Панфилов, П. О. О реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности / П. О. Панфилов // Юристы-Правовед. – 2017. – № 1(80). – С. 117-123.
7. Победкин, А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий / А. В. Победкин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 1(95). – С. 77-84
8. Приговор от 13 февраля 2020 г. № 1-29/2020 1-938/2019 по делу № 1-29/2020 Железнодорожного районного суда г. Хабаровска. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 04.12.2025).
9. Россинский, С. Б. Развитие цифровых технологий как фактор, обуславливающий потребность в изменении правил ознакомления с материалами уголовного дела / С. Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 1(33). – С. 164-172
10. Рябчиков, С. А. Использование электронных документов в досудебном производстве: проблемы практической реализации / С. А. Рябчиков // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 434-436.
11. Савченко, А. Н. Вручение обвиняемому копии обвинительного заключения в виде электронного документа / А. Н. Савченко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 4(111). – С. 212-221.

References:

1. Gavrilov, B. Ya. Criminal procedural support for the use of information technologies in criminal proceedings / B. Ya. Gavrilov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 2(74). – Pp. 89-99
2. Ivanov, E. E. Notification in the pre-trial stages of criminal proceedings : dis. ... cand. law. Sciences: 12.00.09 / Evgeniy Evgenievich Ivanov. – Moscow, 2020. – 281 p.
3. Kondrat, I. N. Ensuring the Rights of Individuals in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: Legislative Regulation and Law Enforcement Practice: Monograph. – Moscow: Yustitsinform, 2015. – 176 p.
4. Markovicheva, E. V. The Impact of Information Technologies on the System of Guarantees of the Rights and Legitimate Interests of Participants in Criminal Proceedings / E. V. Markovicheva // Justice. – 2025. – Vol. 7, No. 3. – Pp. 162-178.
5. Ovchinnikov, Yu. G. Using a copy of an indictment made in the form of an electronic document / Yu. G. Ovchinnikov // Actual Problems of Combating Crime: Issues of Theory and Practice: XXVII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts, Krasnoyarsk, April 4–5, 2024. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. – Pp. 274-276.
6. Panfilov, P. O. On the Implementation of the Principle of Equality Before the Law and the Court in Criminal Proceedings on Economic and Business Crimes / P. O. Panfilov // Yurist-Pravoved. – 2017. – No. 1(80). – Pp. 117-123.
7. Pobedkin, A. V. Production of investigative actions using video-conference systems in pre-trial proceedings: the framework of procedural guarantees / A. V. Pobedkin // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1(95). – Pp. 77-84
8. Sentence dated February 13, 2020, No. 1-29/2020 1-938/2019, in case No. 1-29/2020 of the Zheleznodorozhny District Court of Khabarovsk. URL: <https://www.sudact.ru> (accessed on 04.12.2025).
9. Rossinskiy, S. B. The Development of Digital Technologies as a Factor Determining the Need to Change the Rules for Access to Criminal Case Materials / S. B. Rossinskiy // Criminalistics: Yesterday, Today, and Tomorrow. – 2025. – No. 1(33). – Pp. 164-172
10. Ryabchikov, S. A. The Use of Electronic Documents in Pre-Trial Proceedings: Problems of Practical Implementation / S. A. Ryabchikov // St. Petersburg International Forensic Forum : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 10–11, 2024. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – Pp. 434-436.
11. Savchenko, A. N. Presentation of a copy of the indictment to the accused in the form of an electronic document / A. N. Savchenko // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 4(111). – Pp. 212-221.

Артикул воинский Петра I как основа формирования законодательства о преступлениях против военной службы PETER THE GREAT'S MILITARY ARTICLES AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF LEGISLATION ON CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

ПЛЯСОВА Екатерина Владимировна,

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический факультет
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения».

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2

E-mail: plyasovaek@yandex.ru;

PLYASOVA Ekaterina Vladimirovna,

postgraduate student of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law
Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education «State University of Education».

105005, Moscow, Radio str., 10A, p. 2.

E-mail: plyasovaek@yandex.ru

Краткая аннотация: Настоящая статья посвящена памятнику русского дореволюционного законодательства и творению Петра I – Артикулу воинскому 1715 г. Актуальность обращения к данному источнику уголовного права, обусловлена агрессивной полемикой стран, входящих в блок НАТО и дестабилизирующих международную обстановку. Изучение Артикула воинского Петра I имеет научную и практическую ценность в условиях проведения специальной военной операции (СВО), поскольку способствует совершенствованию уголовного законодательства в сфере преступлений против военной службы, способствует укреплению дисциплины, а следовательно и обороноспособности России, используя победоносный опыт прошлых столетий.

Abstract: This article is devoted to a monument of Russian pre-revolutionary legislation and Peter the Great's creation, the Military Articles of 1715. The relevance of referring to this source of criminal law is due to the aggressive polemics of NATO countries that are destabilizing the international situation. The study of Peter the Great's military articles is of scientific and practical value in the context of a special military operation, as it contributes to the improvement of crimes against military service, strengthens discipline and, consequently, Russia's defense capabilities, drawing on the victorious experience of previous centuries.

Ключевые слова: Артикул воинский, преступления против военной службы, специальная военная операция, уголовное законодательство.

Key words: Article military, crimes against military service, special military operation, criminal law.

Для цитирования: Плясова Е.В. Артикул воинский Петра I как основа формирования законодательства о преступлениях против военной службы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 585-587. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_585.

For citation: Plyasova E.V. Peter the Great's military articles as the basis for the formation of legislation on crimes against military service // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 585-587. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_585.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025

Источком уголовного законодательства о преступлениях против военной службы, по мнению ряда исследователей, является Соборное уложение 1649 года, в правление царя Алексея Михайловича, где данному вопросу отводилось несколько глав: глава VII «О службе всяких ратных людей Московского государства», глава XXIII «О стрельцах», глава XXIV «Указ о атаманах и казаках», но, что особенно важно: впервые затрагивались вопросы ответственности военнслужащих за совершенные деяния. Как отмечает Сухондяева Т.Ю.: «Лишь с созданием централизованного Московского государства и формированием регулярной армии появляются специализированные акты, ставшие основой формирования военного законодательства и института военно-уголовных наказаний» [5].

И вот уже сын царя Алексея Михайловича – царь Петр Алексеевич берется за кодификацию военного уголовного законодательства: многолетний труд Петра I и его соратников воплотился в Артикул воинский.

Артикул воинский, как свидетельствуют многочисленные исследования, был составлен на основе более ранних военно-правовых актов, таких как Уложение Шереметева 1702 года и Краткий артикул 1706 года, которые были составлены на основе европейского военного уголовного законодательства. В артикуле также прослеживается связь с более ранними русскими уголовно-правовыми актами, особенно по структуре он напоминает Соборное уложение 1649 года [2].

Содержание Артикула представляло собой результат систематизации отдельных положений законодательных актов наиболее боевых способных армий того времени и их рецепции применительно к конкретному культурно-историческому периоду развития государства и условиям военного времени [3].

С Петром Россия начала XVIII века вступает в период абсолютизма, что и приводит к изменениям в сфере права. В таких условиях каждое слово монарха с формальной точки зрения являлось законом. Так, Петр I в артикуле 20 пишет, что «Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» [1].

Артикул воинский состоит из 24 глав, включающих 209 артикулов. Особо выделяются следующие артикулы, посвященные преступлениям против военной службы:

Глава 3 «О команде, предпочтении и почитании вышних и нижних офицеров, и о послушании рядовых» в артикуле 19 предостерегает: «Есть ли кто подданный войско вооружит или оружие предпримет против его величества...» от мятежа суровым наказанием – «четвертованы

быть»[1].

Глава 4 «О самовольном обнажении шлага, о тревоге и карауле» (артикулы 36-49). Караулу отводится важная роль: «Ибо караул есть живот крепости и лагеря», поэтому «Караул есть наизнатнейшая служба, которую солдат в войне отправляет»[1].

Глава 5 «О всякой солдатской работе». Артикул 53 можно смело по праву назвать антикоррупционным, против должностных злоупотреблений офицеров над солдатами: «Ежели кто из офицеров солдатам, под командою его сущим, что ни будь прикажет, которое к службе его величества не касается, и службе солдатской непристойно тогда солдат не должен офицера в том слушать, и имеет сие в военном суде объявить...»[1].

Глава 7 «О смотре». Артикул 60 как вышним, так и нижним офицерам предписывает явиться самому и солдат своих на смотр поставить, а нарушителей приравнивал к бунтовщикам. При этом симулирование болезней, либо умышленное членовредительство наказывалось каторгой и распарыванием ноздрей.

Глава 8 «О корму и жалованье». Артикулы 64 – 68 предписывают офицерам при выдаче жалованья, корма и провианта лишнего не брать, а кто возьмет, тот лишится живота, как вор или будет сослан на галеру. Оговаривается и случай задержки жалованья: при собрании военных людей публично о деньгах кричать запрещается под страхом наказания, как «забродчик возмущения».

Глава 9 «О отпуске из службы». Артикулы 69 – 75 запрещают как офицерам, так и их слугам покидать место службы их господина, а также отставать от войска в походе.

Глава 12 «О дезертирах и беглецах». Артикулы с 94 по 100 регулируют вопросы дезертирства. Наказание для беглецов всегда одно – «повешены быть», но с некоторыми оговорками, если беглец сам, раскаявшись, возвратится, то ждет его наказание шпицрутенами (битьем палками). Артикул 100 предписывает для тех, кто задержался к месту службы штраф: за каждые 7 дней задержки без «знатных причин» - «по месяцу жалованья вычесть». Законодатель под «знатными причинами» подразумевает: 1) болезнь, 2) арест, 3) действия неприятеля, 4) лишение рассудка, 5) травмы от огня и воды, 6) смерть родителей или близких, кто его домом управляет.

Заслуживает внимание и положение петровского законодательства о деятельном раскаянии. В Артикуле 96 устанавливалось, что раскаяние беглеца и его добровольное возвращение служило смягчающим обстоятельством, исключающим применение к виновному смертной казни. Советское и современное российское уголовное законодательство знает только одно обстоятельство для возможного освобождения от уголовной ответственности: стечение тяжелых обстоятельств, при самовольной отлучке и дезертирстве [4].

Глава 13 «О штурмах или приступах». Артикулы с 101 по 103 перекликаются с главой 12 «О дезертирах и беглецах». Интересное толкование имеет артикул 101: офицер более высокого чина, несет более жестокое наказание за преступление закона, т.к. он должен быть примером для нижестоящих чинов.

Глава 14 «О взятии городов, крепостей, добычей и пленных». Артикулы с 104 по 116 устанавливают правила поведения во взятых городах и крепостях. Под страхом смерти запрещается: 1) грабить церкви, школы, духовные дома, госпитали; 2) убивать и обижать женщин, младенцев, священников, старых людей (бесчестно лишать жизни тех, кто не может обороняться). Наказание шпицрутенами ожидает того, кто будет удерживать при себе пленных.

Глава 15 «О сдаче крепостей, капитуляции и аккордах с неприятелем». Артикулы с 117 по 123 под страхом смерти («лишение чести, пожитков и живота») запрещают сдавать крепость и противиться бою с неприятелем.

Глава 16 «О измене и переписке с неприятелем». Артикулы с 124 по 132 предостерегают от переписки с неприятелем.

Глава 17 «О возмущении, бунте и драке» (артикулы с 133 по 148). Так, артикул 133 запрещает подозрительные собрания воинских людей, а зачинщиков без всякого милосердия ждет наказание в виде повешения. В артикуле 137 сказано: «Всякий бунт, возмущение или упрямство, без всякой милости имеет быть виселицею наказано». Запрещаются любые драки и поединки под страхом смерти повешения, даже для тех, кто в поединке погиб: «то их и по смерти за ноги повесить» (артикул 139)[1].

Глава 22 «О лживой присяге и подобных сему преступлениях» (артикулы с 196 по 203). В этой главе преследуется всякий обман со стороны военных и не военных людей, как-то: лживая присяга, обмер, обвес, подделка монеты, печати, сочинение подложных писем, умышленное «разодрание указов»[1].

Уголовное законодательство Петра I было прогрессивным для своего времени. Характерным уже было то, что в нем уже мало применялось для понятия преступления греховное начало, а для наказуемости деяния, требовалось, чтобы оно было умышленным или неосторожным. При всем разнообразии жесточайших наказаний, все-таки начинает просматриваться тенденция к их гуманизации: вместо смертной казни стали использовать преступников в интересах государства на мануфактурах и каторжных работах.

Все солдаты, офицеры, чиновники государственного аппарата считались слугами и защитниками государства, обязаны были служить ему самоотверженно. Приказания начальства подлежали беспрекословному исполнению, как говорится в артикуле 29: «Ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчиненному послушно быть»[1].

Воинские артикулы впервые в истории уголовного законодательства ставят вопрос о необходимости установления причинно-следственной связи между действием и преступным результатом. А также, впервые поднимается вопрос о судебно-медицинской экспертизе (вскрытии) лишенного жизни (убиенного) в артикуле 154: «...чтоб сколь скоро кто умрет, который в драке был бит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которое бы тело мертвое взрезали, и подлинно разыскали, что какая притчина к смерти его была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оное присягою своею подтвердить»[1]. К смертельным ранам отнесено четырнадцать видов: раны мозга, легкого,

сердца, горла, желудка, печени и др.

Ко многим статьям Уголовного кодекса (форма виновности, покушение, соучастие, необходимая и крайняя оборона), послуживших источником для дальнейшего развития этих институтов в русском уголовном законодательстве.

Рецепция статей Петра I усматривается в Уголовном кодексе РСФСР, где присутствовали статья 261 «Сдача или оставление противнику средств ведения войны», статья 263 «Самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием», статья 267 «Насилие над населением в районе военных действий»[7]. В Уголовном кодексе Российской Федерации[6] нет перечисленных статей УК РСФСР, т.к. кодекс задумывался законодателем в условиях мирного времени.

Обобщая петровское наследие в контексте проведения Специальной военной операции на Украине, вновь заострим свое внимание на статье 60 «О смотре», где за неявку офицеров и их солдат следовали жесткие санкции вплоть до изымания имущества и приравнивания к бунтовщикам. Петровский опыт поучителен, а в современном уголовном законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность лиц, находящихся в запасе за уклонение от военной службы по мобилизации, они и не относятся к преступлениям против военной службы. Из этого следует, что граждане, зачисленные в запас не несут уголовной ответственности за уклонение от мобилизации – такой статьи в Уголовном кодексе Российской Федерации нет, что является пробелом законодательства, т.к. данные лица прошли специальную боевую подготовку по военным специальностям, и государство уже понесло бремя расходов на их обучение.

Список литературы:

1. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. // Список актов конституционного значения 1600-1918 гг. URL:<https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/?ysclid=mibqt6fyw5110270924/> (дата обращения: 25.10.2025 г.).
2. Ермолович, Я. Н. «Всякую он злобу наказанием усмиряет». Возникновение и формирование военно-уголовного законодательства в России в XVI – начале XIX века (1571-1812 гг.) / Я. Н. Ермолович // Военно-исторический журнал. – 2017. - № 7. – С. 9-14.
3. Полунин, С. В. «Артикул воинский» - памятник военного права, нормативно установивший основы единоначалия и централизации управления / С. В. Полунин, Г. Д. Корнейчук, А. В. Ляхов // Военное право. – 2022. - № 5(75). – С. 79-88.
4. Рарог, А.И. Наследие Петра Великого и современное военно-уголовное право России. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024;(4):29-38.
5. Сухондяева, Т.Ю. Российское военно-уголовное законодательство и его эволюция в период абсолютизма (XVII – нач. XX в.) историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб, 2006.
6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.11.2025 г.).
7. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 25.10.2025).

References:

1. Military item number on April 26, 1715 // List of Acts of Constitutional Significance, 1600-1918 URL:<https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/?ysclid=mibqt6fyw5110270924/> (accessed: 25.10.2025).
2. Yermolovich Ya.N. – «All angers are tamed by him with punishment». Emergence of the military criminal legislation in Russia in XVI – early XIX centuries (1571-1812) / Yermolovich Ya.N. // Military history magazine. 2017;(7):9-14.
3. Polunin S.V. «Military Article» is monument of military law, which established the foundations of unity of command and centralization of management / Polunin S.V., Korneychuk G.D., Lyakhov A.V. // Voennoe pravo. 2022;(5(75)):79-88.
4. Rarog A.I. The Legacy of Peter the Great and Modern Military Criminal Law of Russia. Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024;(4):29-38.
5. Sukhondyaeva T.Yu. Russian military criminal legislation and its evolution during the period of asolutism: XVIII – Early XX centuries: historical and legal reseach: abstract of the Candidate of Legal Sciences : 12.00.01 /S.-Peterb., 2006.
6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 17.11.2025) URL :https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 20.11.2025).
7. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on July 30, 1996) URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (accessed: 25.10.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_588

УДК 343

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ THE ORDER OF CONSIDERATION OF MESSAGES ABOUT CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

ШАРИПОВ Наиль Рустэмович,

лицо, прикрепленное для написания кандидатской диссертации

Институт права Уфимского университета науки и технологий.

Россия, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

E-mail: ufa_kafedra@mail.ru;

SHARIPOV Nail Rustemovich,

is a person attached to write a PhD thesis Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Ufa, 131 Dostoevsky Street.

E-mail: ufa_kafedra@mail.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется порядок рассмотрения сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях в сфере экономической деятельности: раскрываются основные способы проверки сообщений и ее особенности.

Abstract: The article analyzes the procedure for reviewing reports of crimes committed or being prepared in the field of economic activity: the main methods of checking messages and its features are revealed.

Ключевые слова: УПК РФ, проверка сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Keywords: Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, checking reports of crimes in the field of economic activity.

Для цитирования: Шарипов Н.Р. Порядок рассмотрения сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 588-591. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_588.

For citation: Sharipov N.R. The order of consideration of messages about crimes in the sphere of economic activity // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 588-591. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_588.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025

Проанализируем особенности рассмотрения сообщений о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности.

Как правило, следователь (дознатель) самостоятельно определяют способы проверки поступившего сообщения о преступлении. Однако применительно к некоторым составам экономических преступлений (ст. 199.3 и 199.4 УК РФ) законодатель устанавливает четкий алгоритм проведения такой проверки (ч. 7 – 9 ст. 144 УПК РФ), предполагающий необходимость получения следователем заключения территориального органа страховщика для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Однако уголовное дело об указанных преступлениях может быть возбуждено следователем и до получения из территориального органа страховщика заключения или информации при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Таким образом, законодатель, с одной стороны, предполагает некоторую зависимость принятия решения следователем о возбуждении уголовного дела от заключения территориального органа страховщика, с другой – не исключает его право самостоятельно решить вопрос о начале уголовного преследования.

Рассмотрим основные способы проверки сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности, вытекающие из особенностей самих составов преступлений:

1) Получение объяснений.

Зачастую получение объяснений у лиц, имеющих отношение, например, к финансово-хозяйственной деятельности организации, является источником первоначальной информации, необходимой для производства дальнейшей проверки уполномоченным лицом.

2) Истребование документов и предметов, в том числе их изъятие в ходе осмотра места происшествия в соответствии с требованиями ст. ст. 176, 177 УПК РФ, либо направление поручений о проведении оперативно-розыскного мероприятия - наведение справок.

Учитывая специфику совершения преступлений в сфере экономической деятельности, которая связана, прежде всего с документооборотом, истребование, изъятие и последующий осмотр документов и предметов проводится по всем категориям рассматриваемых нами правонарушений. В последующем документация, как правило, предоставляется эксперту или специалисту для дачи по ней заключения.

Уголовно-процессуальный закон не регулирует порядок осуществления такого истребования, что порождает различные толкования данной нормы права. Проводится аналогия с производством выемки и обыска. Предлагается, например, внести изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ: слова «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» заменить на слова «истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном статьями 182, 183 настоящего Кодекса» [1, С. 131]. На наш взгляд, такое изменение, фактически, поставит знак равенства между указанными следственными действиями и истребованием предметов и документов, осуществляемых на стадии возбуждения уголовного дела, что является недопустимым. Обыск – следственное действие, обладающее наиболее принудительным потенциалом и ограничивает большое количество прав обыскиваемых лиц. Именно поэтому законодатель очень скрупулезно прописывает основания и порядок его производства, вводя дополнительные гарантии защиты прав участников, включая осуществление судебного контроля (по

некоторым его видам). И разрешать его фактическое производство до возбуждения уголовного дела является недопустимым. Истребование предметов и документов, на наш взгляд, предполагает добровольную передачу лицом необходимых следователю (дознавателю) сведений.

Изъятие предметов и документов возможно и в порядке осуществления оперативно-розыскной деятельности (при проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств)¹. Также, к примеру, органы полиции имеют право запрашивать от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую информацию (п. 4 ст. 13 ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ).

3) Назначение судебных экспертиз и получение заключения эксперта в разумный срок.

Производству экспертиз посвящена глава 27 УПК РФ. Специфика расследования рассматриваемых преступлений предполагает широкое использование данного вида доказательств, поскольку следователю требуются, прежде всего, специальные знания в сфере экономики. Учитывая, что для большого количества составов преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, принципиальным является правильное установление размера причиненного ущерба (сумм доходов, задолженностей), отчего зависит вопрос наличия оснований для начала уголовного преследования, экспертизы проводятся уже на стадии возбуждения уголовного дела.

В.М. Шагунова указывает на то, что чаще всего по преступлениям в сфере экономической деятельности назначаются такие экспертизы, как судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая, товароведческая, технологическая, технико-криминалистическая экспертиза документов, судебно-почерковедческая экспертиза, судебно-экономическая экспертиза, экономико-статистическая экспертиза, экспертиза экономики труда и другие [2, С. 34].

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел позволил выявить следующее: выбор того или иного вида экспертизы зависит от состава преступления. Для установления размера причиненного ущерба (сумм дохода, задолженностей) проводятся судебные бухгалтерские экспертизы (например, по таким составам преступлений, как предусмотренных ст. 171, 178, 196 УК РФ, а по налоговым преступлениям – налоговые судебные экспертизы или финансово-аналитические, финансово-экономические экспертизы (ст. 195, 196 УК РФ). Для составов преступлений, в которых необходимо определить, например, поддельные средства идентификации для маркировки товаров (ст. 171.1 УК РФ) проводится судебная технико-криминалистическая экспертиза, а в зависимости от вида такого немаркированного товара могут назначаться и иные виды экспертиз (например, судебная ботаническая).

Согласно приложению № 2 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 среди экспертиз, которые, в основном, назначаются в ходе производства по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, можно выделить следующие: автороведческая, бухгалтерская, геммологическая, компьютерная, налоговая, строительно-техническая, технико-криминалистическая экспертиза документов, товароведческая, финансово-аналитическая, финансово-кредитная и др.

В приложении № 1 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» к приказу Министерства юстиции РФ от 20 апреля 2023 г. № 72 содержится несколько иной перечень экспертиз, которые, в основном, назначаются в ходе производства по таким делам: автороведческая экспертиза, криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей, криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий, техническая экспертиза документов, строительно-техническая экспертиза, экономическая экспертиза, товароведческая экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза, экспертиза маркировочных обозначений и др.

Таким образом, обобщенное понятие «экономическая экспертиза» содержится только в приказе Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72. В приказе МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 – это отдельные виды экспертиз: бухгалтерская, налоговая, финансово-аналитическая, финансово-кредитная.

Ю.А. Капустина определяет судебную экономическую экспертизу как одну из разновидностей судебной экспертизы, представляющую собой «процессуальную форму применения специальных знаний в области экономики и финансов в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве» [3, С. 34].

А.О. Зайцева и Е.В. Печерица делают вывод, что судебная экономическая экспертиза – это «такой вид экспертизы, который направлен на изучение и выявление нарушений деятельности финансово-экономического характера, а также исследования кредитной, налоговой и других областей деятельности» [4, С. 1393].

Некоторые авторы указывают на то, что существуют различные вопросы судебной экономической экспертизы, которые нельзя отнести ни к одному из перечисленных родов (в качестве примера приводятся операции, которые связаны с ценными бумагами, лизинговые операции, относящиеся к так называемым оценочным экспертизам) [4, С. 1395].

Поэтому главной проблемой, которая видится многим ученым, занимающимся вопросами производства судебных экономических экспертиз, является выработка ее единых критериев. Для этого предлагается создание единого нормативного документа с целью «унификации основополагающих теоретических аспектов для всех экспертов, проводящих судебную экономическую экспертизу в Российской Федерации» [4,

¹ В Инструкции «О порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утвержденной приказом МВД России от 01 апреля 2014 г. № 199 содержится раздел IV «Основания и порядок изъятия предметов и документов // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».)

С. 1393-1394]. На это указывают многие авторы [5, С. 230], [6, С. 114], [7, С. 356-358]. Также среди ученых поднят вопрос о создании единой государственной экспертной службы (например, Ф.Г. Аминев предлагает сформировать на базе экспертно-криминалистической службы МВД (или Министерства юстиции) России Вневедомственную судебно-экспертную службу Российской Федерации, в состав которой войдут судебно-экспертные подразделения семи ведомств (за исключением ФСБ и Министерства здравоохранения) [8, С. 8]. Мы полностью поддерживаем данную инициативу.

Отдельной практической проблемой является проведение судебной экспертизы в течение срока, отводимого законодателем для производства проверки сообщения о преступлении (максимальный срок – 30 суток). Экспертизы производятся, как правило, в срок, не превышающий пятнадцати суток, в порядке очередности поступления материалов. Более длительный срок производства экспертизы устанавливается руководителем в случаях, когда требуется исследование значительного объема материалов, применение продолжительных по времени методик исследования, а также при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз (п. 12 приказа МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511).

Между тем, зачастую в действительности срок производства экспертиз составляет более чем 30 суток [9, С. 466]¹. Ученые и практики объясняют сложившуюся ситуацию несколькими причинами:

- большой объем подлежащих исследованию документов;
- отсутствие эффективного контроля со стороны надзирающего прокурора и руководителей следственных органов;

- несвоевременное предоставление сотрудникам органов уголовного преследования необходимых документов, например, актов ревизий, документальных проверок, справок о стоимости работ или услуг и др., которые необходимы для принятия процессуального решения по результатам проверки сообщения о преступлении.

На практике эта проблема решается путем искусственного продления следователем, дознавателем сроков производства экспертиз (ревизий, документальных проверок). Для этого выносится решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое отменяется после получения результатов экспертизы (при необходимости, если, например, будет установлена соответствующая для состава экономического преступления сумма материального ущерба, размера, дохода). Как правило, это делается по согласованию с надзирающим прокурором.

В связи с обозначенной проблемой полагаем возможным законодательное закрепление права следователя (дознавателя) ходатайствовать перед прокурором о продлении сроков проверки сообщения об экономическом преступлении до 60 суток в исключительных случаях при необходимости производства судебных экспертиз, документальных проверок, ревизий для установления размера, ущерба, дохода либо задолженности в размерах, установленных примечаниями к статьям о некоторых экономических преступлениях (материальные составы преступлений). Это предложение не ново. Например, оно содержится в работе Е.С. Канатова [1, С. 15, 114-118], который полагает возможным увеличение до 50 суток срока проверки сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Мы осознаем положительные и отрицательные моменты такого предложения. Как отмечено в определении Конституционного Суда РФ, «длительное затягивание решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела и неоднократное прерывание и возобновление проверки по заявлению о преступлении, приводят к нарушению разумного срока рассмотрения дела и ограничению доступа потерпевших к правосудию» (Определения от 20 декабря 2005 г. № 477-О и от 17 октября 2006 г. № 425-О).

С другой стороны, и на это также обращает внимание Конституционный Суд РФ, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела должны «обеспечиваться и интересы лица, в отношении которого подано заявление о привлечении к уголовной ответственности, с тем чтобы уголовное дело не было возбуждено, а это лицо не было поставлено в положение подозреваемого – вопреки ст. 49 Конституции РФ – без достаточных к тому оснований» (Определения от 20 декабря 2005 г. № 477-О и от 17 октября 2006 г. № 425-О). Особенно это актуально, учитывая тот факт, что ошибки в установлении размера причиненного ущерба (сумм доходов, задолженностей) влекут неверную квалификацию совершенного деяния как преступления, а не административного правонарушения, т.е. незаконное привлечение лица к уголовной ответственности с последующей его реабилитацией.

4) Производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов и привлечение к участию в данных проверочных действиях специалистов.

Хотя по большинству уголовных дел, когда следователю (дознавателю) требуется привлечение лица, обладающего специальными познаниями в сфере экономики, предпочтение отдается производству экспертизы, однако привлечение специалистов в производство следственной проверки является также весьма распространенной практикой.

Во-первых, уже на первоначальном этапе уголовного преследования следователю (дознавателю) требуется консультация специалиста, поскольку преступления, совершенные в сфере экономической деятельности, крайне сложные в расследовании. Поэтому лицу, осуществляющему проверку сообщения о преступлении, могут понадобиться соответствующие разъяснения компетентного лица. Как правило, такие разъяснения носят устный и рекомендательный характер, но также лицо может быть вызвано на допрос в качестве специалиста (уже после решения вопроса о возбуждении уголовного дела), где его показания уже будут иметь доказательственное значение.

Во-вторых, крайне важно участие специалиста в производстве таких следственных и иных процессуальных действий, как, например, осмотр места происшествия. Как мы уже говорили, установление большинства составов рассматриваемых преступлений сопряжено с изучением документов, поэтому специалист способствует обнаружению и правильному изъятию (особенно в случаях, когда документы изымаются с техни-

¹ На это указывает, например, В.Е. Асеев.

ческих устройств) бухгалтерских и иных финансовых документов.

В последующем специалист помогает следователю (дознавателю) и с грамотным отражением изъятых предметов и документов в протоколах следственных действий.

В-третьих, на практике встречаются случаи, когда размер причиненного преступлением ущерба (сумм дохода, задолженностей) устанавливается путем проведения специалистом документальных проверок, аудиторских проверок или ревизий. Зачастую, для решения вопроса о начале уголовного преследования этого является достаточно. Как правило, после возбуждения уголовного дела, следователь (дознаватель) назначают необходимые экспертизы. Это связано с тем, что «судебная практика вполне обоснованно не признает возможным проведение исследований специалистом» [10, С. 56]. На это неоднократно указывается в решениях Конституционного Суда РФ: «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза»¹.

В-четвертых, уголовно-процессуальный закон предоставляет возможность следователю (дознавателю) обратиться к помощи специалиста для постановки грамотных вопросов эксперту. УПК РФ не регламентирует данную процедуру, поэтому, как правило, она носит характер даваемой специалистом консультации.

Список литературы:

1. Канатов Е.С. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 242 с.
2. Шагунова В.М. Реализация уголовно-процессуальных норм в досудебном производстве по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: международные стандарты и российская практика. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 252 с.
3. Капустина Ю.А. Судебная экономическая экспертиза: учебное пособие: Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский государственный лесотехнический университет. Екатеринбург: УГЛТУ, 2021. 151 с.
4. Зайцева А.О., Печерица Е.В. Актуальные проблемы судебно-экономической экспертизы // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблема и пути их решения: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. ФГОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого». 2020. № 3. С. 1390 – 1397.
5. Чугарова Т.В., Саблина Е.А., Дубкова Е.В. Правовые основы, значение и особенности проведения судебно-экономической экспертизы // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-3 (43), 2020. С. 228 -231;
6. Брежнева О.В., Сергеева Д.А. Роль судебно-экономической экспертизы в РФ // Мир науки и мысли. 2023. № 1. С. 112 – 116;
7. Асеев В.Е. Некоторые особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз при расследовании уголовных дел // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 356 – 358.
8. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юристы-Правовед. 2016. № 3 (76). С. 5 – 12.
9. Асеев В.Е. Судебно-экономическая экспертиза: вопросы оценки результатов // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 465-466.
10. Зайцева Е.А. Участие сведущих лиц в суде первой инстанции сквозь призму реализации принципа состязательности сторон // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 53 – 60.

References:

1. Kanatov E.S. Initiation of criminal cases on crimes in the sphere of economic activity. Diss. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2021. 242 p.
2. Shagunova V.M. Implementation of criminal procedural norms in pre-trial proceedings in cases of crimes in the sphere of economic activity: international standards and Russian practice. Diss. ...kand. jurid. nauk. Moscow, 2023. 252 p.
3. Kapustina Yu.A. Judicial economic expertise: textbook: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural State Forestry University. Yekaterinburg: UGLTU, 2021. 151 p.
4. Zaitseva A.O., Pecheritsa E.V. Actual problems of forensic economic expertise // Health is the basis of human potential: the problem and ways to solve them: All-Russian Scientific and practical conference with international participation. Federal State Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University". 2020. No. 3. pp. 1390-1397.
5. Chugarova T.V., Sablina E.A., Dubkova E.V. Legal foundations, significance and features of conducting a forensic economic examination // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-3 (43), 2020. pp. 228-231;
6. Brezhneva O.V., Sergeeva D.A. The role of forensic economic expertise in the Russian Federation // Mir nauki i mysl. 2023. No. 1. pp. 112-116;
7. Aseev V.E. Some features of the appointment and production of forensic economic examinations in the investigation of criminal cases // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 5 (233). pp. 356-358.
8. Aminev F.G. On some problems of integration of scientific, methodological and organizational support of forensic expertise in the Russian Federation // Jurist-Jurist. 2016. No. 3 (76). pp. 5-12.
9. Aseev V.E. Forensic economic expertise: issues of evaluation of results // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 6 (234). pp. 465-466.
10. Zaitseva E.A. Participation of knowledgeable persons in the court of first instance through the prism of the implementation of the principle of adversarial parties // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (68). pp. 53-60.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 2032-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова Павла Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_592

УДК 343.85

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАРУЧНИКОВ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ КОНВОИРОВАНИИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

CERTAIN ASPECTS OF THE USE OF HANDCUFFS BY EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM DURING ESCORT FOR SECURITY PURPOSES

ПОТЕХИН Дмитрий Сергеевич,

преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний.
600020, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е.
E-mail: potehin@yahoo.com;

МЕДЮШКО Елизавета Андреевна,

старший научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела
Университета ФСИН России.
196602, Россия, Ленинградская обл., г. Санкт-Петербург, ул. Саперная, 34е.
E-mail: ea0057@bk.ru;

POTEKHIN Dmitry Sergeevich,

Senior Lecturer of the Department of Regime Organization and Supervision of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.
600020, Russia, Vladimir region, Vladimир, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e.
E-mail: potehin@yahoo.com;

MEDYUSHKO Elizaveta Andreevna,

Senior Researcher at the Organizational, Scientific, Editorial and Publishing Department
University of the Federal Penitentiary Service of Russia.
196602, Russia? Leningrad Region, Saint Petersburg, Sapernaya str, 34e.
E-mail: ea0057@bk.ru

Краткая аннотация: В материалах исследования проводится краткий анализ зарубежного опыта о применении наручников и иных средств ограничения подвижности подразделениями по конвоированию в Европе и странах СНГ. Рассматривается возможность применения передового опыта при конвоировании зарубежных стран. Обозначаются пробелы, которые целесообразно устранить для повышения эффективности обеспечения безопасности осужденных, персонала, а также иных лиц при конвоировании.

Abstract: The study materials provide a brief analysis of foreign experience in the use of handcuffs and other means of restricting movement by escort units in Europe and the CIS countries. The possibility of applying best practices in the escort of foreign countries is considered. The study identifies gaps that should be addressed to improve the security of convicts, personnel, and other individuals during escort.

Ключевые слова: Конвоирование, осужденный, подозреваемый, меры безопасности, обеспечение безопасности, специальные средства УИС.

Keywords: Escort, convict, suspect, security measures, security assurance, special means of the penal system.

Для цитирования: Потехин Д.С., Медюшко Е.А. Отдельные аспекты применения наручников сотрудниками уголовно-исполнительной системы при конвоировании в целях обеспечения безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 592-595. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_592.

For citation: Potekhin D.S., Medyushko E.A. Certain aspects of the use of handcuffs by employees of the penal system during escort for security purposes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 592-595. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_592.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации выполняет особую роль в обеспечении безопасности государства, путем исполнения наказаний, а также изоляции опасных преступников от общества. Анализируя положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года можно отметить, что обеспечение безопасности осужденных, персонала, а также иных лиц является одной из основных задач.

В своей профессиональной деятельности сотрудники уголовно-исполнительной системы выполняют ежедневные задачи, связанные с возможностью нападения со стороны лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. Причин для нападения на сотрудника можно перечислить множество, однако особой опасностью считается совершение действий, направленных на совершение побега из мест изоляции.

Для предотвращения подобных ситуаций сотрудникам необходимы права на применение мер безопасности. Непосредственно право применения данных мер закреплено в статье 11 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»; в статье 43 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а непосредственно порядок применения закреплен в Главе V Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (далее – Закон РФ № 5473-1).

Законом РФ № 5473-1 также регламентирован порядок применения, в котором присутствует исключение из правил при вынесении предупреждения, когда такое предупреждение сделать невозможно, неуместно или промедление в пресечении противоправных действий может повлечь за собой тяжкие последствия, а также непосредственную угрозу жизни и здоровью.

В данном контексте, законодатель не уточняет, что понимается под определениями «неуместный» и «невозможный». Также необходима дополнительная конкретизация формулировки, касающейся поведения осужденного, подозреваемого или обвиняемого. Автор приходит к выводу о принятии сотрудником субъективного решения, относительно своей личной оценки сложившейся ситуации. Можно предположить, что для разных сотрудников, разное поведение осужденных может восприниматься раздражительным и подозрительным. Следовательно, для более конкретной регламентации нормы необходимо пояснение данных определений или случаев их применения.

В качестве гарантии объективности применения мер безопасности, Закон РФ № 5473-1 предусматривает предоставление достаточно-го времени для выполнения законных требований сотрудника, однако не имеет законодательно закреплённого временного интервала.

В целях правомерного применения специальных средств и исключения спорных ситуаций при определении законности применения физической силы, а также обеспечения уверенности сотрудника УИС в законности применяемых им действий, считаем необходимым дополнить ч.1 ст. 28.1 УИК РФ в части указания конкретного промежутка времени, который будет считаться гарантом правомерности принудительного соблюдения законности сотрудником УИС.

С целью объективного исследования вопросов, связанных с применением специальных средств и обеспечением безопасности при конвоировании, необходимо проанализировать не только российское законодательство, но и исследовать данную сферу правоприменения в иностранных государствах. В рамках данного материала анализируется зарубежный опыт в сфере конвоирования осужденных к лишению свободы в США, Республике Казахстан и Великобритании.

Сивова А. А. в своей работе поясняет, что применение средств ограничения подвижности в США по отношению к лицам, подлежащим конвоированию зависит от режима содержания. [1, с. 25] При максимальном надзоре обязательно применяются следующие средства сдерживания: наручники с крышкой C&S; цепи Мартина с висячим замком и ограничители для ног. [2]

При содержании под стражей постоянно применяются наручники с цепями Мартина. Другие сдерживающие средства применяются на усмотрение сотрудников подразделения конвоирования с учетом оценки личности конвоируемого и иных факторов, влияющих на его поведение в период транспортировки.

При ограничении свободы – удерживающие средства, перечисленные выше, применяются по усмотрению конвоирующих сотрудников. При самом слабом режиме содержания - общественной опеке – применение средств ограничения подвижности не требуется.

Таким образом, правовая база США регламентирует деление осужденных в зависимости от режима содержания и применяет к ним различные средства ограничения подвижности.

Рассматривая нормативно-правовую базу Великобритании, касающуюся применения наручников и иных средств сдерживания, можно отметить, что сотрудники подразделения конвоирования руководствуются положениями нормативного документа «Использование удерживающих устройств для сопровождаемых перемещений», которое является руководством по применению наручников и иных средств ограничения подвижности при транспортировке осужденных в суд, между исправительными учреждениями и в медицинские организации. [3]

В Великобритании утверждены три типа удерживающих устройств:

1) Наручники, которые используют в зависимости от обстоятельств и характера содержания под стражей;

2) Цепь сопровождения, которая используется публично, должна быть как можно короче, чтобы сделать её использование незаметным.

3) Пояс для тела, который применяется сотрудниками конвоирования в исключительных обстоятельствах. [1, с. 26]

Принципами применения средств ограничения подвижности должны быть обязательная необходимость такого применения, разумность, соразмерность и соответствие вероятной степени риска. Конвоирами должны учитываться все обстоятельства, которые могут повлечь противоправное поведение конвоируемых лиц, а именно: личность каждого, поведение, степень и вид наказания, маршрут движения и другие. Исходя из них, персонал отдела конвоирования могут применять средства ограничения подвижности по своему усмотрению, при этом соблюдая установленный законом порядок.

Таким образом, нормативные правовые документы Великобритании закрепляют за сотрудниками отдела конвоирования преимущественно самостоятельно принимать решения о применении наручников и иных средств ограничения подвижности.

Исследуя правила конвоирования в нормативной базе Республики Казахстан необходимо рассмотреть Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 2 декабря 2016 года № 1122 «Об утверждении Правил конвоирования подозреваемых, обвиняемых и осужденных». Данный документ регламентирует использование наручников при обычном конвое, а также использование специализированных наручников с цепочкой и комбинированных наручников и браслетов, соединенных цепью, при усиленном и особом конвое, которые дополнительно ограничивают свободу движения рук и длину шага.

В качестве отличительной особенности с нормативной базой России, в данном документе предусмотрено конвоирование в легковом служебном автомобиле. При этом конвоируемый должен быть помещен на заднее сидение между двумя конвоирами. В пути следования на конвоируемого надеваются наручники в положении спереди, либо за руку одного или двух конвоиров. Двери и стекла окон фиксируются в закрытом положении. [4]

Сравнивая национальное законодательство и законодательство зарубежных стран, можно отметить, что Россия придерживается общемировой тенденции использования специальных средств при соблюдении прав человека и уважения его достоинства. Как и в других, рассмотренных выше странах, в Законе РФ № 5473-1 кроме использования наручников предусмотрены иные средства ограничения подвижности, а также

предусмотрена возможность использования подручных средств связывания, при отсутствии специализированных. Одновременно с этим, внедрение возможности одиночного конвоирования в легковых автомобилях, на примере Республики Казахстан, представляется достаточно интересной в плане экономии бюджетных средств и оперативности организации особого конвоирования. При должной правовой регламентации данное положение можно применить и к российской правовой системе.

Исследуя нормативную базу Российской Федерации касательно применения наручников и иных средств ограничения подвижности, обратим внимание на Приказ ФСИН России от 13.06.2023 №382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». (далее - Приказ) Пункт 340 данного Приказа касается информации о наручниках, только перечисляет способы их надевания, а именно: в положении стоя и в положении лежа. [6] Данный нормативный правовой акт, по своей сути, пришел на смену Приказу Минюста России от 12.11.2001 №301 (ред. от 19.05.2008) «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Минюста России», (далее - Наставление) который более подробно регулировал порядок применения наручников. Так, в п. 11.9.3. данного Наставления раскрывается способ надевания наручников в положении фигуранта - «стоя», он кратко и понятно расписан, а также дополнительно снабжен изображениями, наглядно сопровождающими описательную часть. Подобным образом раскрыт способ надевания наручников в п. 11.9.4. Наставления, в положении фигуранта - «лежа». [7] Следует отметить, что данное Наставление раскрывает не только способ применения наручников в положениях «стоя» и «лежа», а также способы связывания противника веревкой и ремнём в обоих случаях.

Проанализировав вышесказанное, необходимо отметить недостаточно четкую регламентацию Приказом интересующих нас положений о применении наручников и иных средств ограничения подвижности. Утратившее силу Наставление имеет более детальную информацию по этому вопросу, которая является необходимой для всесторонней подготовки сотрудников УИС. В связи с этим, рекомендуется дополнить Приказ ФСИН России от 13.06.2023 № 382 положениями из Наставления в части применения наручников и иных средств ограничения подвижности с целью всестороннего изучения данной тематики на занятиях по служебной подготовке практическими работниками учреждений уголовно-исполнительной системы, а также в процессе получения высшего образования курсантами ведомственных образовательных организаций ФСИН России.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть в рамках данной работы – это вариативная возможность применения наручников сотрудниками УИС при конвоировании, в том числе в медицинские учреждения здравоохранения. В условиях исправительных учреждений осужденные обеспечиваются бесплатной медицинской помощью, однако риск, требующий срочного профессионального медицинского вмешательства, тем не менее, существует.

Осужденные, в условиях принудительной изоляции от общества, относятся к социально уязвимой группе населения. Кроме того, некоторые лица страдают социально-значимыми заболеваниями. Как показывает практика, до попадания в исправительное учреждение, большинство осужденных не обследуются в больницах на предмет различных заболеваний на регулярной основе. [8, с. 51]

Следует отметить, что осужденные могут требовать медицинское наблюдение и лекарственное сопровождение и при конвоировании. [9, с. 56] Однако, в целях обеспечения безопасности, правовой статус осужденных сохраняется, что сохраняет требование по выполнению обязанностей конвоируемых лиц, предусмотренных законодательством, в том числе законные требования сотрудников УИС. [10, с. 371]

Согласно текста п.8 ст.30 Закона РФ, сотрудники подразделения конвоирования для легального применения специальных средств должны по поведению осужденного понять, что он намерен совершить противоправные деяния.

Противоположно данному определению - если конвоируемое лицо находится в спокойном состоянии и своим поведением не дает определить свои противоправные намерения, то применение наручников к нему в данном случае будет рассматриваться противозаконным, в условиях отсутствия правовых оснований. Стоит учитывать, что свои противоправные намерения, направленные на совершение побега, нападение, причинение вреда здоровью и имуществу или другие правонарушения и преступления, осужденные воплощают, используя самый неподходящий для сотрудников момент, сопровождающийся спонтанностью и неожиданностью, снижением качества надзора или его отсутствием - халатном отношении сотрудников к выполнению своих служебных обязанностей.

В целях устранения возникновения такой возможности со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых, при пешем конвоировании на обменных пунктах, предписано осуществлять движение только с применением наручников на металлической цепке. [11, с. 242]

В данном контексте представляется логичным расширить возможность применения наручников как превентивную меру. Применяя наручники, сотрудники УИС препятствуют наступлению возможности причинения вреда при конвоировании в связи с реальной угрозой деструктивного поведения подозреваемых и обвиняемых. [12, с. 54] Считаем целесообразным закрепить право за сотрудниками УИС применения наручников в отношении всех конвоируемых лиц в целях обеспечения безопасности как самих сотрудников, осужденных и других лиц, предупреждения побегов, преступлений и других правонарушений.

Стоит отметить, что на практике пренебрежение указанными нормами безопасности неоднократно приводило к чрезвычайным происшествиям, в том числе связанным с побегами заключенных под стражу, лиц из медицинских организаций, причинением членовредительства себе или телесных повреждений посторонним лицам. [13]

В данном случае, правом конвоирования без надевания наручников будут пользоваться только лица социально уязвимой категории, перечисленные в ст. 31.1 Закона РФ, то есть женщины с видимыми признаками беременности, лица с явными признаками инвалидности, а также несовершеннолетние, когда их возраст очевиден или известен сотруднику УИС, исключая случаи оказания ими группового нападения или воору-

женного сопротивления, угрожающего жизни и здоровью, а также участием их в массовых беспорядках.

Подытожив вышесказанное, можно утверждать, что нормативная правовая база России в сфере применения мер безопасности находится на высоком уровне и достаточно детально регламентирована. Вместе с этим, в целях совершенствования нормативной базы и защиты прав граждан необходимо вносить определенные коррективы, появляющиеся в процессе правоприменения. Дополнить Приказ ФСИН России №382 недостающими описательными положениями из утратившего силу Наставления; более подробно разъяснить порядок соблюдения мер безопасности при конвоировании осужденных в медицинские учреждения, а также рассмотреть возможность наделения сотрудников УИС правом применения наручников при осуществлении конвоирования ко всем лицам, не смотря на состояние их здоровья и правомерное поведение, в целях обеспечения безопасности.

Список литературы:

1. Сивова, А.А. Применение наручников по отношению к лицам, подлежащим конвоированию: зарубежный опыт / А. А. Сивова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. №7 (230). С. 22-31.
2. «Escorted Trips» U.S. Department of Justice Federal Bureau of Prisons 06.10.2008 №553805 // Prison Legal News USA magazine [электронный ресурс]. URL: <https://www.prisonlegalnews.org/news/publications/bop-policy-escorted-trips-p5538-05/#id-2008-text> (дата обращения: 10.11.2025)
3. Use of restraint(s) for escorted moves: all staff // сайт правительства Великобритании // Use of restraints for escorted moves [электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/use-of-restraints-for-escorted-moves> (дата обращения: 10.11.2025)
4. Об утверждении Правил конвоирования подозреваемых, обвиняемых и осужденных: Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 02.12.2016 г. №1122. / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600014619> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Приказ ФСИН России от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 13.07.2023 (дата обращения: 10.11.2025)
6. Приказ Минюста России от 12.11.2001 № 301 «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Минюста России» (ред. от 19.05.2008) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.11.2025)
7. Пестова О. Ю. Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации в сфере оказания медицинской помощи осужденным / О. Ю. Пестова // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2021. – № 24. – С. 51-56.
8. Исаев Ф. М. Условия конвоирования осужденных и лиц, заключенных под стражу, специальными подразделениями УИС по конвоированию / Ф. М. Исаев // Проблемы и перспективы развития специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, Пермь, 01 февраля 2024 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 55-57.
9. Зиньков, Е. Н. Особенности обеспечения законности при конвоировании осужденных / Е. Н. Зиньков, К. И. Голубцова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8(236). – С. 369-371.
10. Ворошчук В. Б. Некоторые вопросы применения наручников и иных средств ограничения подвижности при осуществлении конвоирования в УИС / В. Б. Ворошчук // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 18–19 октября 2023 года. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 241-243.
11. Хомяков О.В. К вопросу о применении наручников Сотрудниками уголовно-исполнительной системы / О.В. Хомяков, Л.Н. Тарабуев // Вопросы современной науки и практики. - 2020. - № 2 (3). – С. 51-55.
12. ФСИН России разъяснила порядок применения наручников при конвоировании в медицинские учреждения / Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.president-socket.ru/presscenter/press/fsin_razyasnila_poryadok_primeneniya_naruchnikov/?special_version=Y (дата обращения 10.11.2025)

References:

1. Sivova A.A. The use of handcuffs in relation to persons subject to escort: foreign experience / A. A. Sivova // Bulletin of the penal enforcement system. 2021. No. 7 (230). pp. 22-31.
2. "Escorted Trips" U.S. Department of Justice Federal Bureau of Prisons 06.10.2008 No.553805 // Prison Legal News USA magazine [electronic resource]. URL: <https://www.prisonlegalnews.org/news/publications/bop-policy-escorted-trips-p5538-05/#id-2008-text> (date of request: 08/11/2025)
3. Use of restrictions(s) for escorted moves: all staff // UK government website // Use of restrictions for escorted moves [electronic resource]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/use-of-restraints-for-escorted-moves> (date of request: 08/11/2025)
4. On approval of the Rules for escorting suspects, accused and convicted persons: Order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan dated 02.12.2016 No. 1122. / Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan [electronic resource]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600014619> (date of access: 08/11/2025).
5. Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 06/13/2023 No. 382 "On approval of the Procedure for organizing personnel training to fill positions in the Penal Enforcement system of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 07/13/2023 (date of application: 08/11/2025)
6. Order of the Ministry of Justice of Russia dated 11/12/2001 N 301 "On approval of the Manual on Physical Training employees of the penal enforcement system of the Ministry of Justice of Russia" (as amended on 05/19/2008) // SPS ConsultantPlus (date of application: 08/11/2025)
7. Pestova O. Y. Penal enforcement policy of the Russian Federation in the field of medical care for convicts / O. Y. Pestova // Bulletin of the Public Scientific Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects". - 2021. – No. 24. – pp. 51-56.
8. Isaev F. M. Conditions of escorting convicts and persons in custody by special units of the penitentiary system for escorting / F. M. Isaev // Problems and prospects of development of special units of the penal system for escorting : A collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the Day of special units of the penal system for escorting Perm, February 01, 2024. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024, pp. 55-57.
9. Zinkov, E. N. Features of ensuring legality during the escort of convicts / E. N. Zinkov, K. I. Golubtsova // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 8(236). – Pp. 369-371.
10. Voroshchuk V. B. Some issues of the use of handcuffs and other means of restricting mobility during escorting to the penitentiary / V. B. Voroshchuk // The penal enforcement system today: interaction of science and practice : Proceedings of the XXIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Novokuznetsk, October 18-19, 2023. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2023, pp. 241-243.
11. Khomyakov O.V. On the issue of the use of handcuffs by employees of the penal enforcement system / O.V. Khomyakov, L.N. Tarabuyev // Issues of modern science and practice. - 2020. - № 2 (3). – Pp. 51-55.
12. The Federal Penitentiary Service of Russia explained the procedure for the use of handcuffs when escorting to medical institutions / Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights. [electronic resource]. - URL: https://www.president-socket.ru/presscenter/press/fsin_razyasnila_poryadok_primeneniya_naruchnikov/?special_version=Y (accessed 08/11/2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_596

УДК 343.5

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОИЗВОДСТВО, ХРАНЕНИЕ,
ПЕРЕВОЗКУ ЛИБО СБЫТ ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ, ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ
ИЛИ ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ
(СТ. 238 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ)
DIFFERENTIATION OF LIABILITY FOR THE PRODUCTION, STORAGE, TRANSPOR-
TATION, OR SALE OF GOODS AND PRODUCTS, PERFORMANCE OF WORK,
OR PROVISION OF SERVICES THAT DO NOT MEET SAFETY REQUIREMENTS
(ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

ГОРОЖАНКИН Александр Юрьевич,

Прокурор отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов

Следственного комитета РФ прокуратуры Алтайского края.

Российская Федерация, г. Барнаул, ул. Партизанская, 97.

E-mail: fest171@mail.ru;

GOROZHANKIN Alexander Yuryevich,

Prosecutor, Department for Supervision of Procedural Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation,

Altai Krai Prosecutor's Office.

97 Partizanskaya Street, Barnaul, Russian Federation.

E-mail: fest171@mail.ru

Краткая аннотация. В статье автор формулирует базовые универсальные признаки дифференциации уголовной ответственности как юридической конструкции. На основе проведенного доктринального исследования общих подходов к ее определению, исследует основания и дифференциации ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. По результатам исследования сформулированы выводы, которые могут быть положены в основу изменения уголовного закона.

Abstract. In this article, the author formulates the basic universal characteristics of the differentiation of criminal liability as a legal construct. Based on a doctrinal study of general approaches to its definition, she examines the grounds and differentiation of liability for the production, storage, transportation, or sale of goods and products, the performance of work, or the provision of services that do not meet safety requirements. Based on the study's results, conclusions are drawn that could form the basis for changes to criminal law.

Ключевые слова: безопасность потребителей, дифференциация ответственности, уголовная ответственность, товары, не отвечающие требованиям безопасности.

Key words: consumer safety, differentiation of responsibility, criminal liability, goods that do not meet safety requirements.

Для цитирования: Горожанкин А.Ю. Дифференциация ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 Уголовного Кодекса РФ) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 596-599. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_596.

For citation: Gorozhankin A.Yu. Differentiation of liability for the production, storage, transportation, or sale of goods and products, performance of work, or provision of services that do not meet safety requirements (article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 596-599. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_596.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025

Дифференциация уголовной ответственности – одно из сложных и дискуссионных понятий в науке уголовного права. В этой связи в целях избежания схоластической дискуссии, на первом этапе исследования определим содержание базовой для настоящей работы категории – дифференциация ответственности.

В уголовно-правовой доктрине под дифференциацией уголовной ответственности предложено понимать:

- разделение мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления, не представляющие большой общественной опасности [1],
- градация, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного [2],
- установление в уголовном законе форм, объема и меры ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность [3],
- предусмотренное в федеральных законах деление обязанности лица, совершившего преступление, подвергнуться наказанию и судимости, основанное на учете характера и степени общественной опасности преступления и степени общественной опасности личности преступника [4].

Таким образом, даже краткий обзор научной дискуссии позволяет сделать вывод о существенных различиях как в понимании, так и в объеме и основаниях дифференциации уголовной ответственности. Однако, несмотря на полемичность рассматриваемой категории в научных суждениях можно выделить общие признаки, которые характеризуют дифференциацию ответственности как специфическую юридическую конструкцию [5]:

- дифференциация уголовной ответственности представляет собой ее разделение, то есть деление общей ответственности на отдельные структурные элементы, не отменяющее ее единую сущность (целостность),

- основанием дифференциации является общественная опасность противоправного поведения как объективная категория. Обратим внимание, что мы не умаляем значимость теоретической разработки значения личности виновного для деления юридической ответственности [6]. Однако в целях обеспечения «юридической чистоты» научного исследования, полагаем необходимым проводить четкую грань между дифференциацией и индивидуализацией ответственности. В первом случае речь идет об объективных признаках содеянного, что они носят условно типовой характер. Особенности личности виновного учитываются при формировании иной уголовно-правовой категории – индивидуализация уголовной ответственности,

- результатом дифференциации ответственности является ее закрепление в различных отраслях права (межотраслевая дифференциация ответственности), а также формирование квалифицирующих и привилегирующих признаков (а равно составов преступления), установление возможности освобождения от уголовной ответственности, а также система наказаний за совершение противоправного поведения.

На основании выделенных универсальных признаков дифференциации ответственности, рассмотрим ее практическое применение при совершении производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ).

Состав преступления, предусмотренный ст. 238 УК РФ, относится к составам формальным. В действующей редакции диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ не предусмотрено наступление каких-либо неблагоприятных последствий для потребителя, достаточно лишь самого факта реализации продукции, оказания услуг или выполнения работ, не отвечающих требованиям безопасности. Критерии межотраслевой дифференциации в данном случае находятся в области фактических обстоятельств, данных, а именно оценки безопасности или не безопасности продукции, товаров, работ, услуг для потребителя. В отдельных случаях такое отграничение не вызывает сложностей. Например, при реализации пищевой продукции, зараженной опасными бактериями, или при погружении человека в воду в процессе оказания услуги [7]. Однако в целом ряде случаев определить опасность или безопасность оказываемой услуги (работы и т.д.) может представлять существенные затруднения. Одним из классических примеров в последние несколько лет становятся уголовные дела, возбуждаемые по ст. 238 УК РФ в связи с оказанием услуги по проведению пользующихся стабильной популярностью квестов, не отвечающих требованиям безопасности. Фактически в схожих обстоятельствах суды принимают различные решения. В одних случаях организатор квестов привлекается к уголовной ответственности, с указанием, что любые травмы, полученные в процессе игры, а также при нахождении лица на игровой площадке, безусловно свидетельствуют о том, что оказываемая услуга не отвечала требованиям безопасности [8]. В других случаях выносятся оправдательные приговоры, в частности, в связи с тем, что травма получена не в связи с использованием игрового оборудования, то есть не связана с процессом оказания услуги [9].

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, что опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека при квалификации деяний по рассматриваемой норме должна являться реальной (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации»), так как реальность опасности во всяком случае является категорией оценочной и требует подтверждения в рамках конкретного уголовного дела, на что сам Верховный Суд РФ и указывает при формировании рекомендаций об обязательном проведении экспертиз по таким делам.

Как представляется, выходом из данной ситуации должно явиться изменение диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ, а именно включение в качестве криминообразующего признака реальное причинение вреда здоровью. Объем такого вреда следует ограничить легким вредом и вредом средней тяжести, что соответствует общей концепции уголовного закона.

Причинение тяжкого вреда здоровью или смерти должно образовывать квалифицированный и особо квалифицированный составы рассматриваемого преступления.

В действующей редакции ст. 238 УК РФ установлены как квалифицирующие, так и особое квалифицирующие признаки. В ч. 2 ст. 238 УК РФ закреплена повышенная ответственность за совершение преступления групповым способом – группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, в зависимости от физических особенностей потерпевшего – в отношении товаров, работ, услуг, предназначенных для детей в возрасте до 6-ти лет, а также в зависимости от характера последствий – причинение тяжкого вреда здоровью или причинение смерти. В ч. 3 ст. 238 УК РФ предусмотрены особо квалифицирующие признаки, ограниченные только последствиями - смерть двух и более лиц. Как представляется подобная модель дифференциации ответственности за преступление, посягающее на безопасность потребителей, нуждается в корректировке в целях обеспечения соответствия ее правовым принципам равенства и справедливости.

В части закрепления группового способа совершения преступления видится обоснованная дальнейшая дифференциация ответственности с сохранением в ч. 2 ст. 238 УК РФ квалифицирующего признака – совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Ответственность за совершение аналогичного деяния организованной группой необходимо предусмотреть в ч. 3, признав данный групповой способ совершения преступления более опасным, нежели обычное групповое преступление. В науке уголовного права не вызывает сомнения тезис о различной общественной опасности при различных формах соучастия: совершение преступления организованной группой существенно ее повышает [10]. Следовательно фиксация в одном квалифицирующем признаке двух форм группового преступления, как представляется, нарушает вышеуказанные фундаментальные принципы уголовного права.

Специфические характеристики потерпевшего действительно увеличивают степень общественной опасности. Как представляется, законодатель абсолютно верно предусмотрел повышенную ответственность при реализации товаров, выполнении работ, оказании услуг для лиц,

не достигших 6-ти летнего возраста. Однако, данная категория граждан не единственная уязвимая социальная группа. По нашему мнению, необходимо дополнение квалифицирующего признака указанием на реализацию продукции, оказание услуг, выполнение работ в отношении беременных женщин. Указанное обусловлено,

- во-первых, общим подходом законодателя к посягательствам в отношении беременных женщин (см. п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ),
- во-вторых, физиологическими и психологическими особенностями организма беременной женщины, необходимости повышенной заботы и защиты ее организма на период беременности,
- в-третьих, имеет под собой социальные основания: в последние годы Российское государство активно реализует программы поддержки материнства и детства, улучшение демографического положения, а также общего качества жизни населения. В этой связи повышение ответственности за небезопасные товары, работы, услуги в отношении беременной женщины представляется обоснованным.

В целях дальнейшей дифференциации ответственности на основе уголовно-правовых принципов также целесообразным представляется «разделение» п. 2 ч. 2 ст. 238 УК РФ на два самостоятельных признака: причинение тяжкого вреда здоровью (квалифицирующий признак, сохранение в ч. 2 ст. 238 УК РФ) и причинение смерти (особо квалифицирующий признак). В действующей редакции УК РФ ответственность за деяния, повлекшие аналогичные последствия – причинение смерти и причинение тяжкого вреда здоровью – по неосторожности предусмотрена в различных статьях гл. 16 УК РФ – ст. 109 (причинение смерти по неосторожности) и ст. 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности). Размеры и виды наказаний различаются для данных составов. Состав ст. 238 УК РФ может выступать специальным составом по отношению к ст. 109 и ст. 118 УК РФ. Объединение в одном квалифицирующем признаке ст. 238 УК РФ фактически аналогичных деяний вряд ли можно признать обоснованным. В этой связи, полагаем, необходимым дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от последствий для здоровья потерпевшего.

Еще одним инструментом дифференциации ответственности следует признать ее «специализацию», то есть введение в уголовный закон состав преступлений, в которых предусматривается ответственность за частные (специальные) случаи совершения схожих противоправных деяний. Основанием для подобной дифференциации могут являться особые характеристики субъекта, специальные последствия и т.д. Применительно к рассматриваемой норме подобная дифференциация частично имела место при исключении ответственности медицинских работников по ст. 238 УК РФ.

Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ ст. 238 УК РФ дополнена примечанием, в соответствии с которым ее действие не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи. Подобные изменения носят в большей степени социальный, нежели правовой характер, что отчетливо прослеживается из пояснительной записки к законопроекту. Вполне обосновано и в научной литературе отмечалось, что квалификация действий врачей по формальной ст. 238 УК РФ нивелирует социальную и государственную значимость выполняемой медиками работы, а сводит их деятельность к обычной услуге, не отличающейся от любой другой бытовой услуги [11].

Однако в целом назревшее изменение уголовного закона в части отказа от применения к врачам общей нормы об ответственности за небезопасные услуги, фактически реализовано бессистемно, на что справедливо обращено внимание в юридической литературе [12]. Как представляется, введение рассматриваемого примечания и исключение возможности применения к медицинским работникам ст. 238 УК РФ, является теоретически и практически обоснованным в связи, как минимум, с двумя равными по значимости обстоятельствами. Во-первых, как указано выше, оказание медицинской помощи невозможно отождествлять с иными услугами. Квалифицированная медицинская помощь представляет собой особый вид профессиональной деятельности, в том числе, помощь, оказываемая на платной основе. Во-вторых, любое медицинское вмешательство является «зоной повышенной ответственности» и для пациента. В каждом случае даже базовой медицинской помощи для пациента присутствуют риски осложнения, как следствия причинения реального вреда жизни и здоровью. Пациента невозможно приравнивать к обычному потребителю, так как причиной его обращения за медицинской помощью является не просто намерение удовлетворить материальные и нематериальные потребности, но желание и необходимость восстановить свое здоровье или спасти жизнь. Изложенное предопределяет повышенные стандарты ответственности для лиц, оказывающих медицинскую помощь. В этой связи рациональным и обоснованным, в том числе, с точки зрения реализации фундаментальных правовых принципов справедливости, равенства, гуманизма, в уголовном законе необходимо предусмотреть самостоятельные нормы об ответственности медицинских работников, в случае причинения вреда (создания угрозы причинения вреда) при оказании медицинской помощи. Подобные изменения уголовного законодательства требуют серьезнейшей проработки на доктринальном уровне на основе как уголовно-правовой доктрины, так и сформированной судебной практики.

Таким образом, примечание к ст. 238 УК РФ в настоящее время следует рассматривать как частичную дифференциацию ответственности, проведенную методом исключения, что является в целом допустимым с точки зрения законодательной техники. Однако в конкретном случае такая дифференциация нуждается в дальнейшем законодательном развитии.

На основании вышеизложенного, сформулируем общие выводы по работе в части возможности и необходимости дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности:

- во-первых, ч. 1 ст. 238 УК РФ необходимо дополнить криминообразующим признаком – повлекшие причинение легкого вреда здоровью или вреда здоровью средней тяжести,
- во-вторых, из п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ исключить указание на совершение преступления организованной группой, дополнив аналогичным квалифицирующим признаком ч. 3 ст. 238 УК РФ признав данный групповой способ совершения преступления особо квалифицирующим,

- в-третьих, дополнить п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ указанием на реализацию товаров, выполнение работ, оказание услуг в отношении беременной женщины (предназначенных для беременной женщины),

- в-четвертых, исключить из п «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ указание на причинение смерти, включив данный квалифицирующий признак в ч. 3,

- в-пятых, дополнить ст. 238 УК РФ ч. 4, предусматривающей ответственность за причинение смерти двум и более лицам.

Список литературы:

1. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореферат дис. ... д-ра юридических наук. М., 2015. С. 23.
2. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 52.
3. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализации наказания. Красноярск, 1989. С. 35.
4. Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты). Ярославль, 1995. С. 10.
5. Коренная А.А. Признаки и функции юридической конструкции при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности // Юрислингвистика. 2023. № 30. С. 35.
6. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 60.
7. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2024 по делу № 77-2367/2024. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 по делу № 77-834/2025. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2025 по делу № 77-2969/2025.
10. Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2. С. 216.
11. Прозументов Л.М., Архипов А.В. Проблемы применения ст. 238 УК РФ // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 19.
12. Крылова Н.Е., Степанов П.П. Медицинская помощь больше не услуга? (законодательные и правоприменительные проблемы, связанные с введением примечания к ст. 238 УК РФ) // Уголовное право. 2025. № 8. С. 33.

References:

1. Rogova E.V. The Doctrine of Differentiation of Criminal Liability: Abstract of the Dissertation ... Doctor of Law. Moscow, 2015. Page 23.
2. Lesniewski-Kostareva T.A. Differentiation of Criminal Liability. Theory and Legislative Practice. Moscow, 1998. Page 52.
3. Melnikova Yu.B. Differentiation of Liability and Individualization of Punishment. Krasnoyarsk, 1989. Page 35.
4. Korobov P.V. The Concept of Differentiation of Criminal Liability // Differentiation of Form and Content in Criminal Proceedings (Substantive and Procedural Aspects). Yaroslavl, 1995. Page 10.
5. Korennaya A.A. Features and Functions of a Legal Structure in the Formation of a Theoretical Model of Criminal-Legal Protection of Economic Activity // Jurislinguistics. 2023. No. 30. P. 35.
6. Ivanchin A.V. Conceptual Foundations of Constructing the Elements of a Crime: Dis. ... Doctor of Law. Ekaterinburg, 2015. P. 60.
7. Cassation Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated August 27, 2024, in Case No. 77-2367/2024. Accessed from the SPS "ConsultantPlus".
8. Cassation Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated April 3, 2025, in Case No. 77-834/2025. Accessed from the SPS "ConsultantPlus".
9. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated September 30, 2025, in case No. 77-2969/2025.
10. Razgildiev, B.T. "The Social Danger of Crimes and Other Offenses" // Criminologist's Library. Scientific journal. 2013. No. 2. P. 216.
11. Prozumentov, L.M., Arkhipov, A.V. "Problems of Applying Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Russian Justice. 2018. No. 4. P. 19.
12. Krylova, N.E., Stepanov, P.P. "Is Medical Care No Longer a Service?" (Legislative and Law Enforcement Issues Related to the Introduction of the Note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal Law. 2025. No. 8. P. 33.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_600

УДК 343.01

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСИЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ CERTAIN ASPECTS OF INCREASING CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION-RELATED CRIMES

ЖЕЛОКОВ Николай Вячеславович,кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

410015, Россия, г. Саратов, ул. Орджоникидзе 13/4.

E-mail: Zhelokov2007@mail.ru;

ZHELOKOV Nikolai Vyacheslavovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Saratov State Law Academy,

Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law.

410015, Saratov, Ordzhonikidze Street 13/4.

E-mail: Zhelokov2007@mail.ru

Краткая аннотация. Основное содержание статьи посвящено эффективности усиления уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, вопросам влияния ужесточения санкций отдельных норм УК РФ на систему противодействия коррупции. Констатируется, что предпринимаемые на законодательном уровне меры, направленные на противодействие преступлениям коррупционной направленности ожидаемых результатов не приносят. По мнению автора, усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности вплоть до пожизненного лишения свободы, обеспечивает принцип справедливости и достижение цели наказания – восстановление социальной справедливости.

Abstract. The main content of the article is devoted to the effectiveness of strengthening criminal liability for corruption-related crimes, and the impact of tightening the sanctions of certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on the system of anti-corruption measures. It is stated that the measures taken at the legislative level to combat corruption-related crimes are not yielding the expected results. According to the author, strengthening criminal liability for corruption-related crimes, up to life imprisonment, ensures the principle of justice and achieves the goal of punishment, which is to restore social justice.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, коррупция, уголовная ответственность, наказание, пожизненное лишение свободы, принцип справедливости.

Keywords: corruption-related crimes, corruption, criminal liability, punishment, life imprisonment, and the principle of justice.

Для цитирования: Желок Н.В. Отдельные аспекты усиления уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 600-602. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_600.

For citation: Zhelokov N.V. Certain aspects of increasing criminal liability for corruption-related crimes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 600-602. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_600.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2025

Преступления коррупционной направленности относятся к категории деяний повышенной общественной опасности в силу того, что посягают на основы государственного устройства, власти, нарушают нормальную деятельность учреждений и органов управления, подрывают их авторитет, затрудняют основы экономического развития общества.

При рассмотрении и теоретическом анализе проблемы совершенствования действующего уголовно-правового института борьбы с коррупционными преступлениями представляется уместным вкратце обратиться к ее историческим истокам.

С момента основания Древней Руси коррупция стала неотъемлемой составляющей системы государственного устройства, возникнув еще в эпоху становления Московского княжества [1]. По сути дела, уже тогда сформировались все необходимые условия для ее массового распространения. На данном этапе строительства российского государства, коррупция представляла собой масштабный правовой, социальный и политический феномен, отличающийся непредсказуемостью своего характера.

Первым документом, предусматривающим уголовную ответственность за коррупционные преступления (вплоть до смертной казни), был Судебник 1550 года. Этот сборник законов, подобно Судной грамоте 1561 года, вводил уголовную ответственность за факты коррупции, включая срочное и пожизненное лишение свободы.

Артикул Воинский 1715 года перечислял ряд должностных преступлений, особо подчеркивая тяжесть наказания за злоупотребления служебным положением в целях личной выгоды (п.194). Согласно данному пункту, виновный в присвоении государственных средств подлежат смертной казни через повешение.

Указ от 24 декабря 1714 года гласил, что «... взяточники подлежат строгому телесному наказанию, конфискации имущества, публичному поруганию чести и даже смертной казни» [2]. Здесь мы видим систематический подход в борьбе с коррупцией, предпринятый Петром I.

Правление императрицы Екатерины II отличался не менее жесткими мерами против коррупционеров, применяя виселицу и четвертование [3]. В начале советского периода, была четкая установка: получение взяток – форма контрреволюционных действий. Принятый в 1922 первый Уголовный кодекс предусматривал за данное правонарушение высшую меру наказания – расстрел. Стоит отметить, что традиционные законы Древней Руси вплоть до Советского периода, предусматривали суровые наказания за коррупционные деяния, что свидетельствует о неприятии подобной практики обществом и государством.

Таким образом, самый беглый исторический анализ ответственности за коррупционные преступления показывает, что современное положение дел в области коррупции в России во многом определяется историческими предпосылками ее возникновения и законодательной реконструкции.

Коррупционные проявления глубоко укоренены в прошлом и изначально тесно связаны с деятельностью бюрократического аппарата и действиями государственных служащих, выступающих посредниками между людскими нуждами и недостатком легальных способов их удовлетворения. Вместе с тем, важным фактором выступает и значительное различие доходов госслужащих, особенно в масштабах огромной многонациональной империи, что неизбежно способствовало развитию коррупционных практик.

Для более глубокого и предметного понимания правовой сути рассматриваемого вопроса, представляется необходимым обратиться и к опыту отдельных зарубежных государств, где коррупционные правонарушения рассматриваются как правовые деликты с предельно высоким уровнем общественной опасности, за совершение которых предусматривается особо строгое наказание. Такой опыт в области регулирования ответственности за коррупционные преступления ценен ввиду своей полезности и применимости в процессе законотворчества в России, его совершенствования, а также важен в части укрепления международного взаимодействия в противодействии преступлениям коррупционной направленности.

Так, максимально строгий вид наказания за коррупционные преступления в виде смертной казни, предусматривается уголовными законодательствами таких государств как Китай, Индонезия, Лаос, Мьянма, Марокко, КНДР, Таиланд, Вьетнам [4].

В отдельных государствах, помимо наказания в виде смертной казни, применяется и пожизненное лишение свободы. Глава 8 УК КНР, например, посвящена преступлениям, связанным с коррупцией и взяточничеством, где ст.383 предусматривает наказание лиц, виновных в коррупции, в зависимости от степени тяжести деяния: лишение свободы сроком более десяти лет либо пожизненно, возможно также конфискация имущества. Причем, если сумма взятки превышает 100 тыс. юаней (по курсу на состояние 26.10.2025г. – 1131000руб.), предусмотрено наказание вплоть до смертной казни вместе с конфискацией имущества. Согласно ст. 386 УК КНР, лица, уличенные во взяточничестве, будут привлечены к ответственности согласно положениям ст.383 УК КНР. Максимальное наказание предусмотрено для тех, кто именно вымогал взятку. Статья 390 УК КНР устанавливает ответственность за дачу взятки при наличии особо отягчающих обстоятельств: лишение свободы на срок более десяти лет или пожизненное лишение свободы с возможной конфискацией имущества [5].

Действующее уголовное законодательство России предусматривает достаточно суровые наказания за преступления коррупционной направленности. Федеральным законом № 273-ФЗ (в редакции от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» законодатель определяет её суть как: злоупотребление служебным положением; дача взятки получение взятки; злоупотребление полномочиями; коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Повышенную степень общественной опасности коррупционных преступлений отметил и Президент РФ. Указом от 02.07.2021г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» он отметил, что в качестве основной внутренней угрозы, коррупция представляет собой серьезный вызов современному российскому обществу. Она нарушает нормальное функционирование государственных институтов, включая органы власти, правоохранительную структуры, систему здравоохранения и образования.

Анализ правоприменительной практики в вопросах борьбы с преступлениями коррупционной направленности свидетельствует о том, что за последние годы, в России было возбуждено и расследовано множество уголовных дел о преступлениях этой категории. По данным Генпрокуратуры, с 2020 года с лиц, совершивших преступления коррупционной направленности в России были взысканы средства и имущество на общую сумму более 800 миллиардов рублей. За восемь месяцев 2025г. были возбуждены уголовные дела против 100 высокопоставленных чиновников [6]. Как показывает практика правового применения, последняя волна увольнения высокопоставленных чиновников Минобороны, обвиненных в невообразимых масштабах коррупционных проявлениях, вызывает сомнения относительно справедливости и соразмерности наказания. В этой связи особенно актуализируется вопрос его ужесточения за подобные преступления, тем более что они совершаются на фоне проведения специальной военной операции.

Конституционный Суд РФ, ссылаясь на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, утверждает, что «федеральному законодателю надлежит руководствоваться принципами необходимости, пропорциональности, соразмерности, справедливости и правовой безопасности как при введении уголовной ответственности за конкретные деяния, так и в вопросах «пенализации» [7]. Согласно решению суда, установление конкретных санкций, ограничивающих права, предусмотренные Конституцией, должно соответствовать критериям справедливости, адекватности поставленным целям защиты законных интересов и характера самого преступления [8].

Вопрос об усилении ответственности за коррупционные преступления, обсуждался и на очередной прямой линии с Президентом РФ. Отвечая на вопрос о преступных доходах у коррумпированных чиновников и правоохранителей, В.В. Путин отметил: «Иногда лучше вслух (эти слова) не произносить. Это не смешно. Когда узнаешь о миллиардах – нет печатных слов. Это не должно нас останавливать в борьбе с этим явлением. Эта тема есть практически во всех странах. В тех же Соединенных Штатах бизнесу и коррупционерам дают по 70, 100, 150 лет тюрьмы. Бессмысленно, но достаточно жестко, и эта работа идет публично», – отметил глава государства. «У нас будем делать то же самое», – пообещал В.В. Путин [9].

Наряду с Президентом, усилить ответственность за преступления коррупционной направленности предлагает и законодатель. Так, де-

путаты предлагают дополнить Уголовный кодекс ст. 285.4 УК РФ «Хищение бюджетных средств», согласно которой предусмотрено следующее наказание: при доказанном судом хищении до 10 млн. руб. виновному грозит лишение свободы сроком от 5 до 10 лет колонии общего режима. Если сумма похищенных средств превышает 10 млн. руб., то наказанием станет лишение свободы сроком от 7 до 12 лет. В тех случаях, когда сумма хищения превышает 50 млн. руб., предлагается ввести наказание от 10 лет до пожизненного лишения свободы [10]. Однако до сих пор это не получило материального воплощения в отечественном уголовном законодательстве. Ссылаясь на мнение советника генерального прокурора РФ с 14 июня 2022 года, а также экс-депутата Госдумы РФ Н.В. Поклонской, предлагается существенно ужесточить меры ответственности за совершение коррупционных деяний вплоть до пожизненного лишения свободы [11].

Таким образом, отмечается, что проблема коррупции в современной России с каждым годом приобретает угрожающий для ее процветания и развития характер. Некоторая нерешительность принимаемых в борьбе с ней мер на законодательном уровне не приводит к желаемым результатам. Представляется, что повысив планку ответственности за коррупционные преступления до максимально высокого уровня, государство, тем самым, предметно укажет всему обществу на нетерпимость к их проявлениям. Усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности вплоть до пожизненного лишения свободы, позволит создать действенный механизм предотвращения преступлений коррупционной направленности, выработать положительную тенденцию в судебной практике по борьбе с подобными деяниями, а также полностью обеспечить принцип справедливости и достичь цели наказания – восстановление социальной справедливости.

Список литературы:

1. Мельников В.П., Мельникова Л.В. Коррупция в досоветской России и меры по ее ограничению / Страницы экономической истории России. Новосибирск. 2011. №10. С.172.
2. Именной Указ от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» // URL: <https://base.garant.ru/57565476> (Дата обращения: 14.09.2025).
3. Коррупция в досоветской России и меры по ее ограничению // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-dosovetskoy-rossii-i-mery-po-ee-ogranicheniyu/viewer> (Дата обращения: 15.07.2025).
4. Добрался до вышки. Где коррупционеров ждет смертная казнь? // URL: <https://aif.ru/society/law/dobralysya-do-vyshki-gde-korrupcionerov-zhdet-smertnaya-kazn> (Дата обращения: 14.07.2025).
5. Уголовный кодекс КНР от 1 октября 1997 года. Глава 8. ст. 383 // URL: <https://ukknr.ucoz.ru/index/0-11> (Дата обращения: 09.08.2025).
6. Куда им столько?! // URL: <https://rg.ru/2025/10/09/kuda-im-stolko.html> (Дата обращения: 15.10.2025); Рекордный год по взяткам: самые громкие уголовные дела в Минобороны // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/12/27/20294354.shtml> (Дата обращения: 15.10.2025).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017г. №2-П // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf> (Дата обращения: 16.08.2025).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.1998г. №14-П // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision41936.pdf> (Дата обращения: 16.08.2025).
9. Прямая линия с Владимиром Путиным // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60795> (Дата обращения: 11.09.2025).
10. Пожизненный срок не победит коррупцию, считают юристы // URL: <https://ria.ru/20141112/1032974902.html> (Дата обращения: 16.08.2025).
11. Чиновникам-коррупционерам надо выносить пожизненный срок // URL: https://tsargrad.tv/news/poklonskaja-nuzhno-povyisit-nakazanie-dlja-chinovnikov-za-korrupciju-do-pozhiznennogo-lishenija-svobody_51647 (Дата обращения: 16.08.2025).

References:

1. Melnikov, V.P., and Melnikova, L.V. Corruption in Pre-Soviet Russia and Measures to Limit It. Pages of the Economic History of Russia. Novosibirsk, 2011. No. 10. P. 172.
2. Personal Decree dated December 24, 1714, «On the Prohibition of Bribery and Bribes and the Punishment for It.» // URL: <https://base.garant.ru/57565476> (Accessed: 14.09.2025).
3. Corruption in Pre-Soviet Russia and Measures to Limit It // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-dosovetskoy-rossii-i-mery-po-ee-ogranicheniyu/viewer> (Accessed: 15.07.2025).
4. I reached the tower. Where will corrupt officials be executed? // URL: <https://aif.ru/society/law/dobralysya-do-vyshki-gde-korrupcionerov-zhdet-smertnaya-kazn> (Accessed: 14.07.2025).
5. Criminal Code of the People's Republic of China dated October 1, 1997. Chapter 8, Article 383 // URL: <https://ukknr.ucoz.ru/index/0-11> (Accessed: 09.08.2025).
6. Where do they need so much of it?! // URL: <https://rg.ru/2025/10/09/kuda-im-stolko.html> (Accessed: 15.10.2025); Record-Breaking Year for Bribery: The Most High-Profile Criminal Cases in the Ministry of Defense // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2024/12/27/20294354.shtml> (Accessed: 15.10.2025).
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 10, 2017, No. 2-P // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision261462.pdf> (Accessed: 16.08.2025).
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 12, 1998, No. 14-P // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision41936.pdf> (Accessed: 16.08.2025).
9. Direct Line with Vladimir Putin // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/60795> (Accessed: 11.09.2025).
10. Life imprisonment will not defeat corruption, according to lawyers // URL: <https://ria.ru/20141112/1032974902.html> (Accessed: 16.08.2025).
11. Corrupt officials should be sentenced to life imprisonment // URL: https://tsargrad.tv/news/poklonskaja-nuzhno-povyisit-nakazanie-dlja-chinovnikov-za-korrupciju-do-pozhiznennogo-lishenija-svobody_51647 (Accessed: 16.08.2025).

ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ОПОЗНАНИЯ, СВЯЗАННОГО С УСТАНОВЛЕНИЕМ ЛИЧНОСТИ ПОГИБШЕГО PREPARATION FOR CONDUCTING AN IDENTIFICATION PROCEDURE RELATED TO ESTABLISHING THE IDENTITY OF THE DECEASED

БЕЛЯКОВ Алексей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: belekov2007@yandex.ru;

БОГДАНОВ Максим Николаевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима, Псковский филиал Санкт-Петербургского Университета ФСИН России.
180014, Россия, г. Псков, Зональное шоссе, д. 28.
E-mail: mbogdanov75@mail.ru;

ШИШКИНА Ксения Александровна,

студент института права, Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: shishkinaksenya21@gmail.com;

BELYAKOV Aleksey Vladimirovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Organisation of Combating Economic Crimes,
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: belekov2007@yandex.ru;

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Regime Organization
Pskov Branch of St. Petersburg University Federal Penitentiary Service of Russia.
28 Zonalnoe shosse, Pskov, 180014, Russia.
E-mail: mbogdanov75@mail.ru;

SHISHKINA Ksenia Alexandrovna,

student of the Institute of Law, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: shishkinaksenya21@gmail.com

Краткая аннотация: В статье приводятся тактические рекомендации по сохранению и фиксации идентификационных признаков неопознанного трупа и общей подготовке к проведению его опознания. Вместе с тем, вносятся предложения касательно изменения законодательных предписаний, регламентирующих производство предъявления для опознания и отождествления личности.

Abstract: The article provides tactical recommendations for the preservation and documentation of identification features of an unidentified corpse, and for the general preparation for its identification. Concurrently, it offers proposals for amending legislative provisions governing the procedure of presentation for identification and personal identification.

Ключевые слова: неопознанный труп, идентификация личности, предъявление для опознания, отождествление личности.

Keywords: unidentified deceased, identity determination, Show-up identification, identity establishment.

Для цитирования: Беляков А.В., Богданов М.Н., Шишкина К.А. Подготовка к проведению опознания, связанного с установлением личности погибшего // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 603-605. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_603.

For citation: Belyakov A.V., Bogdanov M.N., Shishkina K.A. Preparation for conducting an identification procedure related to establishing the identity of the deceased // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 603-605. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_603.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025

При обнаружении неопознанного трупа складывается непростая следственная ситуация, при которой субъект расследования должен в кратчайшие сроки предпринять меры для установления личности. Сохранение индивидуальных признаков внешности обеспечивает возможность проведения опознания с участием предполагаемых родственников или знакомых погибшего. По сравнению с экспертизой метод идентификации, основанный на опознании, позволяет быстрее решить поставленную задачу при условии проведения процедуры с процессуальным и тактическим совершенством. Сложность заключается в необходимости совершить целый комплекс организационно-подготовительных мероприятий перед производством опознания, что вызывает существенные затруднения на практике. Для работы над разрешением данной проблемы далее в настоящей статье будут изложены рекомендации, касающиеся тактики подготовки к опознанию, и предложения по совершенствованию законодательства.

Поскольку неустановленный труп с высокой вероятностью может стать объектом опознания, уже на момент первичного осмотра подлежат фиксации его идентификационные признаки. В частности, при осмотре проводится дактилоскопирование, фотографирование тела, изъятие одежды и других найденных при осмотре вещей. Указанные мероприятия должны проводиться осмысленно, без допущения небрежности. Например, в ряде случаев целесообразнее дактилоскопировать труп после доставления в морг. Такое решение следователь может принять, если: 1) условия места происшествия неблагоприятны, 2) дактилоскопирование займет много времени в виду сильного трупного окоченения,

3) необходима процедура восстановления папиллярных узоров, при которой кисти рук ампутируются, 4) на поверхности ладоней присутствуют следы, подлежащие криминалистическому исследованию.

Фотографирование имеет особое значение для дальнейшего опознания, поскольку тело умершего недолговременно пребывает в узнаваемом состоянии и при невозможности провести опознание незамедлительно потребуются предъявить опознающему фотографии трупа. Оpoznательную съемку изначально проводят на месте обнаружения, позаботившись при этом о надлежащем освещении, а далее повторно фотографирование осуществляется в морге после наведения туалета трупа или его реконструкции. Представляется, что в ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ [1] (далее – УПК РФ), регламентирующей порядок опознания, следует также предусмотреть возможность предъявления для опознания видеозаписи, ведь фотографии ограничиваются выбором одного ракурса, в то время как видеозапись позволяет последовательно зафиксировать особенности внешности трупа с разных сторон, причем не разрозненно, а ходе единого непрерывного процесса, что упрощает восприятие характеризующих признаков и их анализ.

Одежда и вещи, найденные при трупе, также помогают получить ориентирующую информацию, полезную для идентификации личности, поэтому нужно их описать, сфотографировать, изъять и обеспечить сохранность. В момент перемещения тела рекомендуется следить за тем, чтобы не выпали и не были утеряны никакие ранее незамеченные предметы. Как отмечает Хитев А.П., сразу рекомендуется изъять те части одежды и обуви, которые с высокой вероятностью потеряются при транспортировке трупа. Вместе с тем, автор считает нерациональным снятие с тела поврежденной одежды, поскольку ее исследование в ходе экспертизы будет способствовать точному установлению механизма нанесения увечий [2]. Стоит согласиться с данными рекомендациями и заключить, что вопрос с изъятием вещей при осмотре трупа на месте происшествия должен решаться, исходя из ситуации.

Не менее важной частью осмотра, способствующей последующему поиску опознающих, является отражение в протоколе описания трупа и найденных при нем вещей. Помимо классической рекомендации по использованию метода словесного портрета важно упомянуть, что при отсутствии возможности подробно перечислить особенности трупа на месте происшествия стоит дополнительно осмотреть труп в морге, дополнив его описание. Полезным будет консультирование с судебно-медицинским экспертом для уточнения перенесенных погибшим ранее операций, заболеваний, наличия старых шрамов, их точной локализации и причин возникновения. Кроме того, при описании признаков важно принимать во внимание посмертные изменения тела, отражающиеся на его внешнем облике.

Затем решается вопрос о необходимости изготовления посмертной маски и слепков. Обширное исследование по этому поводу проводилось Ю.П. Дубягиным, О.П. Дубягиной и С.Г. Логиновым. Как полагают авторы, изготовление посмертных масок и слепков будет тактически верным решением в тех случаях, когда степень обезображенности трупа становится серьезным препятствием для его опознания. Также ими предлагается включить в ст. 193 УПК РФ посмертные маски и слепки в качестве объектов предъявления для опознания [3]. Поддерживая данную позицию, стоит сказать, что расширение возможностей для применения различных методов опознания сможет увеличить шансы идентификации личности погибшего лица.

Для поиска предполагаемых опознающих требуется обращение к криминалистическим учетам, для чего составляется опознавательная карта трупа. При сопоставлении собранной информации с картотекой лиц, пропавших без вести, в АИПС «Опознание» возможно установить соответствия с данными о пропавшем гражданине. При выявлении совпадений родственники пропавшего лица приглашаются на допрос, после чего следователь может провести опознание с их участием.

Далее подготовка к опознанию зависит от результата доследственной проверки. Поскольку производство предъявления для опознания, предусмотренного ст. 193 УПК РФ, допускается только при наличии возбужденного уголовного дела, возникает вопрос, в какой форме должно осуществляться и оформляться отождествление трупа в ином случае, когда отсутствует основание для возбуждения дела. При наступлении смерти лица в результате несчастного случая или суицида также требуется предпринимать меры для установления личности, но провести процессуальное опознание при этом законом не разрешается. Изучение материалов проверок сообщений о преступлении, по которым принималось решение об отказе в возбуждении уголовного дела, показало, что в подобных обстоятельствах факт опознания фиксировался оперативными сотрудниками в документах с различными наименованиями: протокол предъявления для опознания, акт опроса либо акт предъявления для отождествления личности. Первый вариант представляется недопустимым, поскольку название указывает на следственное действие, проведение которого в рассматриваемой ситуации незаконно, как уже было сказано ранее. Опрос и отождествление личности относятся к перечню оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), перечисленных в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] (далее – ФЗ Об ОРД). В п. 4 ч. 2 ст. 7 закона говорится, что основанием для проведения ОРМ служат ставшие известными сведения об обнаружении неопознанных трупов, а согласно ст. 2 розыск без вести пропавших входит в число задач оперативно-розыскной деятельности. Данные положения предполагают, что оперативнополномоченные могут производить ОРМ с целью установления личности погибших. Наиболее близким к процессуальному предъявлению для опознания является отождествление личности, однако его определения в законе не приводится, поэтому трудно сказать, может ли быть объектом оперативного отождествления труп. Как пишут Халикова А.Н., Яковец Е.Н. и Журавленко Н.И., при наличии неопознанного трупа без признаков насильственной смерти проводится «отождествление личности трупа» с соблюдением правил, предусмотренных ст. 193 УПК РФ [5]. По мнению Луковникова Г.Д., объектами отождествления могут быть не только живые лица, но и неопознанные трупы, животные, предметы и т.д., поэтому наименование данного ОРМ нуждается в нормативном уточнении [6]. Действительно, выражение «предъявление для отождествления личности» является некорректным, когда речь идет об опознании трупа. Однако проблема видится не только в самом названии ОРМ, но и в отсутствии его определения на законодательном уровне. Данное обстоятельство приводит к серьезным расхождениям в понимании значения отождествления и создает неудобства

в практической деятельности, в том числе связанной с установлением личности погибших. Для устранения проблемы следует внести поправки в ФЗ «Об ОРД», изменив название ОРМ «отождествление личности» на «оперативное отождествление», определив порядок его реализации, а также перечень объектов, которые могут предъявляться для отождествления.

При возбуждении уголовного дела и принятии решения о предъявлении трупа для опознания в соответствии со ст. 193 УК РФ следователь должен предварительно допросить опознающего. Рекомендации, относящиеся к данной стадии, могут учитываться и при оперативном опросе лица, привлекаемого к отождествлению трупа. В первую очередь стоит сказать, что психологическому состоянию опознающего в рассматриваемой ситуации должно уделяться особое внимание. И.Е. Лобан, Г.И. Заславский и В.Л. Попов верно отмечают, что существует вероятность резкого ухудшения состояния здоровья опознающего в связи с болезненной реакцией на известия о смерти близкого человека [7]. Следователь должен заранее обеспечить возможность оказания медицинской помощи, лучше всего проводя допрос с участием медицинского специалиста. В случае возникновения реальной угрозы для здоровья необходимо отказаться от проведения следственного действия. Учитывая вышесказанное, среди родственников погибшего изначально стоит определить самое психологически устойчивое лицо для привлечения его в качестве опознающего. Как пишет М.Н. Шухнин, в ходе общения допрашиваемого нужно морально подготовить к участию в следственном действии путем разъяснения роли данного лица в последующем опознании, последовательности выполнения им своих функций [8]. При выяснении признаков, на основе которых опознающий сможет узнать погибшего, стоит сосредоточиться на наиболее устойчивых приметах, которые не должны потерять свое идентификационное значение в виду посмертных изменений. В этом аспекте также может пригодиться специалист по судебной медицине для указания на признаки, наименее подверженные искажению вследствие трупных явлений.

Как видно из вышесказанного, подготовка к предъявлению для опознания трупа включает в себя множество шагов, которые должны быть совершены в сжатые сроки. Для того, чтобы в них уложиться и предотвратить непоправимые ошибки на данной стадии, необходимо планировать предпринимаемые действия и привлекать специалистов для выполнения отдельных задач. Вместе с тем, должно развиваться законодательство, регламентирующее деятельность следственных и оперативных работников по производству опознания, поскольку и от качества законодательных предписаний зависит, будет ли цель по установлению личности достигнута.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // «Российская газета» от 22 декабря 2001 г. № 249.
2. Хитев, А. П. Тактические особенности осмотра неопознанного трупа на месте его обнаружения / А. П. Хитев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – № 12. – С. 190-193. – DOI 10.37882/2223-2974.2020.12.38. – EDN XHVTPT // Журнал «Современная Наука» [сайт]. — URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/401d7547-0ca3-42f2-aa97-61fc5a2be4f2> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Логинов С.Г. Опознание в практике розыска человека и раскрытия преступлений (научно-методические аспекты). – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 196-206 С.
4. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – N 33. – ст. 3349.
5. Халикова А.Н., Яковец Е.Н. и Журавленко Н.И. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие/ Под редакцией А.Н. Халикова. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 94 С.
6. Луковников, Г. Д. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия : учебник для вузов / Г. Д. Луковников. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 299 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18722-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/566036> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Судебно-медицинская деятельность в уголовном судопроизводстве: правовые, организационные и методические аспекты. – СПб.: «Издательство Юридический центр Пресс», 2003. – 222 С.
8. Шухнин М.Н. Неопознанный труп. Установление личности. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 85 С.

References:

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 27.10.2025) (with amendments and additions, effective from 01.01.2026) // "Rossiyskaya Gazeta" of December 22, 2001, No. 249.
2. Khitev, A. P. Tactical Features of Examination of an Unidentified Corpse at the Place of Its Discovery / A. P. Khitev // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. - 2020. - No. 12. - P. 190-193. - DOI 10.37882/2223-2974.2020.12.38. - EDN XHVTPT // Journal "Modern Science" [website]. - URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/401d7547-0ca3-42f2-aa97-61fc5a2be4f2> (accessed: 10/19/2025).
3. Dubyagina O.P., Dubyagin U.P., Loginov S.G. Identification in the practice of human search and discovery of crimes (scientific-methodological aspects). - M.: Publishing house «Juriliforms», 2006. - 196-206 p.
4. Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ "On Operational-Investigative Activities" (as amended on 01.04.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1995. - No. 33. - Art. 3349.
5. Halykova A.N., Yakovets E.N. and Zhuravlenko N.I. Legal, technical and information-analytical support of operational research activities: Training manual/ Edited by A.N. Halykova. - M.: Julitinform, 2010. - 94 p.
6. Lukovnikov, G. D. Investigative actions and operational-search measures: a textbook for universities / G. D. Lukovnikov. - 3rd ed., revised. and additional. - Moscow: URAYT Publishing House, 2025. - 299 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-18722-9. - Text: electronic // URAYT Educational Platform [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/566036> (accessed: 10/19/2025).
7. Forensic Activity in Criminal Proceedings: Legal, Organizational, and Methodological Aspects. St. Petersburg: Legal Center Press Publishing House, 2003, 222 p.
8. Shukhnin, M.N. Unidentified Corpse. Identification. Moscow: Yurilitinform Publishing House, 2006, 85 p.